

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АЛЬ-ФАРАБИ

КАФЕДРА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА,
ТРУДОВОГО ПРАВА

МАТЕРИАЛЫ

республиканской научно-практической конференции

**«НОВЫЕ ФОРМЫ КОНТРАКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ»**

посвященной памяти доктора юридических наук
АМИРХАНОВОЙ ИРИНЫ ВИКТОРОВНЫ

Алматы, 29 апреля 2022 г.

Алматы
«Қазақ университеті»
2022

Ответственные редакторы:

Төрегелді Г.О., Мұқалдиева Г.Б.

Новые формы контрактных отношений цифровой экономики республики казахстан в условиях пандемии: материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной памяти д.ю.н. Амирхановой Ирины Викторовны. Алматы, 29 апрел. – Алматы: Қазақ университеті, 2022. – 106 с.

ISBN 978-601-04-6092-8

Сборник подготовлен на основе материалов республиканской научно-практической конференции, проведенной Кафедрой гражданского права и гражданского процесса, трудового права юридического факультета КазНУ им. аль-Фараби. Публикуемые статьи посвящены исследованию проблем и развитию контрактных отношений цифровой экономики Республики Казахстан в условиях пандемии, а также к изучению новые форм контрактов.

В сборник вошли научные доклады и выступления на конференции ведущих ученых из России и Казахстана, практикующих юристов, представителей судебных органов, а также докторантов и магистрантов.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям юридических факультетов, докторантам, магистрантам, студентам юридических вузов, а также работникам суда, прокуратуры, адвокатуры и практикующим юристам.

СМАРТ-КОНТРАКТ КАК ПРОГРАММНЫЙ КОД И КАК ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ДОГОВОР

При исследовании правовой природы смарт-контракта исследователи нередко упускают из виду тот очевидный факт, что смарт-контракт выступает в двух ипостасях: как цифровой продукт и как правовой институт. Поэтому для того чтобы определить правовую природу смарт-контракта, необходимо прежде всего разобраться в том, что из себя представляет смарт-контракт в техническом понимании. Я долго думал, как назвать смарт-контракт в техническом понимании, ибо на практике применяются разные названия: технический код, цифровой код, программный код, компьютерный код. В конце концов исходя из того, что смарт-контракт основан на цифровой программе и именно это определение чаще всего употребляется в официальных документах, я остановился на названии «программный код». Но и другие названия, на мой взгляд, имеют право на существование.

Смарт-контракт в техническом понимании

Идея автономного исполнения договора была реализована задолго до ее концептуализации.

Так, можно считать, что первый в мире автономный механизм был разработан в Александрии (египетской провинции Римской империи) во II веке до н.э. По крайней мере, более ранних упоминаний и описаний автоматических устройств для выполнения договорных условий науке пока не известно. Это был первый торговый автомат, созданный Героном Александрийским по заказу жрецов античного храма. Автоматическое устройство было предназначено для продажи порции святой воды. Прихожане при входе в храм останавливались напротив устройства, бросали в отверстие монету и получали порцию святой воды для ритуального омовения рук.

Одной из первых попыток создания автономных систем стала разработка первого автомата по продаже книг. В 1819 году Ричард Карлайл – английский издатель и борец за свободу слова и печати - был признан виновным в публикации и продаже антицерковной книги «Века разума», оштрафован на 1000 фунтов и заключен в тюрьму на два года. После выхода из тюрьмы он задумался над способом продолжения борьбы с цензурой. В 1822 году им был придуман хитроумный ход: на крыльце своей книжной лавки Карлайл установил будку с прорезью, нишей и специальным диском. В прорезь нужно было бросить монету, а стрелку на диске повернуть к названию нужной книги, после чего покупка появлялась внутри ниши.

Когда Карлайла вновь привлекли к суду, он отрицал свое участие в продаже книг и утверждал, что покупатели книг заключали договор не с ним, а напрямую с машиной¹.

Первое упоминание о смарт-контрактах относится к 1994 году. Американский криптограф Ник Сабо определил смарт-контракт как компьютерный протокол, который самостоятельно приводит сделки и контролирует их исполнение с помощью математических алгоритмов².

Следует отметить, что применение смарт-контракта может встретить ряд препятствий. Языки программирования, в отличие от естественного языка, обладают большей степенью определенности. Программный код при построении контракта по внутренней модели, упомянутой ранее, является составной частью соглашения сторон, а не полностью заменяет

¹ См.: Лукоянов Н.В. Legaltech: смарт-контракты сквозь призму современного частного права // Юридические исследования. 2018. №7. С. 57-58.

² См.: Вашкевич А.М. Смарт-контракты: что, зачем и как / А.М. Вашкевич. М.: Симплоер, 2018. 38 с.

его. Следует согласиться с позицией А.И. Савельева о том, что компьютер «равнодушен» к основополагающим принципам гражданского права, таким как законность, справедливость, защита слабой стороны³.

Л.А. Новоселова, рассматривая смарт-контракт с технической стороны, указывает, что техническая сторона смарт-контракта в контексте блокчейна отражена в его определениях как разновидности кодировки, способа функционирования блокчейна; как фрагмента кода, который реализован на платформе блокчейн и иницируется блокчейн-транзакциями, а также организует внесение записей в базу данных.

Описание условий и алгоритма исполнения смарт-контрактов оформляется на языке программирования и с использованием математических инструментов (например, криптографии с открытым ключом), что устраняет почву для расхождений при трактовке условий сделки.

Исполнение также осуществляется автоматически за счет работы заранее заданных программ в компьютерной системе без участия сторон при наступлении определенных обстоятельств, зафиксированных в программном коде. Записи об обязательствах и совершенных транзакциях сохраняются с фиксацией времени их совершения, не могут быть никем изменены, хранятся в распределенном виде⁴.

Фактическая реализация смарт-контракта происходит в три основных этапа:

1) опционный смарт-контракт между сторонами сделки записывается в блокчейн с помощью машинного кода. При этом стороны смарт-контракта сохраняют анонимность относительно третьих лиц, но заключенный («скрепленный» электронными подписями сторон) смарт-контракт автоматически вносится в распределенный реестр платформы;

2) фактическое исполнение смарт-контракта. Происходит с момента исполнения всех закодированных договорных условий, присущих соответствующему смарт-контракту, например, наступает срок исполнения обязательств (экспирации, завершения обращения опционов на электронной бирже) по срочным контрактам либо достигается цена страйка (цена, установленная в опционе);

3) регуляторы цифровой платформы осуществляют мониторинг надлежащего исполнения обязательств сторон по заключению на платформе смарт-контрактов. При этом информация частного характера, включая персональные данные сторон таких электронных сделок, остается в разряде закрытой информации⁵.

Таким образом, процесс подготовки смарт-контракта в целом схож с подготовкой традиционного договора: привлечение независимого консультанта, проведение переговоров для согласования текста договора, использование образцов кода, выложенных в свободный доступ на специальных ресурсах (например, крупнейший веб-сервис для хостинга IT-проектов и их совместной разработки GitHub) как аналог использования формуляров в современном торговом обороте.

После подготовки программного кода одна из сторон смарт-контракта становится инициатором размещения протокола в программной среде, где будет исполняться смарт-контракт, путем загрузки программного кода, подписанного открытым и закрытым ключами.

Вторая сторона акцептует условия смарт-контракта путем его подписания своими открытым и закрытым ключами.

Подписание смарт-контракта производится закрытым ключом, который доступен одному пользователю. Применение алгоритмов шифрования позволяет сформировать сообщение о присоединении, которое содержит сертификат закрытого ключа (открытый ключ), который доступен всем пользователям. Поэтому пользователи среды могут верифицировать, что смарт-контракт был подписан определенным лицом.

³. См.: Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. №3. С. 43.

⁴. См.: Новоселова Л.А. Токенизация объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. №12. С. 29-44.

⁵. См.: Зульфугарзаде Т.Э. Особенности правового обеспечения смарт-контрактов // Экономика. Право. Общество. 2018. № 2. С. 28-34. <https://epo.rea.ru/joir>article>view>.

Рассмотренный механизм позволяет создать условия для подписания смарт-контракта идентифицированными сторонами, при этом среда децентрализованного реестра гарантирует целостность и неизменность программного кода смарт-контракта посредством криптографической защиты⁶.

При обращении к зарубежному опыту также можно установить, что определение сущности смарт-контрактов связывается с их функционированием в блокчейн-платформах.

В США в законодательстве нескольких штатов предусматривается регулирование отношений, связанных с заключением смарт-контрактов. Так, по итогам анализа указанных актов Н.В. Лукоянов отмечает, что согласно законодательству Аризоны «смарт-контракт является программой, которая активируется происходящими событиями, причем она действует в распределенном децентрализованном многопользовательском воспроизводимом реестре и может управлять активами и передавать их в таком реестре». В законе штата Теннесси об электронных сделках приводится сходное определение смарт-контракта, которое расширяет область их применения: помимо управления и передачи активов в реестре, имеется возможность создания и распространения активов в реестре, синхронизации информации и управления правами доступа к программным продуктам. Соответствующие законодательные инициативы рассматриваются в настоящее время в ряде других штатов: Флорида, Небраска и Вермонт⁷.

В соответствии с законодательством штата Невада смарт-контракт представляет собой программу, которая приводится в действие определенными событиями, отражает определенное состояние, выполняется на распределенном, децентрализованном, находящемся в совместном доступе, тиражируемом реестре и способна контролировать активы, учтенные в таком реестре, а также инициировать их передачу⁸.

Смарт-контракт в общем виде, без попытки дать ему правовую квалификацию, можно определить как запрограммированный договор, условия которого прописаны в программном коде и который автоматически исполняется с помощью блокчейна. Смарт-контракты базируются на компьютерном протоколе, который по установленным правилам посылает или получает определенную информацию или изменяет данные. Основанием является заложенный в протоколе программный код. При этом применяются простые правила «если, - то»: «если» определенное условие будет исполнено, «то» будет совершено определенное действие или транзакция. Таким образом, с технической точки зрения смарт-контракт – это программный код. Примером является смарт-контракт (программный код), согласно которому мотор арендованного автомобиля заработает только в случае своевременного внесения арендной платы. Смысл использования блокчейна для смарт-контрактов состоит в обеспечении неизменности программного кода и условий «если, - то» благодаря децентрализации⁹.

«Умный» контракт (smart-contract) в физическом смысле представляет собой электронный алгоритм, программный код для ЭВМ в электронном виде (программа) и является юридически обязывающим документом – соглашением сторон в правовом понимании. Умные контракты, как правило, развертываются на технологической платформе blockchain, хотя возможно использование и на других платформах. В децентрализованной системе blockchain («цепочка блоков») смарт-контракт как программный код находится в пределах одного «блока».

---

⁶. См.: Лукоянов Н.В. Legaltech:смарт-контракты сквозь призму современного частного права. С. 61.

⁷.См.: Лукоянов Н.В. Правовые аспекты заключения, изменения и прекращения смарт-контрактов // Юридические исследования. 2018. №11. С. 28-35.

⁸. См.: Тюльканов А. Блокчейну – да, смарт-контрактам – нет: законодатели Невады определились с понятиями//Zakon.ru.2017.URL:https://zakon.ru/blog/2017/06/19/blockcheynu-da_smart-kontraktam-net_zakonodateli_nevady_opredelilis_s_ponyatiyami

⁹. См.: Федоров Д.В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта. <https://urfac.ru/?p=459>

Блок представляет собой программный контейнер, объединяющий сообщения, относящиеся к определенному смарт-контракту. Эти сообщения могут выступать в качестве входных или выходных данных программирования смарт-контрактов и сами могут указывать на другой компьютерный код¹⁰.

Наибольшее распространение смарт-контракты получили в банковской и страховой сфере. Их использование возможно также в управлении цепочками поставок, в ритейле, медицине (фармакологии), автопроме и торговле недвижимостью. Высказано также мнение, что основной сферой применения «умных» контрактов могут быть преимущественно финансовые договоры (опционы, договоры в отношении деривативов и пр.) и договоры, связанные с депонированием каких-либо цифровых активов (эскроу)¹¹.

Смарт-контракт в юридическом понимании

Надо иметь в виду, что категорию «смарт-контракт» необходимо определять в техническом и юридическом понимании.

В связи с этим исследователями приводятся два термина: `smartcontract` и `legalsmartcontract`. Под `smartcontract` при этом понимается компьютерный код, который при наступлении определенного состояния или условий способен работать автоматически в соответствии с заранее определенными функциями. Код может храниться и обрабатываться в распределенном реестре и записывать любые результирующие изменения в него. Под `legalsmartcontract` понимаются сформулированные и автоматизированные с помощью программного кода соответствующие закону условия соглашения между двумя или более сторонами¹².

Честно говоря, я не вижу большого смысла разделять `smartcontract` и `legalsmartcontract`. Это один и тот же контракт, только имеющий две стороны: техническую и юридическую. Обе эти стороны смарт-контракта дополняют друг друга, находятся в тесном взаимодействии и взаимозависимости.

Как считают Ю.В. Трунцевский и В.В. Севальнев, юридическое определение SC может идти двумя путями: 1) сделать его отдельным договором. Такой договор становится легитимным, ему обеспечивается защита на основе действующего законодательства, возникает возможность предъявлять SC (код) в качестве электронного доказательства; 2) установить, что SC – это не самостоятельный вид договора, а лишь способ оформления соглашения между участниками хозяйственной деятельности, основанный на технологии (блокчейн) и направленный на минимизацию временных, технических и материальных издержек, а также на снижение и предотвращение для участников сделки правовых рисков. Для этого применяют либо выжидательный подход, либо «песочницу», регулирующую SC и технологию `blockchain` в целом. Блокчейн-пространство постоянно развивается и меняет свой курс непредсказуемым образом, так что приходится, как правило, воздерживаться от регулирования вещей, которые еще не полностью понятны¹³.

В зависимости от условий, запрограммированных в смарт-контракте, он может быть:

- как консенсуальным, так и реальным (например, смарт-контракт купли-продажи цифровых токенов / смарт-контракт займа криптовалюты);
- как возмездным, так и безвозмездным (например, смарт-контракт дарения криптовалюты / смарт-контракт купли-продажи цифровых токенов);

¹⁰ .См.: Карцхия А.А.Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий. Дисс...доктора юрид.наук. М., 2019. С. 146-149.

¹¹ .См.: Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. №3. С. 43.

¹² .См.: Гринь О.С., Гринь Е.С., Соловьев А.В. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения //LexRussica.2019.№8 (153).С. 53.

¹³ .См.: Трунцевской Ю.В., Севальнев В.В. Смарт-контракт: от определения к определенности // Журнал Высшей школы экономики. 2020. №1. С. 142.

· как двусторонним, так и многосторонним (смарт-контракт купли-продажи цифровых токенов / смарт-контракт по созданию децентрализованной автономной организации (Decentralized Autonomous Organization-DAO).

При этом смарт-контракт может быть только:

- письменным, так как фиксируется в среде распределенного реестра;
- заключаемым между отсутствующими (стороны акцептуют условия / подписывают смарт-контракт, используя открытые и закрытые ключи)¹⁴.

Специалистами The Chamber of Digital Commerce проведен сравнительный анализ конструкции смарт-контракта на основе законодательства США и Испании – стран, относящихся к общей и континентальной системам права. В результате проведенного анализа был сделан вывод о сходстве элементов договора по праву Испании и праву США, несмотря на различие терминологии¹⁵.

Представляется, что смарт-контракты правильнее будет не называть новым видом договора, а выделять как новый способ исполнения обязательств, а именно автоматизированное исполнение обязательств. Задача договорного права заключается в поиске правового инструментария, который позволит дать определение автоматизированному исполнению обязательств и пояснить роль обязанной стороны при таком исполнении. Исходя из функциональной направленности смарт-контрактов, видится необходимым раскрыть сущность автоматизированного исполнения обязательств, которое описывает механизм функционирования смарт-контрактов в договорном праве, а также рассмотреть участие должника в таком исполнении обязательства¹⁶.

Л.Г. Ефимова и О.Б. Сизимова считают, что, поскольку автоматическое исполнение договора не может быть отменено или изменено, смарт-контракт может быть квалифицирован как новый способ обеспечения исполнения обязательств, наличие которого устанавливает доверие между сторонами. Обеспечение исполнения обязательств при этом достигается, по их мнению, программным путем с помощью протокола соответствующей платформы, созданной с использованием технологии блокчейн¹⁷.

Вряд ли это правильно. Способ обеспечения исполнения обязательства должен быть, как правило, применимым ко всем или по крайней мере к большинству видов обязательств. Между тем смарт-контракт – это самостоятельный договор с особым способом исполнения.

Характерно, что те же авторы (Л.Г. Ефимова и Щ.Б. Сизимова) объявляют смарт-контракт «самостоятельной договорной конструкцией». Авторами сделан вывод о том, что место смарт-контракта находится среди особых самостоятельных договорных конструкций, расположенных в первой части ГК РФ, которые отражают особенности заключения или специальные правовые последствия любого гражданско-правового договора, если он отвечает указанным законом признакам¹⁸.

Об этом же пишут и другие авторы: «исходя из ч. 2 ст. 309 ГК РФ, смарт-контракт может быть определен как типовая (специальная) договорная конструкция – договор, заключенный с помощью электронных либо иных технических средств, условиями которого предусмотрено исполнение возникающих из него обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями договора»¹⁹.

¹⁴. См.: Лукоянов Н.В. Legaltech: смарт-контракты сквозь призму современного частного права. С. 60.

¹⁵. См. об этом: Гринь О.С., Гринь К.С., Соловьев А.В. Указ. соч. С. 57.

¹⁶. См.: Сомова Е.В. Смарт-контракт в договорном праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. №2. С. 81.

¹⁷. См.: Ефимова Л.Г., Сизимова О.Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. 2019. №1. С. 23-30.

¹⁸. См.: Там же.

¹⁹. См.: Гринь О.С., Гринь Е.С., Соловьев А.В. Указ. соч. С. 57-58.

Появляются и совсем фантастические конструкции. В частности, О.М. Родионова вдруг заговорила о сингулярном правопреемстве. Она пишет:

«Договоры, связанные с цифровыми активами, логичнее всего определить через конструкции сингулярного правопреемства, в том числе уступку права требования и перевод долга, поскольку все они в конечном итоге юридически направлены на замену лиц в уже существующем гражданском правоотношении. Так, право, предоставляемое в рамках опциона на заключение договора, имеет обязательственный характер и может быть уступлено, если иное не предусмотрено указанным соглашением или не вытекает из его существа. То же относится и к иным деривативным договорам и ценным бумагам. Поскольку из таких договоров возникают обязательства, к ним также применимы положения о сингулярном правопреемстве. Соответственно, появление смарт-контрактов, оформляющих замену лиц на стороне кредиторов и должников, не могут поколебать понимания обязательств как определенных действий, которые одни лица обязаны совершить в пользу других лиц (п.1 ст.307 ГК РФ)»²⁰.

Не совсем понятно, при чем здесь правопреемство. То есть несомненно, что правопреемство (сингулярное) здесь присутствует. Но сказать об этом - значит ничего не сказать. Ибо правопреемство является следствием совершения конкретных юридических фактов, в частности, договоров. И задача исследователя состоит именно в том, чтобы определить правовую природу этих договоров.

По юридической природе А.И. Савельев относит смарт-контракт к договору и с учетом указанных признаков предлагает следующее определение: договор, существующий в форме программного кода, имплементированного на платформе blockchain, который обеспечивает автономность и самоисполнимость условий такого договора по наступлении заранее определенных в нем обстоятельств²¹.

Л.Г. Ефимова и О.Б.Сизимова критикуют возможность квалификации смарт-контракта как условной сделки и выделяют особенности:

- формы смарт-контракта, функции которой выполняет компьютерный код;
- заключения смарт-контракта. Смарт-контракт может быть заключен только с использованием технологии blockchain;
- предмета исполнения смарт-контракта – цифровой финансовый актив;
- исполнения и прекращения смарт-контракта при наступлении заранее установленных обстоятельств, неотвратимость которых обеспечивается программными средствами²².

А.А. Волос пишет, что смарт-контракт в самом общем виде можно определить как запрограммированный договор, условия которого прописаны в программном коде и который автоматически исполняется с помощью блокчейна²³.

Внедрение смарт-контрактов практически уничтожает международное частное право. В частности, Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров от 11 апреля 1980г. в случае купли-продажи с помощью смарт-контракта неприменима. Других конвенций нет и пока не предвидится. В литературе эта проблема практически не освещается. В немногих работах делаются робкие предложения о том, чтобы ЮНСИТРАЛ выработал унифицированный подход к нормативному регулированию смарт-контрактов в трансграничной торговле²⁴.

А.И. Савельев пишет: в «умном» контракте воля сторон выражается единожды: в момент его заключения. Впоследствии компьютерная программа сама исполнит все

²⁰. См.: Родионова Д.М. Проблемы совершенствования российского гражданского права в цифровую эпоху // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. №3. С. 137-141.

²¹. См.: Савельев А.И. Договорное право 2.0.: «умные» контракты как начало конца классического договорного права//Вестник гражданского права. 2016. №3. С.32-60.

²². См.: Ефимова Л.Г., Сизимова О.Б. Правовая природа смарт-контракта //Банковское право. 2019. №1. С.23-30.

²³. См.: Волос А.А. Смарт-контракты и принципы гражданского права // Российская юстиция. 2018. №12. С. 5-7.

²⁴.См.: Губарева А.В., Коваленко К.Е., Коваленко Н.Е. Проблемы выбора применимого права к смарт-контрактам в международном частном праве // Вестник ЮУрГУ. Серия Право. 2020. Т. 20. №4. С. 45.

запрограммированные условия такого контракта. Никаких действий по исполнению договора, никаких дополнительных распорядительных сделок от сторон договора не требуется. По его мнению, так называемая «самоисполнимость» умного контракта означает «исчезновение понятия «обязательство» в том смысле, как оно понимается еще со времен римского права²⁵.

Как видно из вышеприведенного, авторы высказывают самые разные мнения о смарт-контрактах, но правовая природа их так четко и не определена.

Выводы

Таким образом, в результате проведенного обзора литературы можно прийти к следующим выводам:

1. Смарт-контракт, наряду с тем, что он является программным кодом, - это юридический факт, порождающий правовые отношения (вещные, обязательственные, исключительные). В качестве такого юридического факта выступает гражданско-правовой договор. Это не способ обеспечения исполнения обязательства, как считают некоторые авторы.

2. Однако особенность этого договора заключается в способе исполнения договора. Договор исполняется автоматически, при наступлении определенных условий. Осуществляется принцип «если...то».

3. В то же время это своеобразный договор. Он не вписывается в традиционную классификацию договоров (передача имущества, выполнение работ, оказание услуг). На основе смарт-контракта могут возникнуть самые разнообразные договоры (купли-продажи, мены, имущественного найма, отчуждение исключительных прав и т.п.).

4. С правовой точки зрения смарт-контракт может классифицироваться как письменная форма сделки, совершенная с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки. При этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю. Закон предусматривает, что иными правовыми актами и соглашением сторон может быть предусмотрен специальный способ достоверного определения лица, выразившего волю.

5. В Закон РК от 7 января 2003г. «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» проектом Закона о цифровых технологиях предлагалось включить ряд норм о смарт-контрактах. Из окончательного текста Закона эти нормы совершенно правильно были исключены.

Определения, предлагаемые в проекте, являлись чисто технологическими и не отражали юридическую сущность смарт-контракта. А эта юридическая сущность заключается в том, что исполнение здесь производится автоматически, без волеизъявления стороны договора, при наступлении определенного договором условия.

Правильно этот вопрос решен Законом РФ от 18 марта 2019г.

Статья 309 ГК РФ дополнена частью второй следующего содержания:

«Условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки».

Это и есть смарт-контракт. На мой взгляд, можно это положение включить в ГК РК в качестве п.2 ст. 272 ГК (Надлежащее исполнение обязательства).

Этим же Законом РФ от 18 марта 2019 г. в ГК РФ было включено положение о том, что письменная форма сделки считается соблюденной в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается невыполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю. Законом, иными правовыми актами и

---

²⁵ См.: Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права //Вестник гражданского права. 2016. №3.

соглашением сторон может быть предусмотрен специальный способ достоверного определения лица, выразившего волю (абз. 2 п.1 ст. 160 ГК РФ в ред. Федерального закона от 18.03.2019 №34-ФЗ).

6. В определении правовой природы смарт-контакта в литературе удовлетворительного решения так не было найдено. Пытаясь найти выход из этого тупика, некоторые авторы предлагают воспользоваться разработанной проф. В.В. Витрянским концепцией «специальных договорных конструкций».

Направление в целом верное, за исключением того факта, что специальных договорных конструкций не существует. В обоснование этого утверждения мне придется привести основные положения моей статьи на эту тему²⁶.

7. О специальных договорных конструкциях широко начали говорить во время проведения реформы гражданского права в Российской Федерации. Родоначальником или, во всяком случае, активным пропагандистом этой концепции стал проф. В.В. Витрянский²⁷. Благодаря его высокому авторитету данная концепция обрела многочисленных сторонников и стала господствующей.

К специальным договорным конструкциям относят закрепленные в ГК РК и ГК других постсоветских стран публичный договор (ст. 387 ГК РК), договор присоединения (ст. 389 ГК РК), предварительный договор (ст. 390 ГК РК), договор в пользу третьего лица (ст. 391 ГК РК). Кроме того, в ходе реформы гражданского права в ГК РФ Федеральным законом от 8 марта 2015г. были включены нормы еще о четырех специальных договорных конструкциях: рамочный договор (договор с открытыми условиями) (ст. 429.1), опцион на заключение договора (ст.429.2), опционный договор (ст.429.3) и абонентский договор (договор с исполнением по требованию) (ст. 429.4).

По мнению абсолютно всех исследователей смысл типовой договорной конструкции состоит в том, что она находится вне деления договора на род-вид или тип-вид²⁸. Идея простая: поскольку опционные договоры не вписываются в число самостоятельных (основных) договоров, то это и не договоры вовсе, а договорные конструкции. В то же время эти договорные конструкции вроде бы договоры, ибо есть оферта и акцепт, условия договоров, исполнение и ответственность за неисполнение. То есть вроде бы не договор, но в то же время все существенные признаки договора налицо.

Довольно странные договорные конструкции, не находите?

В.В. Витрянский признал очевидным, что специальные договорные конструкции не относятся к числу рядовых видов (разновидностей) гражданско-правовых договоров, и по этой причине они не «вписываются» в традиционные классификации гражданско-правовых договоров²⁹. Однако места этим договорам в системе гражданско-правовых договоров он так и не нашел.

Говоря о применении этих теоретических положений к концепции «специальных договорных конструкций» в системе гражданского права, следует иметь в виду следующее:

Понятие «юридические конструкции», в том числе «договорные конструкции», по моему глубокому убеждению, может применяться только в системе науки права, но не в системе права. Если даже признать наличие юридических конструкций в системе права, трудно (а, по моему, невозможно) найти им место. Любое правовое образование должно быть или нормой

---

²⁶. См.: Сулейменов М.К. Специальные договорные конструкции (общие договоры) и их место в системе права. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32801264

²⁷. См., например: Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2016. Его же. Специальные договорные конструкции в условиях реформирования гражданского законодательства // Хозяйство и право. 2011. №10. С. 3-17.

²⁸. См.: Садиков О.Н. Некоторые положения теории гражданского права // Советское государство и право. 1966. №9. С. 15-24; Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, Инфра-М, 2013.

²⁹. См.: Витрянский В.В. Некоторые аспекты учения о гражданско-правовом договоре в условиях реформирования гражданского законодательства // Проблемы развития гражданского права: Сборник статей к юбилею Владимира Саурсевича Ема / Отв. ред. Е.А. Суханов, Н.В. Козлов. М.: Статут. 2011. С. 335.

права, или институтом права. Кроме того, как бы ни характеризовали исследователи специальные договорные конструкции, они называют их, как правило, видом договора.

На чем строится существующая классификация? Есть основная классификация договоров по видам деятельности: передача имущества, выполнение работ, оказание услуг, осуществление совместной деятельности. Это основные договоры. Все, что не вписывается в эту схему, объявляется или вспомогательными договорами, или квазидоговорами, или вообще не договорами, а договорными конструкциями.

Такие противоречия являются следствием общепринятой в теории гражданского права парадигме построения всех классификаций договоров в одномерной системе: есть сетка основных договоров. Все, что не вписывается, должно или как-то с этой сеткой быть скоординировано (акцессорные, предварительные и т.п.), или это не договоры, а конструкции.

Выход из ситуации заключается в признании того, что договоры могут строиться не в одной плоскости, а в двух, трех и более плоскостях. Наряду с основными договорами могут существовать договоры, сгруппированные в иной плоскости и по другим основаниям. Это в полной мере относится к так называемым «специальным договорным конструкциям».

«Специальные договорные конструкции» - это не что иное как виды полноценных гражданско-правовых договоров, только расположенных в иной плоскости, чем основные договоры. Поскольку эти договоры находятся в общей части обязательственного права, их можно объединить в группу под названием «общие договоры».

Эта группа, в свою очередь, делится на две группы: 1) организационно-предварительные договоры, в которую входят предварительный договор, опцион на заключение договора и рамочный договор; и 2) договоры с дополнительным обременением, в которую входят публичный договор, договор присоединения, договор в пользу третьего лица, опционный договор и абонентский договор.

Договоры первой группы – это самостоятельные договоры, целью которых является заключение основных договоров, договоры второй группы – это те же основные договоры, только осложненные дополнительным обременением (обязанность заключить договор, обязанность принять стандартные формы договора, обязанность произвести исполнение третьему лицу и т.п.).

8. Следовательно, смарт-контракт является не какой-то непонятной «специальной договорной конструкцией», а общим договором. Поэтому норма о смарт-контракте может быть закреплена в общей части ГК как один из видов общих договоров.

Из двух групп договоров (организационно-предварительные договоры и договоры с дополнительным обременением) смарт-контракты можно отнести к договорам с дополнительным обременением. Это те же договоры купли-продажи, мены, отчуждения исключительных прав и т.п., только обремененные цифровой формой в виде смарт-контракта.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ДОСТУПА К ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация: Ел Президентінің "Қазақстанды цифрландыру: өсудің жаңа көкжиектері" атты Қазақстан халқына Жолдауы біздің еліміздің кейінгі кезеңдегі дамуының басты міндеттері айқындалған тарихи құжат болып табылады. Басым орын Қазақстанның әлеуметтік-экономикалық дамуына тиесілі, ол экономиканың өсуін ғана емес, сонымен қатар өндірістік процестерді цифрландыруды, заманауи мемлекеттің ресурстық базасын дамытуға цифрлық технологияларды енгізуді қамтиды. Нақты мақалада цифрландыру жағдайында экологиялық ақпаратқа қол жеткізу саласындағы мемлекеттік басқарудың құқықтық мәселелері қарастырылған. Автор цифрландыруға байланысты шараларды жетілдіру бойынша ұсыныстар береді.

Тірек сөздер: Қоршаған орта, цифрландыру, экологиялық ақпарат, мемлекеттік басқару.

Annotation. The message of the President of the country to the people of Kazakhstan "Digitalization of Kazakhstan: New horizons of growth" is a historical document that defines the main tasks of the development of our country for a later period. Priority belongs to the socio-economic development of Kazakhstan, which involves not only economic growth, but also digitalization of production processes, the introduction of digital technologies in the development of the resource base of the modern state. The specific article discusses the legal issues of public administration in the field of access to environmental information in the context of digitalization. The author gives recommendations on improving measures related to digitalization.

Keywords: environment, digitalization, environmental information, public administration.

Послание Президента страны народу Казахстана «Цифровизация Казахстана: новые горизонты роста» является историческим документом, в котором определены главные задачи развития нашей страны в постковидный период. Приоритетное место принадлежит социально-экономическому развитию Казахстана, которое включает в себя не только подъем экономики, но и цифровизацию производственных процессов, внедрение цифровых технологий в развитие ресурсной базы современного государства.

Термин «цифровизация» активно используется в научном обороте, в том числе применительно к государственному управлению несмотря на то, что в официальных нормативных источниках данное понятие не дается. Лишь в Государственной программе «Цифровой Казахстан», утвержденной Постановлением Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 года, под цифровизацией предлагается понимать – применение цифровых технологий для создания и/или изменения бизнес-модели и получения новых доходов и возможностей, генерирующих ценность [1]. В широком смысле под цифровизацией понимается современный общемировой тренд развития экономики и общества, который основан на преобразовании информации в цифровую форму и приводит к повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни. В соответствии с государственной программой «Цифровой Казахстан» сфера охраны окружающей среды нуждается в оперативной, достоверной и полноценной информации. В связи с этим вопросы автоматизации имеют важное стратегическое значение, так как в дальнейшем результаты деятельности в области охраны окружающей среды будут складываться не только от состояния материальной базы, квалификации персонала, но и от достоверности и оперативности представления всей экологической информации.

В качестве одной из задач программы указывается создание системы правового регулирования цифровой экономики, основанной на гибком подходе в каждой сфере.

Путем разработки нормативных актов проект призван решить следующие задачи: 1) снятие первоочередных барьеров, препятствующих развитию цифровой экономики; 2) регулирование сквозных межотраслевых вопросов в цифровой среде (таких, как идентификация субъектов правоотношений, оборот данных, электронный документооборот) [2].

Помимо этого, задачами правовой трансформации являются:

создание правовой базы для сбора, хранения и обработки информации, ее защиты от сторонних посягательств, соблюдения интересов участников взаимоотношений в цифровой экономике;

внедрение результатов интеллектуальных разработок;

совершенствование антимонопольного законодательства и практики внедрения инноваций;

адаптация механизма правовой защиты интересов потребителей в соответствии с новыми условиями ведения бизнеса;

формирование обновленной системы сбора и обработки статистической информации;

формирование инфраструктуры для интенсивного развития цифровой составляющей в экономике.

Цифровая трансформация затрагивает все стороны жизни современного общества, не является исключением и сфера охраны окружающей среды, обеспечения экологической безопасности и природопользования.

Основой для выполнения упомянутых задач по обеспечению полноты и доступности экологической информации является формирование электронных баз данных, связанных с осуществлением природоохранной деятельности. При формировании электронных баз данных необходимо такое установление правового режима государственных информационных ресурсов, чтобы была расширена возможность их использования различными субъектами, в том числе представителями заинтересованной общественности в рамках осуществления общественного контроля [3].

Государственный фонд экологической информации представляет собой систему централизованного сбора, учета, систематизации, хранения, распространения экологической информации и иной нормативной, статистической, учетной, отчетной, научной и аналитической информации, касающейся вопросов окружающей среды, природных ресурсов, устойчивого развития и экологии, в письменной, электронной, аудиовизуальной или иной формах.

Государственный фонд экологической информации ведется в целях обеспечения реализации права общественности на доступ к экологической информации, экологического просвещения и повышения экологической культуры населения, а также информационного обеспечения государственных органов.

Одним из активно развивающихся направлений цифровизации, которое имеет наиболее разработанную нормативную базу, представляет собой реализация межотраслевого принципа гласности. В разрезе экологического и природного ресурсного права данный принцип рассматривается как в отношении той информации о состоянии окружающей среды, которой располагают уполномоченные органы, так и информации о планируемых и реализуемых действиях уполномоченных органов, затрагивающих вопросы экологии. Доступность такой информации выполняет задачу обеспечить участие всех заинтересованных лиц в принятии экологически важных решений, в обязательном порядке включающих вопросы использования и охраны вод как одного из компонентов природной среды, и, как следствие, задачу повысить эффективность механизма государственного управления. На международном уровне положение о том, что экологические вопросы решаются наиболее эффективным образом при участии всех заинтересованных граждан, было сформулировано в качестве десятого принципа Рио-де Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию 1992 г. и затем получило

развитие в Конвенции о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды 1998 г.[4] Конституционная основа принципа гласности, в том числе в сфере экологии установлена статьей 17 и 31 Конституции РК, где указана что, Государственные органы, общественные объединения, должностные лица и средства массовой информации обязаны обеспечить каждому гражданину возможность ознакомиться с затрагивающими его права и интересы документами, решениями и источниками информации. Также государство ставит целью охрану окружающей среды, благоприятной для жизни и здоровья человека и сокрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, угрожающих жизни и здоровью людей, влечет ответственность в соответствии с законом [5].

В Экологическом законодательстве Республики Казахстан не предусмотрено юридическое понятие экологической информации. В статье 17 Экологического кодекса рассматривается содержание экологической информации и включает в себя по сравнению с Экологическим кодексом утратившим юридическую силу современный состав. В состав экологической информации, свободный доступ к которой подразумевает Орхусская конвенция, включается любая информация в письменной, аудиовизуальной, электронной или любой иной материальной форме:

1) о состоянии компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, природных комплексов, объектов государственного природно-заповедного фонда, биоразнообразия, включая генетически модифицированные организмы, и взаимодействия между ними, а также об экосистемных услугах, генофонде и генетических ресурсах живых организмов;

2) о предпринимаемых государством административных, законодательных, программных и иных мерах, в том числе разрабатываемых нормативных правовых актах, политиках, планах, программах и соглашениях в области окружающей среды, оказывающих и (или) способных оказать воздействие на вышеуказанные элементы и факторы;

3) об экологическом законодательстве Республики Казахстан и отчетах о его применении;

4) об анализе затрат и выгод, иных видах экономического анализа и допущениях, использованных при принятии государственным органами и должностными лицами решений в рамках планируемых мер и осуществления деятельности;

5) о состоянии здоровья людей, экологической безопасности, включая, если применимо, концентрации загрязняющих веществ в пищевой цепочке, экологических условиях проживания людей, состоянии объектов культуры, зданий и сооружений в той степени, в какой на них воздействуют или могут воздействовать состояние элементов окружающей среды;

6) об уязвимости к изменению климата, о существующих и прогнозируемых воздействиях изменения климата, а также мерах по адаптации к изменению климата [3].

Экологическая информация отнесена законом к общедоступной, что влечет за собой присвоение экологической информации двух важных характеристик. Во-первых, доступ к ней может быть ограничен исключительно в случае, если сведения, включенные в состав такой информации, составляют государственную тайну. Во-вторых, экологическая информация в порядке, определенном Законом Республики Казахстан от 16 ноября 2015 года «О доступе к информации», должна предоставляться для ознакомления неограниченному кругу лиц путем ее размещения в сети Интернет в форме открытых данных. При этом открытые данные могут публиковаться как на официальных сайтах уполномоченных органов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, так и с помощью государственных информационных систем [7].

Таким образом, формирование общей государственного фонда информации в части негативного воздействия на окружающую среду и состояния окружающей среды позволит:

оптимизировать межведомственное электронное взаимодействие между органами государственной власти и органами местного управления в части экологического управления;

обеспечить оперативный доступ к необходимой экологической информации, не требующей дополнительного исследования на предмет достоверности;

унифицировать различные информационные системы в органах государственной власти в целях повышения совместимости и устойчивости работы отдельных систем и дальнейшего объединения различных баз данных для использования конечными пользователями технологии «одного окна» (что позволит избежать удвоения информационных ресурсов);

предоставить удаленный доступ к природоохранной деятельности того или иного хозяйствующего субъекта, к состоянию окружающей среды на конкретной территории;

реализовать возможность подачи заявлений на оформление разрешительной документации путем заполнения специальных форм на сайтах контрольно-надзорных органов и создание автоматической системы по проверке поступающих документов на предмет их соответствия требованиям законодательства;

исключить традиционные способы обмена информацией о статусе поданных документов путем направления информации в личный кабинет природопользователя при условии сохранения традиционной письменной формы и возможности отказаться от применения электронных средств связи и использовать традиционные методы извещений;

детализировать порядок представления, хранения и проверки представленных электронных документов и иной электронной информации; использовать там, где это возможно инструменты цифровой экономики такие как смарт-контракты (например, предоставление информации за плату); и иные цифровые объекты, в том числе работающие на основе технологии блок-чейн или подобных распределенных базах данных;

использовать цифровые технологии при принятии тех или иных решений (например, автоматизировать принятие решений о выдаче комплексных экологических разрешений, обработку деклараций о воздействии на окружающую среду и деклараций о плате за негативное воздействие и т. д.).

Источники

1. Государственная программа "Цифровой Казахстан" утвержденной Постановлением Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 года
2. Vlasenko, V.N., Shirobokov, A.S. (2021) Digitalization of state environmental management: Legal aspects. *RUDN Journal of Law*. 25 (2), 601—619. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-2-601-619
3. Экологический кодекс Республики Казахстан от 06 июля 2021 года\\ Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан
4. О ратификации Конвенции о доступе к информации, участию общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды Закон Республики Казахстан от 23 октября 2000 года N 92-III ЗРК
5. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года, с изменениями и дополнениями\\ Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан
6. Закон Республики Казахстан от 16 ноября 2015 года «О доступе к информации»\\ Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан
7. Амашукели С. А. Развитие цифровизации в сфере использования и охраны водных объектов\\ [file:///C:/Users/User/Downloads/3087-6817-1-PB%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/User/Downloads/3087-6817-1-PB%20(1).pdf)

Тыныбеков Сериккали Тыныбекович
*доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедры Гражданского права и
гражданского процесса, трудового права Юридического факультета
КазНУ им. аль-Фараби*
Мұқалдиева Гулия Бөкешқызы
*профессор ал-Фараби атындағы ҚазҰУ Заң факультеті Азаматтық құқық және
азаматтық іс жүргізу, еңбек құқығы кафедрасының доценті, з.ғ.к.*

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ЦИФРЛІК ЭКОНОМИКАСЫН ДАМУ КЕЗЕҢІНДЕГІ ЖАҢА ӨТЕМЕЛІ ҚЫЗМЕТ ШАРТТАРЫН ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ

Пандемия кезеңінде өнімнің азаюы, жұмыс уақытының қысқаруына орай, жұмыс беруші кәсіпкерлердің қызметкерлерді жаппай қысқартуына әкеп соқты. Кейбір кәсіпкерлер өз кәсіптерін тоқтатуға мәжбүр болды. Осыған байланысты, осы мәселенің өсуіне байланысты, персоналды беруге қатысты қызмет көрсету ұғымдары пайда болып, азаматтық және еңбек құқықтық қатынастарды реттейтін заңнамаға өзгерістер енгізілді. Әрине бұл бизнес үшін тиімді болғанымен, нормативтік құқықтық базамен қамтамасыз ету барысында жеткіліксіздік туғызып, шешімін таппаған бірқатар құқықтық мәселелерді қордаландырды. Бірінші кезекте, персоналды беруге қатысты қызмет көрсету мәнін ашу, оған қатысты жасалатын шарттарды анықтау, азаматтық қатынас пен еңбек қатынастарының қосарлану барысында олардың ара жігін ажырату, туындаған мәселелерді тиімді шешу бәрінен де маңызды болып танылады.

Жалпы 2020 жылдың 19 желтоқсанында «Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне персонал беру жөніндегі қызметтерді көрсету мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы» заң қабылдануына байланысты бірқатар заңнамалық нормативтік құқықтық актілерге өзгерістер мен толықтырулар енгізілді [1]. Осының нәтижесінде ҚР АҚ-нің «Өтемелі қызмет көрсету» деп аталатын 33-тарауы «Персонал беру жөніндегі қызметтерді көрсетуге арналған шарт» атты 687-1-бабымен толықтырылды. ҚР АҚ 687-1-бабына сәйкес, персонал беру жөніндегі қызметтерді көрсетуге арналған шарт бойынша, бір тарап (жіберуші тарап) өз жұмыскерін басқа тараптың (қабылдаушы тарап) мүддесінде, басқаруымен және бақылауымен жұмысты орындау үшін жібереді-деп көрсетілді [2]. ҚР Еңбек кодексінің 137-1-бабы Персонал беру жөніндегі қызметтерді көрсету бойынша қызметті жүзеге асыру тәртібі мен толықтырылды[3]. Осыған сәйкес, тәжірбеде аутсорсинг пен аутстаффинг шарттарын жасау жиіледі. Алайда, Қазақстан Республикасы Азаматтық кодексте, Қазақстан Республикасы еңбек кодексі де бұл шарттарға нақты анықтама бермеген. Аутсорсинг терминіне анықтаманы «Өнеркәсіптік өнімдердің (тауарлардың, көрсетілетін қызметтердің) көрсеткіштерін қалыптастыру және жалпы шығарылымын есептеу жөніндегі әдістемені бекіту туралы» Қазақстан Республикасы Ұлттық экономика министрлігі Статистика комитеті Төрағасының 2017 жылғы 20 желтоқсандағы бұйрығында: «аутсорсинг (сыртқы мердігерлік) – негізгі өндірістік бірліктің (тапсырыс беруші) тауар немесе қызмет өндіру бойынша тапсырыс берушінің толық немесе ішінара қызметін қамтитын негізгі функцияларды басқа өндірістік бірлікке (мердігерге) мердігерлікке беру» -деп көрсетеді[4].

Әрине, аутсорсинг шартының заңнамалық анықтамасы нақты ажыратылмағандықтан оның заңды анықтамасын ажырату маңызды, осыған орай, бұл шарттарға шетел тәжірибесіне және әртүрлі шетелдік ғалымдар берген анықтамаларына сүйенуге тура келеді. Ресейдің және бірқатар шетелдік ғалымдар аутсорсингке бірнеше анықтамалар берген. Аникин Б.А., Рудай Л.М.: «аутсорсинг-компанияның жеке орындауындағы өндірістік қызметтерінің бір бөлігін компаниядан тыс шағаратын бизнес технологиясы»[5]. Абрамов Э.: «Аутсорсинг-компанияның қосымша қызметтерін шарт бойынша кәсіби мамандарына беру»[6]. Хейвуд Дж.: «аутсорсинг- белгіленген бағаға, белгілі бір мерзімде келісім бойынша компанияның

белгілі бір бөлімшесін тауар жеткізіші компанияның басқаруына және ұйымдастыруына беру»[7]. И.А. Ещенко: аутсорсинг- аралас шарт, оның құрамына қызмет көрсету шарты мен мердігерлік шартының элементтері кіреді[8]. В.С.Витко, Е.А. Цатурян: «аутсорсинг - аутсорсинг аралаас шарт емес, өзінің елеулі ережелерін құрайтын жеке шарт»- деп көрсетеді [9].

ҚР АҚ 687-1-бабына сәйкес, персонал беру жөніндегі қызметтерді көрсетуге арналған шарт бойынша бір тарап (жіберуші тарап) өз жұмыскерін басқа тараптың (қабылдаушы тарап) мүддесінде, басқаруымен және бақылауымен жұмысты орындау үшін жібереді, яғни тәжірибеде жиі жаалып жүрген аутсоринг шарты осы шартқа негізделеді. Себебі, ҚР АҚ аутсорсинг шарты нақты көрсетілмеген. ҚР АҚ «шарт еркіндігі» қағидасына сүйене отырып, бұндай шарт жасауға кедергі келтірмейді, бірақ бұл шарттың нақты анықтамасын ажыратып, ҚР АҚ көрсету өте қажет. Өйткені, бұл қатынастардан туындайтын салықтық, әкімшілік, азаматтық құқықтық салдарлардың нақты шешілуіне керек. Жоғарыда көрсетілген мәліметтерге сәйкес, аутсорсинг шарты деп тапсырыс беруші ұйымның белгілі бір функцияларын нақты мәселе бойынша неғұрлым жоғары біліктілігі бар сыртқы орындаушыларға (аутсорсерге) беруді көздейтін екі жақты, ақылы, консенсуалды шарт деп түсінуге болады. Аутсорсинг шартының әртүрлі нысандағы шаруашылық субъектілері жасай алады. Аутсорсинг шартының тараптары ретінде аутсорсер ұйым мен тапсырысшы ұйым танылады. Аутсорсинг компания мен оның персоналдары еңбек қатынастарында тұрады. Персонал тапсырыс беруші компаниямен еңбек қатынастарында тұрмайды. Өйткені, аутсорсер компания мен тапсырыс беруші компания тек азаматтық қатынастарда тұрады. Былайша айтқанда, аутсорсинг -белгілі бір компания өз қажеттілікке байланысты, сырттағы компанияның, еңбек ресурстары қызметін қызмет көрсету шарты бойынша алады. Персонал мен тапсырыс беруші компанияның арасында еңбек қатынастары болмағандықтан, жұмысшының және еңбек қауіпсіздік мәселелеріне қатысты жауапкершілік аутсорсер компанияның өзінде болады. Бірақ бұл бірқатар құқықтық мәселерді туғызып отыр және оған қазіргі заңнама толық жауап бере алмайды. Аутсорсер компания мен тапсырыс беруші компания өзара қызмет көрсету шартымен өзара жауапкершілікте тұрғанымен, құқықтық табиғаты жағынан ол мердігерлік шартымен де ұқсас, екеуінің ара жігін ажырату маңызды. Аутсорсинг шартының пәні -қызмет көрсету. Бұл қызметтер мамандандырылған компания бойынша жүзеге асуы мүмкін. Бірақ бұл ақылы қызметтер емес, мысалы ақылы бухгалтерлік қызмет, заңды қызмет көрсету бар. Ол жай өтемелі қызметпен жүзеге асуы мүмкін, ал егерде бұл қызмет басқа компанияның ішкі қызмет функциясының бір бөлігін басқару қажет болса, онда аутсорсер компания үнемі өз қызметкерлерін(онымен еңбек қатынастарында тұратын) тапсырысшы компанияға ұдайы немесе бір рет қызмет көрсетуге жіберіп қана қоймай, белгілі бір компания бөлігін басқарады. Былайша айтқанда, аутсорсер компания- белгілі бір компанияның функцияларын басқару қызметін көрсетеді. Өйткені, ол сол үшін сыйақы алады шарт негізінде, мамандандырылған компаниялар үшін арнайы тапсырыстар өте тиімді, тапсырысшы компания тиімділігі бұрынғыдай штатта саны көп жұмысшыларды ұстау қажет етпейді. Ол өз кезегінде еңбек қатынастарынан туындайтын салықтар мен төлемдерден, сақтандыру және әлеуметтік төлемдерден босатады. Пандемия кезеңінде, бұрынғыдай штатта көп жұмысшы ұстау аса тиімсіз екендігін көрсетті, ол өз кезегінде салықтық берешектерді ғана қордаландырып қоймай, жұмысшылардың алдындағы жалақы, жәрдемақы, демалыс ақысы сияқты берешектерді көбейтті, осы өз кезегінде компанияның банкроттығына тікелей әсер ететіні сөзсіз. Осындай жағымсыз салдарлардың кесірінен көптеген шағын орта бизнес субъектілері кәсіпкерлік қызметтерін тоқтатуға мәжбүр болды.

Шетел тәжірибесінде, «аутсорсинг» 60- жылдардың соңында АҚШ пайда болған, Ресейге соңы 15 жылда келді, ал Қазақстан Республикасында 5 жылда, әсіресе пандемия кезінде бұл бүгінде өзекті. «Аутсорсинг» (ағылш. outsourcing: out – тыс, source – ресурс) ұғымы сөзбе-сөз «сыртқы қайнар көз» дегенді білдіреді [10]. Жұмысқа орналасудың бұл түрі компанияның қайталама функцияларын үшінші тараптың мамандандырылған қосалқы мердігеріне беруді білдіреді. Халықаралық тәжірибеде мынандай функциялар аутсорсингке

жиі беріледі: бухгалтерлік есеп, жалдау қызметтері, IT қызметтері, жарнама және PR, оңтайландыру, көлік, аударма қызметтері, заңды қолдау және компанияның қауіпсіздігі.

Халықаралық тәжірибеде «аутсорсинг» шартымен қатар, «аутстаффинг» шартыда кеңінен қолданылады, сондықтан бұл шарттың да Қазақстан Республикасында қолданылуы және оны құқықтық реттеу негізін нақты анықтау маңызды. «Аутстаффинг» (outstaffing) ұғымы ағылшын тіліндегі «out» – тыс және «staff» – штат деген сөздерінен шыққан. Шетел тәжірбиесінде бұл шартты-персонал лизингі деп те атайды [11]. Ресей ғалымдары Аникин Б.А., Рудай Л.М.: аутстаффинг-бұл арнайы мамандандырылған агенттік белгілі бір келісімнің негізінде, тапсырысшы компанияға өзінің білікті мамандарының қызметін ұсынады[5]. Тимощук Ю.А., Семенов А.А.: аутстаффинг- компания қызметкерлерін штаттың тыс шығару, жұмысшы мен жұмыс берушінің арасында штаттан тыс кадр қызметін жүргізетін агент үшінші тұлға пайда болады [12]. Сергеичева И.А.: аутстаффинг -нақты бір жобаны орындауға байланысты, компания сырттан мамандар тартуы деп көрсетеді [13].

Аутстаффинг шарты тәжірибеде жұмысшыларға жұмсалатын шығынды 25-30 пайызға азайту үшін қолданады. Аутстаффинг екі нұсқада қолданылады: өз жұмысшыларын штаттан тыс шығару, екіншісі: штатқа аутстаффер компанияны тарту, яғни компания тұрақты жұмысшыларды уақытша қызметкерлермен ауыстырады. Аутстаффингтің ең қарапайым анықтамасы – бұл штаттан тыс шығу. Яғни, аутстаффинг (outstaffing) – бұл қызметкерлерді басқа компанияның штатына қайта ресімдеу, нәтижесінде жұмысшылар ескі жұмыс орнында жұмыс істеп, бұрынғы функцияларын орындайды, бірақ жұмыс берушінің рөлі мен міндеттері ресми түрде үшінші тарап компаниясы – аутстафферге өтеді. Сонымен, қызметкерлер еңбек шартының нақты жұмыс беруші компаниямен емес, делдал аутстаффер компаниямен жасайды. Аутстаффер жалақы төлеу, салықтық бершіктерді төлеу, еңбек заңнамаларының міндеттемелерін орындау сияқты міндеттерді алады. Ал қызметкерлер жұмысты нақты тапсырыс беруші компания үшін жасайды. Жалпы аутстаффинг шартының қолдануы, бұл былайша айтқанда, жалданбалы еңбек күшін қолдану (заемный труд). Бұрында жалданбалы еңбек күшін пайдалануға жол берілмейтін еді, қазіргі кезде, дүниежүзінде орын алған пандемия жағдайына байланысты, жалданбалы еңбек күші қолданылатын болды. Бүгінде, Қазақстан Республикасында аутстаффинг шарты құқықтық реттелмеген. Заңды түрде не тиым салынбаған, не нақты рұқсат етілмеген. Бүгінде, аутстаффинг еңбек құқығы нормаларына қайшы келеді. 2015 жылы жаңа «Еңбек кодексінің» қабылдануымен, 40 бабы бойынша, бір заңды тұлғаның қызметкерлері екінші заңды тұлғаға «іссапарға» баруға рұқсат етілген норма қабылданды. Жұмыскердің (іссапарға жіберілгеннің) басқа заңды тұлғада (оның филиалдарын, өкілдіктерін және (немесе) өзге де оқшауланған құрылымдық бөлімшелерін қоса алғанда), сондай-ақ сол заңды тұлғаның филиалдарында, өкілдіктерінде және (немесе) өзге де оқшауланған құрылымдық бөлімшелерінде еңбек шартында келісілген белгілі бір мамандық, біліктілік немесе лауазым (еңбек функциясы) бойынша не басқа лауазым, мамандық, біліктілік бойынша жұмысты орындауы жұмыскерді іссапарға жіберу деп түсініледі- деп көрсетеді[3]. Жұмыскерлерді іссапарға жіберу мынандай екі жағдайда жол беріледі:

1) жұмыс берушінің құрылтайшысы, қатысушысы немесе акционері болып табылатын, сондай-ақ жұмыс беруші-заңды тұлғаның акциялары (жарғылық капиталға қатысу үлестері) жанама түрде тиесілі заңды тұлғаға (оның филиалдарына, өкілдіктеріне және (немесе) өзге де оқшауланған құрылымдық бөлімшелеріне) тиесілі болса;

2) дауыс беруші акциялары (жарғылық капиталға қатысу үлестері) жұмыс беруші- заңды тұлғаға тікелей немесе жанама түрде тиесілі заңды тұлғаға (оның филиалдарына, өкілдіктеріне және (немесе) өзге де оқшауланған құрылымдық бөлімшелеріне) іссапарға жіберуге жол беріледі [3]. Сондықтан іссапарға жіберуші және қызметкерлерді қабылдап алушы заңды тұлғалар өзара байланысты. Сондықтан, кез -келген компания аутстаффинг қызметін ұсына бермейді.

Сонымен, осы екі қызмет түрінің басты айырмашылығы – аутсорсинг – бұл тапсырыс берушіге компанияның белгілі бір функцияларын беру, ал аутстаффинг – қызметкерлерді беру

болып табылады. Жалпы, «аутстаффинг» – бұл «аутсорсингке» қарағанда тар ұғым екенін есте ұстаған жөн, өйткені аутстаффинг шарты бойынша тапсырыс берушіге тек персонал, ал аутсорсингке сәйкес персонал да, басқа сыртқы ресурстар да берілуі керек.

Аутсорсинг шартының пәні болып орындаушының белгілі бір уақытқа тапсырыс беруші ұйымның функцияларының бір бөлігін орындау қызметі табылады. Ал аутстаффингтің пәні – орындаушының шартта белгіленген мерзімге өз қызметкерлерін (персоналды) тапсырыс берушіге беру қызметі.

Аутсорсинг және аутстаффинг шарты бойынша берілетін қызметкерлер орындаушының штатында есептеледі. Қызметкерлер нақты орындаушымен еңбек құқықтық қатынастарында болады (яғни еңбек шарттарын жасасады). Жалақыны, еңбекке жарамсыздық төлемі мен өтемақыны орындаушы төлейді. Бұл ретте қызметкерлер мен тапсырыс берушінің арасында заңды (оның ішінде еңбек) қатынастар ресімделмейді.

Аутсорсинг шартының тараптары тек кәсіпкерлік қызметті жүзеге асыратын тұлғалар, яғни ұйымдар (коммерциялық және коммерциялық емес) және жеке кәсіпкерлер болып табылады. Екі шарттың да мерзімі – уақытша. Оның ұзақтығы шарттың негізінде бекітіледі.

Аутсорсинг – мемлекеттік сатып алу саласында соңғы жылдары жиі кездесетін ұғым. Қысқаша айтқанда, аутсорсинг – компанияның негізгі емес функцияларының бір бөлігін тараптағы орындаушыға беруі. Аутсорсингтің қызмет көрсетуден айырмашылығы, оның шарты ұзақ мерзімге, кемінде бір жылға жасалады. Аутсорсингке берілетін негізгі бағыттар: бухгалтерия, логистика, тасымалдау, IT көмек, клининг және т.б. Кәсіпкерлік субъектілері және олардың бірлестіктері, өзін-өзі реттейтін ұйым және үкіметтік емес ұйымдар аутсорсинг қызметтерін көрсете алады. Әкімшілік рәсімдер туралы заңда орталық және (немесе) жергілікті атқарушы органдардың бәсекелес ортаға функцияларын беру төмендегі жолдармен жүзеге асырылатыны көрсетілген: аутсорсинг; мемлекеттік тапсырма; мемлекеттік әлеуметтік тапсырыс; пайдаланушылар есебінен беру; міндетті мүшелікке (қатысуға) негізделген өзін-өзі реттеуді енгізу арқылы жүзеге асырылады. Аутсорсинг шарты Қазақстан Республикасының «Мемлекеттік сатып алу туралы» Заңының нормалары негізінде жасалады. Осылайша, мемлекет негізгі емес функцияларының бір бөлігін мемлекеттік сатып алу арқылы жеке компанияларға береді. Мысалы, емханалар мен ауруханалар мына көрсетілетін қызметтерді көбінесе аутсорсингке береді: емдік тамақтандыруды ұйымдастыру; көлік қызметтері; медициналық қалдықтарды жинау, залалсыздандыру, тасымалдау және орналастыру; күзет қызметтері; кір жуу; зертханалық зерттеулер; қоқысты шығару және т.б. Аутсорсингке берілмейтін мемлекеттік функциялардың тізбесі бар. Аутсорсинг қызметтерінің өнім берушілеріне белгілі талаптар қойылады [14].

Аутсорсинг және аутстаффинг шартының бағасы шартпен анықталады. Ақша мөлшері орындаушы ұйымға беріледі де, тапсырыс беруші қызметкерлерге жалақы төлемейді.

Аутстаффинг шарты ақылы қызмет көрсету шарты болып табылады. Аутстаффинг шартының жалпы талаптары ішінара заңнан, ал ішінара аутстаффинг қызметіне тапсырыс берушінің де, аутстаффинг компаниясының да қажеттіліктеріне негізделген жалпы мағынадан туындайды.

Жоғарыда талданған елеулі талаптардан бөлек, аутстаффинг шартында келесі жалпы талаптар болуы керек:

- әрбір қызметкерге (қызметкерлер тобына) қатысты еңбек функциясы
- ұсынылатын персоналдың саны
- әрбір қызметкер (қызметкерлер тобы) бойынша персоналды ұсыну мерзімі
- қызметтердің құны – әр деңгей бойынша, деңгей топтары немесе жалпы құны.

Іс жүзінде қызметкерлердің әр бірлігі үшін қызмет құнын төлеуді анықтау жиі кездеседі деп болжау қисынды болады. Бұл әдіс жұмысшылардың көп мөлшерін қамтамасыз ету жағдайында дау-дамайды болдырмауға мүмкіндік береді, өйткені адами факторларға байланысты ұсынылатын қызметкерлердің саны өзгеріске ұшырап отырады (денсаулығына байланысты, жұмыстан босату және т.б.).

- қызметтерді төлеу тәртібі мен мерзімдері

- шартта көзделген мерзімде, тәртіппен және мөлшерде қызметкерлер ұсынылмаған жағдайда айыппұл санкциялары
- шартты бұзу немесе өзгерту тәртібі, оның ішінде тапсырыс берушінің қызметтерден біржақты тәртіппен бас тарту мүмкіндігі танылады.

Қорыта келе, қазіргі жағдайдағы қолданыстағы аутсорсинг, аутстаффинг қызметі басқару технологияларының жаңа тетіктері ғана емес, көптеген шешімін таппай отырған мәселелерді нормативтік құқықтық тұрғыдан анықтау қажеттігін көрсетеді. Оған қоса бұл қызметтері арнайы аккредитациялаудан өткен агенттіктерге ғана беру ұсынылады.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі

1. «Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне персонал беру жөніндегі қызметтерді көрсету мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы» Қазақстан Республикасының Заңы 2020 жылғы 19 желтоқсандағы Заңы // электрондық ресурс: <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z2000000386>
2. Қазақстан Республикасының Азаматтық Кодексі (жалпы бөлім). Қазақстан Республикасының 1994 жылғы 27 желтоқсандағы Кодексі // электрондық ресурс: <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/K940001000>
3. Қазақстан Республикасының Еңбек Кодексі. Қазақстан Республикасының 2015 жылғы 23 қарашадағы Кодексі // электрондық ресурс: <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1500000414#z40>
4. «Өнеркәсіптік өнімдердің (тауарлардың, көрсетілетін қызметтердің) көрсеткіштерін қалыптастыру және жалпы шығарылымын есептеу жөніндегі әдістемені бекіту туралы» Қазақстан Республикасы Ұлттық экономика министрлігі Статистика комитеті Төрағасының 2017 жылғы 20 желтоқсандағы бұйрығы // электрондық ресурс: <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1500000414#z40>
5. Аникин Б.А., Рудая Л.М. Аутсорсинг и аутстаффинг: высокие технологии менеджмента: учебное пособие. М.:ИНФРА-М,2009. С.22.
6. Абрамов Э. Аутсорсинг// Аудит и налоги.2007.№3. С.27-31.
- 7.Хейвуд Дж.Б. Аутсорсинг в поисках конуретного преимущества. М.:Вильямс, 2004. С.46.
- 8.Ещенко И.А. Договор аутсорсинга в гражданском праве: автореф.дис...канд.юрид.наук. М.,2009. С.3.
9. Минева О.К. Правовые основы аутсорсинга персонала // Гуманитарные исследования. 2013. –№2 (46). – С. 137-139.
10. Дегтярев Б.А. Состояние и перспективы развития аутсорсинга и аутстаффинга персонала в современной России // Гагаринские чтения – 2018: XLIV Международная молодёжная научная конференция: Сборник тезисов докладов. Том 4: М.: МАИ. – 2018. – С. 105-106
11. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года // электрондық ресурс: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30396612
12. Тимошук Ю.А., Семенов А.А. Аутстаффинг: проблемы применения и пути их преодоления // Менеджмент и менеджер. 2015. № 6. С. 9.
13. Сергеичева И.А. Аутстаффинг персонала как путь снижения транзакционных издержек компании // Междисциплинарный диалог: со- временные тенденции в общественных, гуманитарных, естественных и технических науках. 2014. № 3. С. 144.
- 14 Аусорсинг- мемлекеттік сатып алу//<https://gz.mcfr.kz/news/2794-memlekettik-satyp>

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОФОРМЛЕНИИ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Доклад посвящен вопросу о том, насколько казахстанское право позволяет использовать современные информационные (цифровые) технологии для подтверждения заключения и исполнения договоров. Автор утверждает, что: (i) допустимость письменной сделки в электронной форме позволяет использовать любые электронно-цифровые технологии для выражения воли субъекта на совершение сделки и собственно совершения сделки; (ii) использование мобильных приложений для совершения многих гражданско-правовых сделок является способом, признаваемым на глобальном уровне и в рамках развитых правовых порядков; (iii) казахстанское законодательство не создает препятствий для использования таких инновационных способов оформления договорных отношений между гражданами, и (iv) наиболее предпочтительным видится исключение обязательности ЭЦП при использовании электронной формы договора и оставление решения вопроса о ее использовании в каждом конкретном случае на свободное усмотрение сторон соответствующей сделки.

Ключевые слова: договор, форма договора, доказательство договора, действительность договора, цифровая технология, электронная подпись, электронное сообщение.

Annotation. The issue of the extent to which Kazakh law allows the use of modern information (digital) technologies to confirm the conclusion and execution of contracts is discussed in this report. The author argues that: (i) the admissibility of an electronic form for written contracts allows the use of any electronic digital technology to express the will of any person to enter into the contract and to execute the transaction itself; (ii) use of mobile applications for many civil-law contracts represents a method recognized globally and within developed legal orders; (iii) Kazakhstani legislation does not create obstacles to the use of such innovative ways of formalizing contractual relations between individuals, and (iv) it seems most preferable to exclude mandatory use of an electronic digital signature when using an electronic form of a contract and leave the decision on its use in each specific case to the free discretion of the parties of the relevant transaction.

Key words: contract, form of contract, evidence of a contract, validity of a contract, cipher technology, electronic signature, electronic message.

1. Более четырех лет назад была опубликована наша статья о возможностях использования цифровых технологий для оформления договорных отношений в рамках казахстанского законодательства [1]. В то же самое время нашей командой было разработано мобильное приложение под брендом «сделки.LegCo» с содержательным наполнением, которое предназначалась для того, чтобы позволять заключение и исполнение в повседневной жизни многих гражданско-правовых договоров без использования бумаги, личных встреч и переговоров лицом к лицу. Мы даже начали рекламную кампанию нашего сервиса. К сожалению, в силу разных причин этот проект у нас не получился.

Но недавно в средствах массовой информации с радостью узнал, что в Казахстане для самозанятых разрабатывают приложение, и через этот «сервис самозанятые смогут зарегистрировать свою деятельность и найти клиентов», а в само «приложение будет внедрен усеченный договор, где предусматриваются права и обязанности сторон, защита трудовых [очевидно, здесь имеются в виду гражданские – Ф.К.] прав исполнителя» [2].

Сейчас полностью понять концепцию этого сервиса не представляется возможным. Однако из содержания уже опубликованных сведений можно с уверенностью заключить, что упомянутое приложение предполагается использовать для оформления определенной

категории гражданско-правовых отношений. В таком контексте создание и использование этого приложения видится перспективным.

В связи с этим хочу обратить внимание на то, что при создании указанного нашего приложения мы изучали вопрос о том, насколько наше гражданское законодательство позволяет использование подобных новых способов или форм оформления договорных отношений. Выработанные выводы были опубликованы в упомянутой выше статье. В данном случае отмечу только два момента: (i) использование мобильных приложений для совершения многих гражданско-правовых сделок является способом, признаваемым на глобальном уровне и в рамках развитых правовых порядков, и (ii) казахстанское законодательство не создает препятствий для использования таких инновационных способов оформления договорных отношений между гражданами. Кроме того, в этом докладе тезисами повторю ранее опубликованные выводы.

2. В указанной нашей статье исходным моментом принято то, что одним из наиболее существенных является вопрос о том, насколько казахстанское право позволяет использовать современные информационные (цифровые) технологии для подтверждения фактов и условий заключения и исполнения договоров согласно их содержанию, как и односторонних актов субъектов оборота. В рамках статьи анализировался вопрос о значении и последствиях несоблюдения требований к форме гражданско-правового договора в современных правовых порядках, с учетом наиболее авторитетных в данное время модельных положений (Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА, CESL, DCFR и др.), а также в казахстанском законодательстве.

В этой связи в качестве исходного пункта была сформулирована позиция о том, что казахстанское законодательство придает формальным требованиям к совершению сделок материально-правовое значение в тех случаях, когда законодательством устанавливаются специальные требования к форме сделки, несоблюдение которых влечет или может повлечь недействительность сделки, а также процессуальное значение, позволяя сторонам сделки облегчить возможности для подтверждения ее заключения и ее содержания. А в заключении было обосновано, что в рамках казахстанского законодательства современные технологии позволяют оформлять договорные обязательства без риска признания их недействительности в связи с пороком формы.

3. Использование современных информационных технологий для оформления договорных обязательств с возможностью в будущем доказать заключение договора и условия возникшего на его основании обязательства приобретает значение, прежде всего, в связи с тем, что в качестве письменной формы сделки рассматривается и сделка, совершенная в «электронной форме».

В соответствии с п. 1-1 ст. 152 казахстанского Гражданского кодекса (ГК) с 1 января 2016 года письменной формой сделки также признается совершение сделки в электронной форме. Однако, понятие «*электронной формы*» сделки не определяется непосредственно в ГК. Для этого необходим анализ специальных законодательных и иных подлежащих соблюдению норм (в частности, Законов «О Национальном архивном фонде и архивах» и «Об электронном документе и электронной цифровой подписи», Национального стандарта СТ РК ГОСТ Р 52292-2007 «Технологии информационные. Электронный обмен информацией. Термины и определения» и других нормативных документов), что позволяет понять содержание этого понятия.

Следует оговориться, что не усматривается препятствий и для нотариального удостоверения сделки, совершенной в электронной форме (в том понимании, которое придается этому термину казахстанским законодательством), поскольку нотариальное удостоверение, хотя и являясь частью обязательных по закону или согласованных сторонами формальных процедур при совершении гражданско-правовых сделок, но представляют собой не действия сторон соответствующей сделки, а имеющий прежде всего публично-правовое значение акт нотариуса. Для этого лишь необходимо надлежащее определение условий и порядка такого нотариального удостоверения, то есть утверждение правил, обеспечивающих надлежащий электронный документооборот, то есть позволяющих обмен электронными документами между государственными органами, физическими и юридическими лицами за

счет применения необходимой совокупности соответствующих программных и технических средств, используемых для создания и проверки подлинности электронной цифровой подписи (ЭЦП).

При этом, во всех этих случаях, за исключением ситуаций, когда ГК признает соответствующие сделки ничтожными, совершение и содержание сделки может подтверждаться иными доказательствами, не являющимися свидетельскими показаниями, в том числе если они осуществлены в электронной форме с использованием или без использования ЭЦП.

С учетом формальных требований ГК, установленным в отношении отдельных видов договоров, заключаемых в электронной форме, к ним применяются и соответствующие положения об их совершении в устной или письменной (в простой или с нотариальным удостоверением) форме.

4. Использование письменной формы для совершения сделки на бумажном носителе предполагает непосредственное взаимодействие сторон при изложении и закреплении ее условий собственноручными подписями на бумажном документе. В свою очередь, электронная форма совершения сделки позволяет обходиться без непосредственного контакта сторон заключаемой сделки при ее оформлении, поскольку средства электронно-цифровых коммуникаций позволяют осуществить это на расстоянии.

Вместе с тем, общее требование о подписании сделки ее сторонами (в данном случае – посредством электронной цифровой подписи, в частности, квалифицированной ЭЦП) ограничивает возможности использования цифровых технологий при заключении сделок в целях повышения мобильности делового оборота в интересах обеспечения его твердости, поскольку, во-первых, требует вовлечения в сферу соответствующих отношений третьих лиц, которые своей деятельностью обеспечивают возможности проставления и проверки подлинности ЭЦП, и в связи с этим во-вторых, исключает использование в данном случае иных электронно-цифровых средств взаимодействия.

В связи с этим, следует отметить, что европейские модельные правила частного права (ст. II.-3:104 DCFR) оперируют понятием *«дистанционного взаимодействия в режиме реального времени»* в рамках преддоговорных отношений и предлагают использование средств информационных технологий при заключении договора без личного взаимодействия. В частности, эти правила предлагаются для того, чтобы предоставить предпринимателю возможности вступать в договорные отношения с потребителями или иными контрагентами в рамках осуществления им коммерческой деятельности, используя при этом современные информационные технологии [3, с. 129 - 131].

7. Вышеупомянутые рекомендации и модельные правила DCFR представляют собой важный источник информации относительно того, при каких условиях и в каком порядке могут использоваться «иные определенные формы» сделок, допускаемые в ст. 151 ГК.

В данном случае, поскольку формами сделок указываются лишь устная и письменная, к иным определенным формам относятся такие формы взаимодействия и подтверждения, которые, во-первых, предусмотрены законодательством, а во-вторых, используются по воле сторон соответствующего отношения (в том числе, когда они определяют формы сделки самостоятельно соглашением между собой). К таким иным формам, в частности, мы относим те, которые определены через использование грамматических связок «признаются», «считаются» или приравниваются»: то есть когда сделка совершена в иной форме, но это порождает те же самые правовые последствия, как если бы они были совершены в устной или письменной форме, либо нотариально удостоверены (в зависимости от того, какое требование установлено в законе).

Еще раз обратим внимание на то, что целесообразность выделения иной определенной формы обусловлено именно тем, что такие иные формы: (а) исполняются за счет иных действий, кроме вербального обмена, и (б) не предполагают обязательности подписания документа, как это требуется при совершении сделок в письменной форме.

В качестве иных можно выделить четыре формы допустимых казахстанским законодательством и предусмотренных в ГК сделок (они обсуждаются в вышеупомянутой нашей статье).

8. Вместе с тем, в условиях современного этапа культурно-технического прогресса и повсеместного внедрения цифровых технологий особое значение приобретает возможность совершения сделок (без риска признания их недействительными по основанию несоблюдения требований к форме сделки) посредством обмена электронными сообщениями или иными электронными документами (либо другими сообщениями) посредством электронных средств коммуникации, исключающих вовлечение в эти отношения третьих лиц.

В данном случае мы основываемся на том, что: (а) совершение сделки может осуществляться обменом электронными сообщениями, и (б) что электронная форма (в соответствии с законами об информатизации, архивном деле, электронном документообороте) не обязательно требует использование ЭЦП.

В Казахстане понятие электронного сообщения не определено на уровне законов. Но ранее мы обнаружили определение этого понятия на уровне подзаконных актов [4, п/п.20) п.2]. И хотя существующая дефиниция дает необходимую ясность относительно того, что является электронным сообщением, однако уже на данном этапе развития информационных технологий и существующих правовых решений по вопросам электронного документооборота в сфере коммерческих сделок представляется необоснованно ограниченным в своем содержании, по крайней мере, в следующих двух аспектах.

Во-первых, «электронным сообщением» называют «электронный документ», каким признается документ, в котором информация представлена в электронно-цифровой форме и удостоверена посредством ЭЦП, что нецелесообразно приравнивает электронное сообщение к электронному документу. Во-вторых, нецелесообразной представляется жесткая привязка к языку разметки текста XML, в то время как существуют альтернативные языки (к примеру, JSON). В связи с указанными моментами закрепленная дефиниция электронного сообщения представляется не эффективной и бесперспективной.

9. Вместе с тем, существуют иные правовые решения, позволяющие применять их в качестве электронной подписи согласно широкому определению этого понятия (например, содержащемуся в Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах (Нью Йорк, 2007 г.) [5]). В свою очередь, п. 33 Руководства по принятию Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронных подписях предусматривает среди таких механизмов собственноручное проставление подписи на цифровом планшете, использование персональных идентификационных номеров и иных методов, таких как нажатием кнопкой мыши в окне «ОК» [6].

Более того, существует и классификация цифровых подписей, которые могут использоваться для удостоверения волеизъявления сторон в сделка в зависимости от содержания правовых последствий их использования (неиспользования), предлагаемые в DCFR [3; ст. I. – I:107(3)(4)].

С учетом вышеизложенного, считаем, что ЭЦП, выпускаемая в соответствии с требованиями казахстанского законодательства, например, Республикой Казахстан для целей доступа граждан к государственным услугам, обладает признаками квалифицированной электронной подписи.

В то же время существуют и иные виды электронной подписи (кроме ЭЦП), как, например, предусмотренные в Руководстве по принятию Типового закона ЮНСИТРАЛ, использование которых может упростить процесс оформления гражданско-правовых отношений [6]. И казахстанское законодательство не препятствует использованию таковых.

Поэтому можно сделать вывод о том, что в Республике Казахстан возможно заключать сделки путем обмена электронными сообщениями, не требующим обязательной аутентификации субъектов посредством электронно-цифровой подписи (в том числе, как термин ЭЦП определяется казахстанским законодательством). И тенденции развития не только международного коммерческого права, но гражданского законодательства Казахстана, свидетельствуют о правомерности обмена юридически значимой информацией для целей заключения сделок и подтверждения договоров без обязательного использования их сторонами электронной цифровой подписи, выпущенной государством или иным уполномоченным на это субъектом.

10. В Казахстане имеется плодородная почва для появления новых для нашей юрисдикции цифровых инструментов.

В частности, мы видим широкую перспективу в использовании цифрового инструмента по заключению сделок посредством специально разработанного мобильного приложения, позволяющего участникам гражданского оборота: (i) заключать сделки на согласованных условиях, изменять условия ранее заключенных сделок, расторгать и иным образом фиксировать прекращение сделок, а также (ii) иметь всегда доступное и достоверное доказательство заключения сделки, ее исполнения, прекращения, изменения ее условий, которое может использоваться при рассмотрении и разрешении споров между сторонами, в том числе в судах или арбитраже.

Юридическая значимость и ценность такого цифрового инструмента обуславливается также тем, чтобы он позволял создавать сделки из предложенного перечня сделок, отправлять его в качестве оферты для получения акцепта от другой стороны, и такой акцепт был бы аналогичен одному из предлагаемых действующими актами ЮНСИТРАЛ механизмов электронной подписи (например, проставлением подписи путем нажатия кнопки «ОК»). Не менее важно, чтобы он позволял сохранять всю историю взаимодействия сторон: изменения условий, уведомления о расторжении и тому подобное, и такая история была всегда доступной сторонам в форме выдаваемой системой по запросу справки, содержащей реквизиты сторон, перечисление условий сделки и временная шкала с зафиксированными событиями, связанными с состоянием сделки и волей сторон.

Мы убеждены, что такое предлагаемое нами IT-решение для целей доказательства заключения и исполнения гражданско-правовых сделок позволит в полной мере достичь цели эффективной «цифровизации» гражданского оборота в целом, а также может рассматриваться в качестве дополнительной меры по внедрению цифровых технологий в сфере гражданского судопроизводства и использования альтернативных средств урегулирования споров (в первую очередь, в арбитраже и с использованием медиации).

Думается, что широкое восприятие и признание таких новых высокотехнологичных способов установления договорных правоотношений, осуществление односторонних действий правового значения и доказательств существований соответствующих правоотношений не только субъектами оборота, но и также судами и вовлеченными государственными органами поспособствует успеху, по крайней мере, по трем направлениям (развитие креативного общества, цифровизация отраслей экономики и переход на про-активное государство).

11. Обратим внимание на то, что несоблюдение требований к форме сделки является лишь одним из оснований признания сделки недействительной. Наряду с этим сделка может быть признана недействительной, если, к примеру, не соблюдены требования закона, относящиеся к личности субъекта правоотношения (надлежащее лицо, наличие у него требуемой дееспособности), а также к свободе его волеизъявления и содержанию самой сделки (п. 2 ст. 157 ГК).

Предлагаемые нами решения не могут дать полные гарантии того, что использующие их лица не будут злоупотреблять своим положением и вводить контрагента в заблуждение относительно своего статуса и правосубъектности. В то же время в отношениях между предпринимателем и потребителем (как и любым иным субъектом, не являющимся предпринимателем) соответствующие риски в силу закона возникают на стороне предпринимателя, что, однако, не означает его незащитности от недобросовестных действий контрагента. Кроме того, сами цифровые решения задачи обеспечения дистанционного взаимодействия должна предоставлять определенные механизмы перепроверки статуса контрагента и подтверждения его поведения.

Что касается риска недействительности сделки при нарушении требований к его содержанию, необходимо помнить, что, в частности, любой договор считается заключенным, когда есть подтверждение о достижении его сторонами соглашения по всем его существенным условиям, определенным законодательством для данного вида договора (п. 1 ст. 393 ГК).

Отдельно недействительность договора (по крайней мере, соответствующей его части) может повлечь определение в его содержании условий, которые не могут быть частью договора в силу их несоответствия требованиям закона, или которые направлены на

достижение преступной иной заведомо противной основам правопорядка или нравственности цели (ст. 158 ГК). Поэтому любое предлагаемое средство дистанционного взаимодействия должно предусматривать для его пользователей возможность согласовать свою волю по всем существенным условиям соответствующего договора, а также определить дополнительные условия по своему усмотрению, излагаемые в форме электронной оферты (как первоначальной, так и новой), позволяющей ее надлежащий акцепт. Оно также не должно допускать включение в содержание сделки тех условий, которые не допустимы в силу закона.

12. Завершая доклад, еще раз отмечу, что допустимость письменной сделки в электронной форме позволяет использование любых электронно-цифровых технологий для выражения воли субъекта на совершение сделки и собственно совершения сделки. При этом требование о подписании письменного договора или иного оформляющего сделку документа сводит использование электронной формы письменной сделки к обязанности создания электронного документа и его подписания электронно-цифровой подписью. Это существенно ограничивает возможности развития в связи с тем, что в соответствующие отношения вовлекается сторонний субъект, обеспечивающий предоставление и подтверждение подлинности ЭЦП, а также ввиду имеющихся сложностей технического характера в связи с использованием ЭЦП.

Поэтому, наиболее предпочтительным было бы исключить обязательность ЭЦП при использовании электронной формы договора, оставив решение вопроса о ее использовании в каждом конкретном случае на свободное усмотрение субъектов соответствующей сделки. При такой ситуации предоставленная в п. 1 ст. 153 ГК возможность подтверждать совершение, содержание или исполнение сделки иными доказательствами позволит еще в большей степени обеспечить мобильность и твердость делового оборота посредством иных цифровых технологий, не предполагающих использование ЭЦП, но с достаточной степенью достоверности подтверждающих волеизъявление участников сделки и/или согласованность их волеизъявлений на совершение сделки согласно соответствующим условиям. В частности, такие технологии представляются вполне применимыми в случаях электронной оферты и ее акцепта также в электронной форме (как это допускается в ст. 397 ГК).

Список использованных источников:

1. Карагусов Ф., Бондарев А., Пак Е. Доказательство гражданско-правового договора. В: «Әділеттің» ғылыми еңбектері / «Научные труды «Әділет», Алматы, Caspian University, № 2, 2017. С. 34 – 77; электрон. версия: <https://drive.google.com/file/d/1Yfh-wnmGUNxAGJtDkqJWdxJSWdiepk1/view>
2. Елюбаева.А. Приложение для самозанятых разрабатывают в Казахстане. Интернет-ресурс: <https://kapital.kz/economic/104151/prilozheniye-dlya-samozanyatykh-razrabatyvayut-v-kazakhstane.html> (дата доступа - 05 апреля 2022 г.).
3. Модельные правила европейского частного права / Пер. с англ.; Науч. ред. Н.Ю. Рассказова. – М.: Статут, 2013. – 989 с.
4. Приказ и.о. Министра по инвестициям и развитию Республики Казахстан от 28 января 2016 года № 104 «Об утверждении Правил интеграции шлюза «электронного правительства», платежного шлюза «электронного правительства» с информационными системами». / «Казахстанская правда» от 26 ноября 2015 г. № 227 (28103).
5. Конвенция Организации Объединенных Наций «Об использовании электронных сообщений в международных договорах» (Нью Йорк, 2007 г.), с Пояснительной запиской Секретариата ЮНСИТРАЛ. / Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/electcom/06-57454_Ebook.pdf (дата доступа – 05 апреля 2022 г.).
6. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных подписях и Руководство по принятию 2001 г. / Нью Йорк, 2002. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/electcom/ml-elecsig-r.pdf> (дата доступа - 05 апреля 2022 г.).

07 апреля 2022 г.

Международный финансовый центр «Астана» как *exorbitant jurisdiction*

1. В предлагаемой статье отмечаются некоторые существенные, на мой взгляд, риски для государства и участников делового оборота возникающие из самого факта создания и/или функционирования в Казахстане Международного финансового центра «Астана» (МФЦА), который, по официальной версии, создано *«самое удобное для бизнеса право МФЦА, базирующееся на принципах, нормах и прецедентах права Англии и Уэльса и/или стандартах ведущих мировых финансовых центров»* [1].

Я уже ранее публиковал свою точку зрения по этому вопросу и сейчас лишь повторю свою позицию о том, что Конституционный закон о МФЦА был принят в нарушение Конституции Республики Казахстан, так же как функционирование МФЦА сегодня нарушает нашу Конституцию.

Более того, МФЦА возник не просто в нарушение Конституции, но и в нарушение органических интересов казахстанского народа в том, чтобы созданное им государство сохраняло свой суверенитет, повышало степень независимости нашей страны, функционировало в интересах своего народа и обеспечивало его благополучие и процветание.

Поэтому я последовательно предлагаю к рассмотрению вопрос о ликвидации МФЦА, ибо сложившаяся у нас практика игнорировать требования закона и не замечать нарушения закона вылилась в это невообразимое нарушение самой нашей Конституции. И это нарушение должно быть устранено. Причем оно должно быть устранено разумно и продуманно: решение типа «разрубить Гордиев узел», к сожалению, не применимо из-за вероятности непомерных издержек, которые снова могут стать бременем казахстанского народа.

2. Напомню, что в соответствии с Конституционным законом МФЦА создан как самостоятельная юрисдикция, имеющая свои органы, собственные административные процедуры, а также право как создавать собственные правовые нормы, предписывать конкретное поведение в рамках своей территории, так и деятельностью собственного суда МФЦА разрешать споры и конфликты, выносить решения по существу [2].

На территории МФЦА казахстанское право практически не действует. Так называемым *«правом МФЦА»* регулируются гражданско-правовые, гражданско-процессуальные, финансовые отношения, а также административные процедуры и процедуры закупок органами МФЦА. Роль казахстанского законодательства определена как субсидиарная по отношению к *«праву МФЦА»*, допуская его применение к отношениям, не урегулированным *«правом МФЦА»*. Юрисдикция органов и судов Республики Казахстан не распространяется на территории МФЦА.

Не только сам Конституционный закон был принят в нарушение Конституции. Но и после внесение поправок в Конституцию, которыми, видимо, предполагалось обеспечить соответствие МФЦА (его создания и деятельности) Конституции, деятельность МФЦА продолжает оставаться нарушающей Конституцию, поскольку есть очевидная разница между тем, что представляет собой *«создание особого правового режима для финансовых сделок»* [3, ст. 4] (что представляется вполне допустимым с точки зрения нашей Конституции), и созданием самостоятельной юрисдикции (что видится явно неконституционным).

Таким образом, с учетом содержания упомянутого Конституционного закона и в соответствии с глобальное признаваемым пониманием концепции «юрисдикция» [4, р. 1048 – 1049], можно считать, что МФЦА создан как самостоятельная юрисдикция.

Теперь функционирование МФЦА создает казусы, которые невозможно регулировать в соответствии с нормами казахстанского законодательства.

3. В качестве примера можно привести получившую распространение практику, когда созданные в соответствии с законодательством МФЦА компании стали проникать на

территорию казахстанского права, например, обращаясь за открытием банковских счетов в казахстанских банках, вступая в иные гражданско-правовые отношения с лицами, признанными субъектами права казахстанским законом.

Известно, что компании, учрежденные в соответствии с правилами МФЦА, настаивали на том, чтобы казахстанские банки открывали им банковские счета. И неприятие многими банковскими юристами возможности открытия им банковских счетов совершенно понятно: ни МФЦА не является иностранным или иным суверенным образованием, ни его нормативные установления (в связи с этим) не могут рассматриваться иностранным правом для целей применения казахстанских норм о международном гражданском праве и международном гражданском процессе [5, р. 769 – 771]. Эти правоотношения кажутся лишенными правовой основы.

Правила Главы 9 ГК («Международное частное право») не позволяют рассматривать такие компании ни в качестве иностранных юридических лиц, ни в качестве казахстанских резидентов, ибо как объясняется ниже, Казахстан также не признает МФЦА самостоятельной юрисдикцией (хотя в силу Конституционного закона не признает и казахстанской юрисдикцией).

В то же время именно международное частное право имеет дело или координирует множественность правовых систем различных государств для снижения рисков неопределенности в регулировании трансюрисдикционных сделок и предприятий [6, р. 1380 – 1382].

Такая деловая практика неизбежно приведет в тому, что казахстанские суды когда-то будут вынуждены не только разрешать споры, связанные с деятельностью таких компаний МФЦА в рамках казахстанского правопорядка, но и принимать решения относительно действительности имущественных прав, возникших из взаимоотношений с такими компаниями.

Особая сфера деятельности, которая также в будущем может появиться и у казахстанских правоохранительных органов, может быть связана с исследованием (или расследованием) финансовых потоков, прошедших по счетам таких компаний МФЦА в казахстанских банках, а также имущественных прав, возникших на основании решений суда МФЦА по спорам, возникшим на территории Республики Казахстан и на основании казахстанского законодательства, но по каким-то причинам в соответствии с положениями упомянутого Конституционного закона переданными на разрешение в суд МФЦА.

4. Для применения положений любого национального законодательства о международном частном праве и международном гражданском процессе, в том числе казахстанского, когда субъекты МФЦА (например, его администрация и признанные в соответствии с его правилами участники МФЦА) взаимодействуют в рамках правоотношений с субъектами права по законодательству Республики Казахстан или другого государства, сам МФЦА должен быть признан самостоятельной юрисдикцией.

То есть для того, чтобы коллизионное право могло применяться в правоотношениях с участием субъектов МФЦА и/или самого МФЦА, он (МФЦА) каким-то образом должен быть надлежащим образом признан самостоятельным государством или иным государственным (хоть как-то автономным) образованием, поскольку международное частное право касается именно международных и/или межгосударственных взаимосвязей [4, pp. 1048 – 1049].

Но МФЦА в качестве государственного образования не признан (и не должен быть признан!) ни одним государством, включая Республику Казахстан, ибо признание суверенного права создавать свои правовую и судебную системы для их признания иностранными юрисдикциями, очевидно, осуществляется определенными механизмами, используемыми в международном праве.

5. Понятие юрисдикции в принципе предполагает осуществление суверенной государственной властью полномочий по формированию собственного права и обеспечению того, чтобы суды этого государства были полномочны разрешать дела и споры в соответствии с этим своим правом. Без признания государственного суверенитета не может существовать

ни национального права, ни правовой системы, ни юрисдикции, в том числе не может даже возникать вопрос о существовании в рамках какого-то несuverенного образования какого-то своего права, включая международное частное право.

Соответственно, не может быть разрешен и вопрос о применении механизмов и инструментов разрешения конфликтов правовых систем в рамках правоотношений с иностранным элементом (механизмов и инструментов, предлагаемых в международном частном праве) [7, p. 1188 - 1206].

Здесь подчеркну, что даже согласно общечеловеческому пониманию суверенное государство в общем определяется как любая нация или народ, какой бы ни была форма ее/его внутреннего устройства, которая(-ый) управляет самостоятельно на своей территории независимо от иностранной власти. Суверенитет государства означает ее полную юрисдикцию на своей территории: независимость государства также означает наличие у него права и полномочия регулировать свои внутренние дела без вмешательства извне, его способность вступать в отношения с другими суверенными государствами. В контексте же рассматриваемого в настоящей статье вопроса это касается и возможности заключать международные соглашения о взаимном признании и/или исполнении.

Конечно же, существование или исчезновение государства – это вопрос фактических обстоятельств: какое-то государство может существовать, не будучи признанным другими суверенными государствами. И даже на уровне Организации Объединенных Наций может отмечаться существование непризнанных государств. Тем не менее, государство должно быть признано другими субъектами международного сообщества, поскольку непризнанные государства чаще всего сталкиваются с тем, что они не могут в полную меру (или вообще не могут) осуществлять полномочия по заключению и исполнению международных договоров, вступать в дипломатические отношения с другими суверенными государствами.

Опять-таки, в контексте темы данной статьи, непризнанное государство не может гарантировать другим государствам действительность и исполнимость судебных решений, принятых даже в рамках собственной юрисдикции этого непризнанного государства.

Такое общечеловеческое понимание самостоятельной юрисдикции практически в полной мере совпадает с юридической теорией. Как указывается в источниках, понятие юрисдикции обычно применяется к правомочию создавать и/или влиять на правовые интересы, создавать правовые условия для деятельности субъектов или существования законных интересов в рамках суверенной власти определенного народа. Любая юрисдикция должна иметь свои правовые основы, определяющие ее внешние границы, а также регулирующие полномочия ее органов по созданию правовых норм, судебной власти и процедурам.

Важно понимать, что, если юрисдикция не признана международным сообществом, но национальным правом утверждается как действительная юрисдикция, таковая называется за пределами (или чрезмерной) юрисдикцией (*exorbitant jurisdiction*), и рассматривается как несправедливая юрисдикция ввиду ограниченного взаимодействия между тем органом, который разрешает спорный вопрос, и участниками процесса или самим спором. В связи с этим определенные основания для существования такой юрисдикции должны быть объявлены чрезмерными, а все решения, вынесенные с опорой на такие основания, не должны признаваться иностранными судами [8, pp. 1051 – 1055].

Этот фактор подчеркивает высокую вероятность разнообразных рисков, которые для Казахстана и для участников гражданского оборота создаются функционированием МФЦА.

6. Представляется, что создание МФЦА привело к тому, что государство Казахстан отказалось (вопреки воле народа Казахстана, закрепленной в принятой всенародным референдумом Конституции) от своей юрисдикции на выделенной для функционирования МФЦА территории нашего унитарного (!) государства.

При этом оно же (наше государство) допустило утрату (вероятность утраты) контроля за применением казахстанского права в разрешении споров и конфликтов, возникших на территории нашей Республики в рамках нашей правовой системы, но по воле сторон

(безотносительно того, насколько свободным было волеизъявление всех соответствующих сторон) спора (конфликта) переданных на окончательное разрешение суду МФЦА.

Следует также отметить, что в МФЦА действует даже не английское право (и оно не может там действовать, поскольку МФЦА не принадлежит Соединенному Королевству), как не действует и казахстанское право. Там действует так называемое «*право МФЦА*», сформированное администрацией МФЦА, не являющейся государственным органом Казахстана.

А самое главное, эти акты МФЦА «*основаны на принципах, нормах и прецедентах права Англии и Уэльса и (или) стандартах ведущих мировых финансовых центров*». Упомянутый Конституционный закон и не мог признать английское право (как и любое иное иностранное право) «*правом МФЦА*», ибо в теории права в глобальном контексте «*под термином «право» понимается право [определенного] государства*»; термин «право» - совершенно иное понятие, чем понятия «*принципы права*» или «*правила права*», которые служат принципиально иным источником оснований для разрешения споров с участием иностранного элемента [7, р. 1225].

Но именно тот фактор, что «*право МФЦА*» основано на принципах чужого права, прецедентах чужеродной судебной системы, которые имели место в иных исторических, политических и социально-экономических условиях, а также неких стандартах не идентифицированных, но названных ведущими, «*мировых финансовых центров*» (существуют ли такие вообще?) является самым настораживающим, поскольку тем самым суду МФЦА предоставлена практически неограниченная свобода в разрешении дел и споров (в том числе переданных ему споров и конфликтов, возникших из казахстанского права), а также используемых им для этого оснований [2, ст. 13].

При таком регулировании суд МФЦА может по своему усмотрению выносить решения по таким спорам (самое страшное - включая подведомственные казахстанским судам споры и конфликты [9]), принимая во внимания любые соображения, не являющиеся правовыми нормами ни казахстанского права, ни какой-либо иной признанной правовой системы [7, р. 1320].

7. Хочется обратить внимание и еще на одну серьезную проблему, возникающую в связи с тем, как организована деятельность МФЦА и суда МФЦА.

Известно, что не каждый желающий имеет возможность представлять интересы стороны в этом суде МФЦА. Только аккредитованные юридические фирмы и адвокаты могут быть допущены к процессу в этом суде в качестве представителя стороны. Таких не много.

При этом частные, казахстанские и иностранные, субъекты гражданского оборота, вынужденные согласиться на юрисдикцию суда МФЦА в их договорах с казахстанскими государственными органами и иными организациями, в случае возникновения спора по таким правоотношениям сталкиваются с той проблемой, что не могут найти для себя профессионального юридического представителя в суде МФЦА. Впечатляющее большинство аккредитованных юридических консультантов и адвокатов (практически все) отказываются представлять их, поскольку принципиально не выступают против государства, на постоянной основе работая по государственным или спонсируемым государством проектам, либо надеясь на получение контрактов от него.

В такой ситуации, вынужденные согласиться на упомянутую юрисдикцию для рассмотрения споров частные контрагенты государства, включая инвесторов по проектам государственно-частного партнерства и другим инвестиционным проектам, фактически остаются без возможности профессионального представительства в суде МФЦА.

Другим последствием такой практики является то, что члены существующего сообщества юристов, допущенные к юридическому обслуживанию государства и к участию в процессах в суде МФЦА, могут утратить такие важные профессиональные качества, как независимость, объективность, беспристрастность, приверженность высоким стандартам профессиональной этики.

С учетом этого, описанная проблема также представляется носящей институциональный характер, формирующей некорректную практику и влекущей риски ненадлежащего социально-политического развития.

8. В связи с изложенным (как и в связи с рядом других не менее существенных обстоятельств), считаю важным скорейшее принятие политического и правового решения о ликвидации МФЦА, оценку последствий его функционирования и, при выявлении негативных последствий, разработку и осуществление плана мероприятий по их устранению.

Хотя продолжение функционирования МФЦА (по крайней мере, в действующей форме / виде) мне не видится в какой-то долгосрочной перспектива, но серьезные испытания для народа и государственности Казахстана, которые нам придется пройти вследствие функционирования МФЦА, могут длиться долго. Вместе с тем, надеюсь, что Республика Казахстан как суверенное государство будет процветать долгие десятилетия в интересах и на благо своего собственного народа!

Список использованных источников:

- 1) Официальный интернет-ресурс Международного финансового центра «Астана»: <https://aifc.kz/ru/tseli/> (дата обращения – 4 мая 2022 г.).
- 2) Конституционный закон Республики Казахстан от 7 декабря 2015 года № 438-V «О Международном финансовом центре «Астана» (с изменениями и дополнениями). Информационная система ПАРАГРАФ (интернет-ресурс): https://online.zakon.kz/document/?doc_id=39635390 (дата обращения – 4 мая 2022 г.).
- 3) Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. (с изменениями и дополнениями). Информационная система ПАРАГРАФ (интернет-ресурс): https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029 (дата обращения – 4 мая 2022 г.).
- 4) R. Michaels. *Jurisdiction, foundations*. Encyclopedia of Private International Law. J. Basedow, G. Ruhl, F. Ferrari and P. de M. Asencio, eds. Edward Elgar Publishing, 2017, vol. 2, pp. 1048 – 1049.
- 5) C. Esplugues and G. Palao. *Foreign law, application and assortment*. Encyclopedia of Private International Law. J. Basedow, G. Ruhl, F. Ferrari and P. de M. Asencio, eds. Edward Elgar Publishing, 2017, vol. 1, pp. 769 – 771.
- 6) G. Ruhl. *Private international law, foundations*. Encyclopedia of Private International Law. J. Basedow, G. Ruhl, F. Ferrari and P. de M. Asencio, eds. Edward Elgar Publishing, 2017, vol. 2, pp. 1380 – 1382.
- 7) Goode on Commercial Law. Forth Edition. Edited and fully revised by E. McKendrick. LexisNexis UK and Penguin Books, 2010. – 1433 p.
- 8) D. Earl Childress III. *Jurisdiction, Limits under international law*. Encyclopedia of Private International Law. J. Basedow, G. Ruhl, F. Ferrari and P. de M. Asencio, eds. Edward Elgar Publishing, 2017, vol. 2, pp. 1051 – 1055.
- 9) Разъяснения № 1 по отдельным вопросам судебной практики, связанным с передачей спора на разрешение суда Международного финансового центра «Астана», утвержденные постановлением пленарного заседания Верховного Суда Республики Казахстан от 15 апреля 2021 года № 5. Интернет-ресурс Верховного Суда Республики Казахстан: https://sud.gov.kz/sites/default/files/pagefiles/razyasnenie_post_no5_rus.pdf (дата обращения – 4 мая 2022 г.).

Подготовлено в качестве доклада на встрече с представителями Суда МФЦА, Международного арбитражного центра (МАЦ), Верховного Суда Республики Казахстан, бизнес-сообщества и адвокатами (г. Алматы, Каспийский университет, 16 мая 2022 г.).

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОФОРМЛЕНИИ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Доклад посвящен вопросу о том, насколько казахстанское право позволяет использовать современные информационные (цифровые) технологии для подтверждения заключения и исполнения договоров. Автор утверждает, что: (i) допустимость письменной сделки в электронной форме позволяет использовать любые электронно-цифровые технологии для выражения воли субъекта на совершение сделки и собственно для совершения сделки; (ii) использование мобильных приложений для совершения многих гражданско-правовых сделок является способом, признаваемым на глобальном уровне и в рамках развитых правопорядков; (iii) казахстанское законодательство не создает препятствий для использования таких инновационных способов оформления договорных отношений между гражданами, и (iv) наиболее предпочтительным видится исключение обязательности ЭЦП при использовании электронной формы договора и оставление решения вопроса о ее использовании в каждом конкретном случае на свободное усмотрение сторон соответствующей сделки.

Ключевые слова: договор, форма договора, доказательство договора, действительность договора, цифровая технология, электронная подпись, электронное сообщение.

Annotation. The issue of the extent to which Kazakh law allows the use of modern information (digital) technologies to confirm the conclusion and execution of contracts is discussed in this report. The author argues that: (i) the admissibility of an electronic form for written contracts allows the use of any electronic digital technology to express the will of any person to enter into the contract and to execute the transaction itself; (ii) use of mobile applications for many civil-law contracts represents a method recognized globally and within developed legal orders; (iii) Kazakhstani legislation does not create obstacles to the use of such innovative ways of formalizing contractual relations between individuals, and (iv) it seems most preferable to exclude mandatory use of an electronic digital signature when using an electronic form of a contract and leave the decision on its use in each specific case to the free discretion of the parties of the relevant transaction.

Key words: contract, form of contract, evidence of a contract, validity of a contract, cipher technology, electronic signature, electronic message.

4. Более четырех лет назад была опубликована наша статья о возможностях использования цифровых технологий для оформления договорных отношений в рамках казахстанского законодательства [1]. В то же самое время нашей командой было разработано мобильное приложение под брендом «сделки.LegCo» с содержательным наполнением, которое предназначалась для того, чтобы позволять заключение и исполнение в каждодневной жизни многих гражданско-правовых договоров без использования бумаги, личных встреч и переговоров лицом к лицу. Мы даже начали рекламную кампанию нашего сервиса. К сожалению, в силу разных причин этот проект у нас не получился.

Но недавно в средствах массовой информации с радостью узнал, что в Казахстане для самозанятых разрабатывают приложение, и через этот «сервис самозанятые смогут зарегистрировать свою деятельность и найти клиентов», а в само «приложение будет внедрен усеченный договор, где предусматриваются права и обязанности сторон, защита трудовых [очевидно, здесь имеются в виду гражданские – Ф.К.] прав исполнителя» [2].

Сейчас полностью понять концепцию этого сервиса не представляется возможным. Однако из содержания уже опубликованных сведений можно с уверенностью заключить, что упомянутое приложение предполагается использовать для оформления определенной

категории гражданско-правовых отношений. В таком контексте создание и использование этого приложения видится перспективным.

В связи с этим хочу обратить внимание на то, что при создании указанного нашего приложения мы изучали вопрос о том, насколько наше гражданское законодательство позволяет использование подобных новых способов или средств оформления договорных отношений. Выработанные выводы были опубликованы в упомянутой выше статье. В данном случае отмечу только два момента: (i) использование мобильных приложений для совершения многих гражданско-правовых сделок является способом, признаваемым на глобальном уровне и в рамках развитых правовых порядков, и (ii) казахстанское законодательство не создает препятствий для использования таких инновационных способов оформления договорных отношений между гражданами. Кроме того, в этом докладе тезисами повторю ранее опубликованные выводы.

5. В указанной выше нашей статье исходным моментом принято то, что одним из наиболее существенных является вопрос о том, насколько казахстанское право позволяет использовать современные информационные (цифровые) технологии для подтверждения фактов и условий заключения и исполнения договоров согласно их содержанию, как и односторонних актов субъектов оборота. В рамках статьи нами анализировался вопрос о значении и последствиях несоблюдения требований к форме гражданско-правового договора в современных правовых порядках, с учетом наиболее авторитетных в данное время модельных положений (Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА, CESL, DCFR и др.), а также в казахстанском законодательстве.

В этой связи в качестве исходного пункта была сформулирована позиция о том, что казахстанское законодательство придает формальным требованиям к совершению сделок материально-правовое значение в тех случаях, когда законодательством устанавливаются специальные требования к форме сделки, несоблюдение которых влечет или может повлечь недействительность сделки. Однако в ряде случаев им придается процессуальное значение, позволяя сторонам сделки облегчить возможности для подтверждения ее заключения и ее содержания. А в заключении в статье было обосновано, что в рамках казахстанского законодательства современные технологии позволяют оформлять договорные обязательства без риска признания их недействительности в связи с пороком формы.

6. Использование современных информационных технологий для оформления договорных обязательств с возможностью в будущем доказать заключение договора и условия возникшего на его основании обязательства приобретает значение, прежде всего, в связи с тем, что в качестве письменной формы сделки рассматривается и сделка, совершенная в *«электронной форме»*.

В соответствии с п. 1-1 ст. 152 казахстанского Гражданского кодекса (ГК) с 1 января 2016 года письменной формой сделки также признается совершение сделки в электронной форме. Однако, понятие *«электронной формы»* сделки не определяется непосредственно в ГК. Для этого необходим анализ специальных законодательных и иных подлежащих соблюдению норм (в частности, Законов «О Национальном архивном фонде и архивах» и «Об электронном документе и электронной цифровой подписи», Национального стандарта СТ РК ГОСТ Р 52292-2007 «Технологии информационные. Электронный обмен информацией. Термины и определения» и других нормативных документов), что позволяет понять содержание этого понятия.

Следует оговориться, что не усматривается препятствий и для нотариального удостоверения сделки, совершенной в электронной форме (в том понимании, которое придается этому термину казахстанским законодательством), поскольку нотариальное удостоверение, хотя и являясь частью обязательных по закону или согласованных сторонами формальных процедур при совершении гражданско-правовых сделок, но представляют собой не действия сторон соответствующей сделки, а имеющий прежде всего публично-правовое значение акт нотариуса. Для этого лишь необходимо надлежащее определение условий и порядка такого нотариального удостоверения, то есть утверждение правил, обеспечивающих

надлежащий электронный документооборот, то есть позволяющих обмен электронными документами между государственными органами, физическими и юридическими лицами за счет применения необходимой совокупности соответствующих программных и технических средств, используемых для создания и проверки подлинности электронной цифровой подписи (ЭЦП).

При этом, во всех этих случаях, за исключением ситуаций, когда ГК признает соответствующие сделки ничтожными, совершение и содержание сделки может подтверждаться иными доказательствами, не являющимися свидетельскими показаниями, в том числе если они осуществлены в электронной форме с использованием или без использования ЭЦП.

С учетом формальных требований ГК, установленных в отношении отдельных видов договоров, заключаемых в электронной форме, к ним применяются и соответствующие положения об их совершении в устной или письменной (в простой или с нотариальным удостоверением) форме.

4. Использование письменной формы для совершения сделки на бумажном носителе предполагает непосредственное взаимодействие сторон при изложении и закреплении ее условий собственноручными подписями на бумажном документе. В свою очередь, электронная форма совершения сделки позволяет обходиться без непосредственного контакта сторон заключаемой сделки при ее оформлении, поскольку средства электронно-цифровых коммуникаций позволяют осуществить это на расстоянии.

Вместе с тем, общее требование о подписании сделки ее сторонами (в данном случае – посредством электронной цифровой подписи, в частности, квалифицированной ЭЦП) ограничивает возможности использования цифровых технологий при заключении сделок в целях повышения мобильности делового оборота и, одновременно, в интересах обеспечения его твердости, поскольку, во-первых, требует вовлечения в сферу соответствующих отношений третьих лиц, которые своей деятельностью обеспечивают возможности проставления и проверки подлинности ЭЦП, и в связи с этим во-вторых, исключает использование в данном случае иных электронно-цифровых средств взаимодействия.

В связи с этим, следует отметить, что европейские модельные правила частного права (ст. II.-3:104 DCFR) оперируют понятием «*дистанционного взаимодействия в режиме реального времени*» в рамках преддоговорных отношений и предлагают использование средств информационных технологий при заключении договора без личного взаимодействия. В частности, эти правила предлагаются для того, чтобы предоставить предпринимателю возможности вступать в договорные отношения с потребителями или иными контрагентами в рамках осуществления им коммерческой деятельности, используя при этом современные информационные технологии [3, с. 129 - 131].

7. Вышеупомянутые рекомендации и модельные правила DCFR представляют собой важный источник информации относительно того, при каких условиях и в каком порядке могут использоваться «*иные определенные формы*» сделок, допускаемые в ст. 151 ГК.

В данном случае, поскольку формами сделок в казахстанском ГК указываются лишь устная и письменная, к иным определенным формам относятся такие формы взаимодействия и подтверждения, которые либо прямо предусмотрены законодательством, либо, не являясь запрещенными законом, используются по воле сторон соответствующего отношения (в том числе, когда они определяют формы сделки самостоятельно соглашением между собой). К таким иным формам, в частности, мы относим те, которые определены через использование грамматических связок «признаются», «считаются» или приравниваются»: то есть когда сделка совершена в иной форме, но это порождает те же самые правовые последствия, как если бы они были совершены в устной или письменной форме, либо нотариально удостоверены (в зависимости от того, какое требование установлено в законе).

Еще раз обратим внимание на то, что целесообразность выделения иной определенной формы обусловлено именно тем, что такие иные формы: (а) исполняются за счет иных действий, кроме вербального обмена, и (б) не предполагают обязательности подписания документа, как это требуется при совершении сделок в письменной форме.

В качестве иных можно выделить четыре формы допустимых казахстанским законодательством и предусмотренных в ГК сделок (они обсуждаются в вышеупомянутой нашей статье).

8. Вместе с тем, в условиях современного этапа культурно-технического прогресса и повсеместного внедрения цифровых технологий особое значение приобретает возможность совершения сделок (без риска признания их недействительными по основанию несоблюдения требований к форме сделки) посредством обмена электронными сообщениями или иными электронными документами (либо другими сообщениями) посредством электронных средств коммуникации, исключающих вовлечение в эти отношения третьих лиц.

В данном случае мы основываемся на том, что: (i) совершение сделки может осуществляться обменом электронными сообщениями, и (ii) что электронная форма (в соответствии с законами об информатизации, архивном деле, электронном документообороте) не обязательно требует использование ЭЦП.

В Казахстане понятие электронного сообщения не определено на уровне законов. Но ранее мы обнаружили определение этого понятия на уровне подзаконных актов [4, п/п.20) п.2]. И хотя эта дефиниция дает необходимую ясность относительно того, что является электронным сообщением, однако уже на данном этапе развития информационных технологий и существующих правовых решений по вопросам электронного документооборота в сфере коммерческих сделок представляется необоснованно ограниченным в своем содержании, по крайней мере, в следующих двух аспектах.

Во-первых, «электронным сообщением» называют «электронный документ», каким признается документ, в котором информация представлена в электронно-цифровой форме и удостоверена посредством ЭЦП, что нецелесообразно приравнивает электронное сообщение к электронному документу. Во-вторых, нецелесообразной представляется жесткая привязка к языку разметки текста XML, в то время как существуют альтернативные языки (к примеру, JSON). В связи с указанными моментами закреплённая дефиниция электронного сообщения представляется не эффективной и бесперспективной.

9. Вместе с тем, существуют иные правовые решения, позволяющие применять их в качестве электронной подписи согласно широкому определению этого понятия (например, содержащемуся в Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах (Нью Йорк, 2007 г.) [5]). В свою очередь, п. 33 Руководства по принятию Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронных подписях предусматривает среди таких механизмов собственноручное проставление подписи на цифровом планшете, использование персональных идентификационных номеров и иных методов, таких как нажатием кнопкой мыши в окне «ОК» [6].

Более того, существует и классификация цифровых подписей, которые могут использоваться для удостоверения волеизъявления сторон в сделка в зависимости от содержания правовых последствий их использования (неиспользования), предлагаемые в DCFR [3; ст. I. – I:107(3)(4)].

С учетом вышеизложенного, считаем, что ЭЦП, выпускаемая в соответствии с требованиями казахстанского законодательства, например, для целей доступа граждан к государственным услугам, обладает признаками квалифицированной электронной подписи.

В то же время существуют и иные виды электронной подписи (кроме ЭЦП), как, например, предусмотренные в Руководстве по принятию Типового закона ЮНСИТРАЛ, использование которых может упростить процесс оформления гражданско-правовых отношений [6]. И казахстанское законодательство не препятствует использованию таковых.

Поэтому можно сделать вывод о том, что в Республике Казахстан возможно заключать сделки путем обмена электронными сообщениями, не требующим обязательной аутентификации субъектов посредством электронно-цифровой подписи (в том числе, с учетом того, как термин «ЭЦП» определяется казахстанским законодательством). И тенденции развития не только международного коммерческого права, но гражданского законодательства Казахстана, свидетельствуют о правомерности обмена юридически значимой информацией для целей заключения сделок и подтверждения договоров без обязательного использования их

сторонами электронной цифровой подписи, выпущенной государством или иным уполномоченным на это субъектом.

10. В Казахстане имеется плодородная почва для появления новых для нашей юрисдикции цифровых инструментов.

В частности, мы видим широкую перспективу в использовании цифрового инструмента по заключению сделок посредством специально разработанного мобильного приложения, позволяющего участникам гражданского оборота: (i) заключать сделки на согласованных условиях, изменять условия ранее заключенных сделок, расторгать и иным образом фиксировать прекращение сделок, а также (ii) иметь всегда доступное и достоверное доказательство заключения сделки, ее исполнения, прекращения, изменения ее условий, которое может использоваться при рассмотрении и разрешении споров между сторонами, в том числе в судах или арбитраже.

Юридическая значимость и ценность такого цифрового инструмента обуславливается также тем, чтобы он позволял создавать сделки из предложенного перечня сделок, отправлять его в качестве оферты для получения акцепта от другой стороны, и такой акцепт был бы аналогичен одному из предлагаемых действующими актами ЮНСИТРАЛ механизмов электронной подписи (например, проставлением подписи путем нажатия кнопки «ОК»). Не менее важно, чтобы он позволял сохранять всю историю взаимодействия сторон: изменения условий, уведомления о расторжении и тому подобное, и такая история была всегда доступной сторонам в форме выдаваемой системой по запросу справки, содержащей реквизиты сторон, перечисление условий сделки и временная шкала с зафиксированными событиями, связанными с состоянием сделки и волей сторон.

Мы убеждены, что такое предлагаемое нами IT-решение для целей доказательства заключения и исполнения гражданско-правовых сделок позволит в полной мере достичь цели эффективной «цифровизации» гражданского оборота в целом, а также может рассматриваться в качестве дополнительной меры по внедрению цифровых технологий в сфере гражданского судопроизводства и использования альтернативных средств урегулирования споров (в первую очередь, в арбитраже и с использованием медиации).

Думается, что широкое восприятие и признание таких новых высокотехнологичных способов установления договорных правоотношений, осуществление односторонних действий правового значения и доказательств существований соответствующих правоотношений не только субъектами оборота, но и также судами и вовлеченными государственными органами поспособствует успеху, по крайней мере, по трем направлениям (развитие креативного общества, цифровизация отраслей экономики и переход на про-активное государство).

11. Обратим внимание на то, что несоблюдение требований к форме сделки является лишь одним из оснований признания сделки недействительной. Наряду с этим сделка может быть признана недействительной, если, к примеру, не соблюдены требования закона, относящиеся к личности субъекта правоотношения (надлежащее лицо, наличие у него требуемой дееспособности), а также к свободе его волеизъявления и содержанию самой сделки (п. 2 ст. 157 ГК).

Предлагаемые нами решения не могут дать полные гарантии того, что использующие их лица не будут злоупотреблять своим положением и вводить контрагента в заблуждение относительно своего статуса и правосубъектности. В то же время в отношениях между предпринимателем и потребителем (как и любым иным субъектом, не являющимся предпринимателем) соответствующие риски в силу закона возникают на стороне предпринимателя, что, однако, не означает его незащитности от недобросовестных действий контрагента. Кроме того, сами цифровые решения задачи обеспечения дистанционного взаимодействия должна предоставлять определенные механизмы перепроверки статуса контрагента и подтверждения его поведения.

Что касается риска недействительности сделки при нарушении требований к ее содержанию, необходимо помнить, что, в частности, любой договор считается заключенным, когда есть подтверждение о достижении его сторонами соглашения по всем его существенным условиям, определенным законодательством для данного вида договора (п. 1 ст. 393 ГК).

Отдельно недействительность договора (по крайней мере, соответствующей его части) может повлечь определение в его содержании условий, которые не могут быть частью договора в силу их несоответствия требованиям закона, или которые направлены на достижение преступной иной заведомо противной основам правопорядка или нравственности цели (ст. 158 ГК). Поэтому любое предлагаемое средство дистанционного взаимодействия должно предусматривать для его пользователей возможность согласовать свою волю по всем существенным условиям соответствующего договора, а также определить дополнительные условия по своему усмотрению, излагаемые в форме электронной оферты (как первоначальной, так и новой), позволяющей ее надлежащий акцепт. Оно также не должно допускать включение в содержание сделки тех условий, которые не допустимы в силу закона.

12. Завершая доклад, еще раз отмечу, что допустимость письменной сделки в электронной форме позволяет использование любых электронно-цифровых технологий для выражения воли субъекта на совершение сделки и собственно совершения сделки. При этом требование о подписании письменного договора или иного оформляющего сделку документа сводит использование электронной формы письменной сделки к обязательности создания электронного документа и его подписания электронно-цифровой подписью. Это существенно ограничивает возможности развития в связи с тем, что в соответствующие отношения вовлекается сторонний субъект, обеспечивающий предоставление и подтверждение подлинности ЭЦП, а также ввиду имеющихся сложностей технического характера в связи с использованием ЭЦП.

Поэтому, наиболее предпочтительным было бы исключить обязательность ЭЦП при использовании электронной формы договора, оставив решение вопроса о ее использовании в каждом конкретном случае на свободное усмотрение субъектов соответствующей сделки. При такой ситуации предоставленная в п. 1 ст. 153 ГК возможность подтверждать совершение, содержание или исполнение сделки иными доказательствами позволит еще в большей степени обеспечить мобильность и твердость делового оборота посредством иных цифровых технологий, не предполагающих использование ЭЦП, но с достаточной степенью достоверности подтверждающих волеизъявление участников сделки и/или согласованность их волеизъявлений на совершение сделки согласно соответствующим условиям. В частности, такие технологии представляются вполне применимыми в случаях электронной оферты и ее акцепта также в электронной форме (как это допускается в ст. 397 ГК).

Список использованных источников:

7. Карагусов Ф., Бондарев А., Пак Е. Доказательство гражданско-правового договора. В: «Әділеттің ғылыми еңбектері» / «Научные труды «Әділет», Алматы, Caspian University, № 2, 2017. С. 34 – 77; электрон. версия: <https://drive.google.com/file/d/1Yfh-wnmGUNxAGJtDkqJWdxJSWdiepk1/view>

8. Елюбаева.А. Приложение для самозанятых разрабатывают в Казахстане. Интернет-ресурс: <https://kapital.kz/economic/104151/prilozheniye-dlya-samozanyatykh-razrabatyvayut-v-kazakhstane.html> (дата доступа - 05 апреля 2022 г.).

9. Модельные правила европейского частного права / Пер. с англ.; Науч. ред. Н.Ю. Рассказова. – М.: Статут, 2013. – 989 с.

10. Приказ и.о. Министра по инвестициям и развитию Республики Казахстан от 28 января 2016 года № 104 «Об утверждении Правил интеграции шлюза «электронного правительства», платежного шлюза «электронного правительства» с информационными системами». / «Казахстанская правда» от 26 ноября 2015 г. № 227 (28103).

11. Конвенция Организации Объединенных Наций «Об использовании электронных сообщений в международных договорах» (Нью Йорк, 2007 г.), с Пояснительной запиской Секретариата ЮНСИТРАЛ. / Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/electcom/06-57454_Ebook.pdf (дата доступа – 05 апреля 2022 г.).

12. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных подписях и Руководство по принятию 2001 г. / Нью Йорк, 2002. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/electcom/ml-elecsig-r.pdf> (дата доступа - 05 апреля 2022 г.).

08 апреля 2022 г.

Подготовлено в качестве доклада в рамках Республиканской научно-практической конференции на тему «Новые формы контрактных отношений цифровой экономики Республики Казахстан в условиях пандемии» (г. Алматы, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, 29 апреля 2022 г.)

Межибовская Ирина Владимировна
*кандидат юридических наук, доцент, академик
международной академии информатизации,
ведущий научный сотрудник Института государства и
права КазНУ им. Аль-Фараби, Алматы, e-mail:
raya_m@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН С ГОСУДАРСТВАМИ – УЧАСТНИКАМИ ЕАЭС В ФОРМАТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЦИФРОВЫХ МОДЕРНИЗАЦИЙ

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам внедрения цифровых модернизаций в систему взаимодействия государств - участников ЕАЭС в области реализации конституционных гарантий на социально-трудовую защиту граждан. В настоящее время трудовое и социальное законодательство государств-участников имеют кардинальные отличия, что требует обязательного тщательного учета в контексте координации деятельности и совместного сотрудничества.

На примере Республики Казахстан анализируются некоторые проблемы в области реализации конституционных социальных прав и свобод, подпадающие под формат международно-правовой регламентации. Казахстан первым провел социальные реформы. Это касалось социального обеспечения и страхования, занятости и трудоустройства, медицинского и социального обслуживания. В 1996 году был впервые увеличен пенсионный возраст, в 1998 году введена накопительная пенсионная система. Проведенный автором правовой анализ позволяет представить рекомендации по совершенствованию национального и международного правового регулирования данных проблем с учетом вводимых цифровых модернизаций. Вопросы о порядке обсуждения цифровой повестки ЕАЭС впервые на серьезном уровне были заявлены в декабре 2016 года. При этом они получили статус базовых стратегических направлений сотрудничества. Поскольку основной целью создания данной международной организации является сотрудничество в сфере обеспечения свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, то вопросы цифровизации охватывают не только систему товаров и услуг - обеспечения, но и социально-трудовой сферы. Прежде всего это затрагивает вопросы миграции. Упрощенный порядок трудоустройства, пребывания в стране, особый порядок регистрации, с одной стороны, и разность законодательных систем, с другой, разделило сегодня государства-участников на два лагеря: страны доноры и страны реципиенты. Кроме того, эти же факторы выдвинули на повестку дня более детальную классификация видов миграции, определив в число приоритетных, кроме трудовой миграции, такие виды, как миграция пенсионная и экологическая. Еще одним направлением цифрового сотрудничества стран ЕАЭС являются вопросы пенсионного обеспечения и социального страхования. С первого января 2021 года было введено в действие Соглашение «О пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза», подписанное 20 декабря 2019 года в Санкт-Петербурге и ратифицированное Республикой Казахстан 7 декабря 2020 года. Не смотря на серьезные надежды, возлагаемые на данный международный документ, он не учитывает некоторые законодательные особенности государств-участников, что изначально лишает его максимальной результативности на практике.

Определенные сложности в реализации некоторых программ ЕАЭС объясняются сегодня международными санкциями, в условиях которых вынуждены работать некоторые государства – участники, прежде всего Российская Федерация и Республика Беларусь. Санкционные проблемы влияют и на позиции других участников данного международного союза, в частности, на Республику Казахстан, Кыргызскую Республику и Республику Армению. Однако, план реализации цифровых модернизаций данные проблемы не затронули.

В настоящее время распределены условные сферы направлений цифровизации между государствами участниками (кроме Кыргызской Республики), введены в действия и успешно реализуются на практике некоторые программы, в том числе программа по поиску работы «Работа без границ», в соответствии с программой и графиком работы разрабатываются системы цифровых технологий в области поставок конкретных видов продукции, товаров и услуг. Все эти работы ориентированы на огромный информационный контент, что ставит во главу угла вопросы обеспечения информационной безопасности, поскольку некоторые данные могут быть задействованы в реальном секторе национальной безопасности. Однако, вопросы о соблюдении такой безопасности, или обеспечении в данном случае кибербезопасности, на повестке дня в свете цифровизации не ставились и, соответственно, не рассматривались. Что, с нашей точки зрения, является серьезным пробелом.

Следует обратить внимание и на такой вопрос, как влияние цифровых модернизаций на процесс исполнения международных обязательств государствами участниками. Мы полагаем, что введение цифровых программ позволит выявлять в большей степени не исполнение или ненадлежащее исполнение международных обязательств, что не может не сказаться на числе обращений в соответствующую международную судебную инстанцию, а также на более внимательное отношение к вопросам своевременного внесения изменений и дополнений в международные обязательства, своевременную постановку вопроса о денонсации обязательств, утративших свою актуальность, поскольку вводимые цифровые технологии ориентированы на их постоянный, грамотный мониторинг.

Ключевые слова: Евразийский Экономический Союз, пенсии, трудящиеся мигранты, трудовой стаж, пенсионный возраст, иностранцы, лица без гражданства.

Annotation. The article is devoted to topical issues of the introduction of digital modernizations into the system of interaction of the EAEU member states in the implementation of constitutional guarantees for the social and labor protection of citizens. Currently, the labor and social legislation of the participating States have cardinal differences, which requires mandatory careful consideration in the context of coordination of activities and joint cooperation.

Using the example of the Republic of Kazakhstan, some problems in the implementation of constitutional social rights and freedoms that fall under the format of international legal regulation are analyzed. Kazakhstan was the first to carry out social reforms. This concerned social security and insurance, employment and employment, medical and social services. In 1996, the retirement age was increased for the first time, and a funded pension system was introduced in 1998. The legal analysis carried out by the author allows us to present recommendations for improving the national and international legal regulation of these problems, taking into account the introduced digital upgrades. Questions about the procedure for discussing the digital agenda of the EAEU were announced for the first time at a serious level in December 2016. At the same time, they received the status of basic strategic areas of cooperation. Since the main purpose of the creation of this international organization is cooperation in the field of ensuring the freedom of movement of goods, services, capital and labor, as well as conducting a coordinated, coordinated or unified policy in economic sectors, the issues of digitalization cover not only the system of goods and services, but also the social and labor sphere. First of all, it concerns migration issues. The simplified procedure for employment, stay in the country, a special registration procedure, on the one hand, and the difference in legislative systems, on the other, divided the participating states into two camps today: donor countries and recipient countries. In addition, these same factors put forward a more detailed classification of types of migration on the agenda, identifying among the priorities, in addition to labor migration, such types as pension and environmental migration. Another area of digital cooperation of the EAEU countries is the issues of pension provision and social insurance. Since January 1, 2021, the Agreement "On Pension provision for workers of the member States of the Eurasian Economic Union" signed on December 20, 2019 in St. Petersburg and ratified by the Republic of Kazakhstan on December 7, 2020 has been put into effect. Despite the serious hopes placed on the bottom international document,

it does not take into account some legislative features of the participating States, which initially deprives it of maximum effectiveness in practice.

Certain difficulties in the implementation of some EAEU programs are explained today by international sanctions, under which some participating states, primarily the Russian Federation and the Republic of Belarus, are forced to work. Sanctions issues also affect the positions of other members of this international union, in particular, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic and the Republic of Armenia. However, the plan for the implementation of digital upgrades did not affect these problems.

Currently, conditional spheres of digitalization directions have been distributed among the participating states (except the Kyrgyz Republic), some programs have been put into operation and are being successfully implemented in practice, including the job search program "Work without Borders", in accordance with the program and work schedule, digital technology systems are being developed in the field of supplies of specific types of products, goods and services. All these works are focused on huge information content, which puts the issues of information security at the forefront, since some data may be involved in the real sector of national security. However, the issues of compliance with such security, or ensuring cybersecurity in this case, were not put on the agenda in the light of digitalization and, accordingly, were not considered. Which, from our point of view, is a serious gap.

Attention should also be paid to such an issue as the impact of digital upgrades on the process of fulfilling international obligations by participating States. We believe that the introduction of digital programs will make it possible to identify to a greater extent non-fulfillment or improper fulfillment of international obligations, which cannot but affect the number of appeals to the relevant international court, as well as a more attentive attitude to the issues of timely amendments and additions to international obligations, timely raising the issue of denunciation of obligations that have lost their validity. relevance, since the introduced digital technologies are focused on their constant, competent monitoring.

Keywords: Eurasian Economic Union, pensions, migrant workers, work experience, retirement age, foreigners, stateless persons.

Прежде чем рассмотреть вопросы взаимодействия государств-участников ЕАЭС в области социально-трудовых отношений с учетом введения цифровых программ, полагаем необходимым выразить свою принципиальную позицию, относительно целесообразности функционирования данного межгосударственного объединения, которому в мае 2022 года исполняется восемь лет. Это объясняется серьезным политическим и идеологическим давлением, оказываемым сегодня на умы казахстанцев о необходимости выхода из него Республики Казахстан. Полагаем, что такая точка зрения, не совпадающая с официальной политикой страны, объясняется сложной политико-экономической ситуацией в двух государствах-членах ЕАЭС, вызванной санкционной политикой в отношении Российской Федерации и Республики Беларусь. Именно данный факт стал определяющим в позиции о необходимости выхода Казахстана из состава ЕАЭС. Основные аргументы в данном случае сводились к тому, что санкции, не объявленные Республике Казахстан, весьма ощутимо сказываются на экономической ситуации в стране и сотрудничество с вышеназванными странами может обернуться негативными последствиями для Казахстана. Введение санкций не могло не сказаться на отлаженной системе поставок некоторых товаров и услуг, прежде всего, продовольственных. Именно этим объясняют принятие Правительством страны антикризисного плана обеспечения продовольственной безопасности Республики Казахстан на 2022-2024 годы. В меньшей степени массируется вопрос о переориентировании данного Союза из экономического формата в политический. Полагаем, с данным аргументом нельзя не согласиться, однако такая переориентация присуща, прежде всего для тех, кто массирует слухи о прекращении функционирования ЕАЭС. Идеологи выхода их Союза отмечают экономическую нецелесообразность, приводя статистические данные, в соответствии с которыми дефицит счета текущих операций в Казахстане в 2021 году составил \$5,7 млрд.,

снизившись на 12,7% по сравнению с 2020 годом. В Армении отрицательное сальдо составило \$511 млн, что на 6,7% больше, чем в 2020 году, в Кыргызстане – \$37 млн, относительно положительного сальдо \$336 млн. в 2020 году. Республике Беларусь удалось выбраться из отрицательного сальдо в \$259 млн в 2020 году и перейти в положительное в размере \$1,8 млрд, что касается России, то в 2021 году он составил \$122 млрд с ростом в 3,4 раза по сравнению с 2000 годом [1]. Однако из приведенных данных видно, что именно в Республик Казахстан годовой инфляционный показатель оказался наиболее низким, относительно других государств.

Что касается социально-трудовых аспектов, то многих беспокоит изменившаяся в Казахстане ситуация на рынке труда, характеризующаяся значительным увеличением специалистов, приезжающих в Казахстан из России и Белоруссии. По информации вице-министра труда и социальной защиты населения на 30 марта 2022 года в Казахстан переехало более 101 тысячи граждан России. В основном это высококлассные специалисты в области IT-технологий, маркетинга, логистики и бизнеса [2]. Данный факт, не смотря на негативные отзывы некоторых экспертов, на самом деле имеет далеко идущие позитивные последствия для Казахстана, его экономического развития. На это было обращено внимание и Президента страны К.К. Токаевым.

Казахстанский экономист Айдар Алибаев, комментируя свою точку зрения о выходе Казахстана из ЕАЭС, пишет: «Еще один важный момент я хотел бы добавить, который также характеризует поведение России не с самой лучшей стороны. Сейчас они обсуждают пересмотр соглашения по выплате пенсий гражданам, которые перемещаются внутри этих пяти государств, и опять это делается, насколько я видел предварительную информацию, опять это делается Россией в своих собственных интересах, не считаясь с интересами стран-союзников» [3]. Вероятно интервьюированный умышленно извращает факты, поскольку в Соглашении о пенсионном обеспечении трудящихся стран ЕАЭС, которое было ратифицировано уже к 1 января 2021 года всеми участниками ЕАЭС, именно Казахстан, с учетом его отличительных законодательных установок в области социального обеспечения, и в частности обеспечения пенсионного, обрекает переезжающих в страну граждан в наиболее невыгодное положение, относительно других государств участников.

Мы уверены, что предложения об упразднении ЕАЭС и/или выходе из него Республики Казахстан, носят в большей степени популистский характер, и не соответствуют интересам страны. Они, как правило, необъективны и неоправданы.

Вместе с тем, нельзя отрицать наличие серьезных проблем, требующих правовой корректировки и серьезных изменений.

Договор «О Евразийском Экономическом Союзе» был принят 29 мая 2014 года в городе Астане и в этом же году, 14 октября, ратифицирован Республикой Казахстан. В соответствии со ст.4 Конституции страны акт ратификации указывает на то, что данный договор имеет приоритет над законами страны. Главной задачей ЕАЭС является обеспечение свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, то есть деятельность этой организации направлена на решение вопросов региональной экономической интеграции. При этом, социально-трудовой блок закономерно подпадает под сферу регламентации данного международного акта. В частности, раздел XXVI (ст. 97-98) посвящен вопросам трудовой миграции. Данный раздел предусматривает особые, льготные условия осуществления трудовой миграции для стран-участников данного объединения. В число участников на сегодня входит пять государств: Республика Казахстан, Российская Федерация, Республика Беларусь, Кыргызская Республика и Республика Армения. Сотрудничество предполагает не только систему согласованных действий и правовых систем, обмен опытом и информацией, но и особые процедуры. Так, для граждан перечисленных государств не требуется получение разрешения на осуществление трудовой деятельности в государстве трудоустройства, в отношении к ним не устанавливаются и не применяются ограничения, установленные для других иностранцев, относящихся к данной правовой группе, без каких-либо ограничений, с

небольшим исключением, признаются документы об образовании, без факта их легализации, включая документы об ученых степенях и званиях. Срок временного пребывания (проживания) таких граждан и членов их семьи определяется сроком действия трудового или гражданско-правового договора. Льготные условия предусматриваются и в части их регистрации и постановки на учет. Еще одно интересное положение устанавливает, что в случае досрочного расторжения трудового или гражданско-правового договора после истечения 90 суток с даты въезда на территорию государства трудоустройства трудящийся государства-члена имеет право без выезда с территории государства трудоустройства в течение 15 дней заключить новый аналогичный договор. Ст. 98 определяет, что социальное обеспечение и социальное страхование (кроме пенсионного) трудящихся государств-членов и членов семей осуществляется на тех же условиях и в том же порядке, что и граждан государства трудоустройства, трудовой (страховой) стаж засчитывается в общий трудовой (страховой) стаж, а вот пенсионное обеспечение регулируется законодательством государства постоянного проживания, а также в соответствии с отдельным международным договором между государствами-членами. Договор решает вопросы оказания гражданам скорой и иной медицинской помощи, иные вопросы социально-трудового характера [4]. Однако следует отметить, что при всех положительных моментах, договор содержит казуистическую правовую норму относительно социального обеспечения и социального страхования. Так, трудящимся мигрантам гарантируются все виды социального обеспечения и социального страхования в полном объеме, кроме пенсионного. Пенсионное обеспечение им гарантирует страна проживания, и это вполне обосновано. Вместе с тем, Республика Казахстан, перейдя на новую модель социального обеспечения и страхования, кардинально изменила систему выплат. В настоящее время в Казахстане отсутствует пенсионное обеспечение по инвалидности, по случаю потери кормильца и социальные пенсии, вместо них введены государственные социальные пособия, соответственно, по инвалидности и по случаю потери кормильца. Никакие изменения в международные обязательства до настоящего времени не были внесены в данные обязательства. Соответственно, в случае наступления поименованного социального риска, Республика Казахстан будет обязана выплачивать данные виды пособий трудящимся мигрантам и членам их семей. Одновременно с этим, страна их проживания, в соответствии с этим же договором, обязана назначать соответствующий вид пенсионного обеспечения. Такое положение дел вступает в явное противоречие и нормами казахстанской Конституции, что является фактом совершенно недопустимым. Заключение Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся стран ЕАЭС, к сожалению, не решило данную проблему.

Есть и некоторые иные серьезные нестыковки в области трудоустройства и социально-обеспечительного законодательства. Введение цифровых технологий в этом направлении выявит серьезные правовые пробелы, позволив их своевременно исправить.

Следует отметить, что цифровизация сегодня включена в систему глобальных трендов. ЕАЭС в данном плане не является исключением. 26 декабря 2016 года участники ЕАЭС подписали так называемую «Цифровую повестку ЕАЭС», формирующую сферы, тактику и стратегию цифровых преобразований в рамках интеграционных процессов стран-участников. В июле 2021 года в цифровом формате стартовал один из фундаментальных проектов ЕАЭС - «Работа без границ», охватывающий все пять государств. С 2022 года планируется введение единой системы документооборота, в том числе системы единых электронных трудовых книжек, электронных контрактов, обмена персональными данными и их защиты, цифровой электронной подписи и др.

Сегодня совместная цифровая платформа ЕАЭС охватывает такие вопросы, как «Цифровое техническое регулирование», «Экосистема цифровых транспортных коридоров», «Гармонизация законодательства стран ЕАЭС», «Open source» разработки, интегрирующие экономические и неэкономические связи на основе открытого кода. В документах отмечается, что создание общих цифровых платформ ориентированы на получение серьезных выгод для экономики, но не должны затрагивать национальные суверенитеты. 11 октября 2017 года

страны ЕАЭС утвердили следующие основные направления цифровой повестки союза до 2025 года: цифровая трансформация отраслей экономики и кросс-отраслевая трансформация, где «кросс» предполагает межотраслевое направление, рынков товаров, услуг, капитала и труда, процессов управления и интеграционных процессов, развитие цифровой инфраструктуры и обеспечение защищенности цифровых процессов. При этом, выделено три основных кода цифровизации ЕАЭС:

1. Data X – единая подсистема передачи и обмена данными в электронном виде.
2. ЕАЭС ID – единое пространство электронного доверия.
3. ЕАЭС Geo – это геоинформационная система и сервисы картографической основы, по упрощению контроля за транспортировкой и прослеживаемостью товаров [5].

Вполне закономерно возникает вопрос о сохранении конфиденциальности и защите столь огромного информационного массива. Однако, к сожалению, данный вопрос ни разу на повестку дня не выносился. Следовательно проблемы кибербезопасности остались вне рамок правового регулирования, что, с нашей точки зрения, нуждается в серьезной правовой разработке и межгосударственном регулировании.

Отмечая некоторое отставание от установленных программных сроков по объективным причинам сегодняшнего дня, следует отметить важность и своевременность разработки предложений по цифровизации всех направлений деятельности ЕАЭС, в том числе по социально-трудовым аспектам.

Список использованных источников

1. Саруар Алиби Что происходит с текущими счетами стран ЕАЭС. [Электрон. ресурс] - URL: <https://lsm.kz/schet-tekushih-operacij-v-eaes-v-2021-godu>
2. Переехавшие. Что делают российские специалисты в Казахстане. [Электрон. ресурс] - URL: <https://malim.kz>
3. В Казахстане думают о выходе из Евразийского экономического союза. Экономист объясняет, почему покинуть ЕАЭС сложнее, чем кажется. [Электрон. ресурс] - URL: <https://www.currenttime.tv/a/kazakhstan-russia-asia/31778304.html>. 31 марта 2022 года 05:00 мск
4. Договор «О Евразийском Экономическом Союзе». [Электрон. ресурс] - URL: <https://online.zakon.kz/Document>
5. Информационный портал ЕАЭС. [Электрон. ресурс] - URL: <https://portal.eaeunion.org>

Бурибаев Ермек Абильтаевич,
*доктор юридических наук, профессор, Проректор
Казахский национальный педагогический университет имени Абая,
yertek-a@mail.ru*

Хамзина Жанна Амангельдиновна,
*профессор, доктор юридических наук
Казахский национальный педагогический
университет имени Абая,
zhannakhamzina@mail.ru*

ТРУДОВЫЕ СПОРЫ: РАЗЪЯСНЕНИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация. В статье исследуются проблемы, связанные с ролью судебной практики в развитии трудового законодательства, правильном применении и совершенствовании его норм. Сформированы предложения по устранению недостатков в действующем нормативном постановлении Верховного Суда РК, принятом по вопросам применения судами законодательства при разрешении трудовых споров.

Ключевые слова: суд, трудовой спор, судебное толкование, судопроизводство, нормативное постановление

Abstract. The article examines the problems associated with the role of judicial practice in the development of labor legislation, the correct application and improvement of its norms. We have formed proposals to eliminate the shortcomings in the current regulatory resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan, adopted on the problems of the application of legislation by the courts in resolving labor disputes.

Key words: court, labor dispute, judicial interpretation, legal proceedings, normative resolution

Научным заданием для формирования данного обзора является ранее проведенное исследование [1], наши предыдущие комментарии, выводы и заключения относительно того, что действующая редакция нормативного постановления №9 «О некоторых вопросах применения судами законодательства при разрешении трудовых споров» не отвечает требованиям к качеству разъяснительной деятельности высшей судебной инстанцией; не имеет должной структуры, которая бы в действительности отражала толкование вопросов судебной практики по различным категориям трудовых споров, остаются актуальными. Содержание положений Нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 6 октября 2017 года № 9 «О некоторых вопросах применения судами законодательства при разрешении трудовых споров» (далее – НП) не являются достаточными для правильного разрешения типичных трудовых споров, отдельные выводы НП входят в противоречие с нормами Трудового кодекса Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 414-V ЗРК (далее – ТК).

НП было принято в 2017 году, в него единожды, в 2018 году, в один пункт были внесены изменения в части отсылки к номеру статьи Налогового кодекса. То есть недостаточная проработанность, наличие ряда противоречий и устаревших положений, большого объема цитирований норм ТК и иных недостатков НП уже на протяжении почти пяти лет игнорируются Верховным Судом Республики Казахстан (далее – ВС), отсутствует качественное обобщение судебной практики, не определяются результаты работы по выявлению пробелов законодательства и установлению актуальных запросов общественных отношений, требующих вмешательства посредством метода судебного толкования.

Формулировка второго абзаца пункта 2 НП содержит ряд недостатков: во-первых, правоотношения не могут регулироваться (они априори уже урегулированы нормами права),

а регламентируются общественные отношения трудовым договором, актом работодателя, соглашением и коллективным договором. Во-вторых, не существует в природе категории «иные соглашения сторон», ТК содержит понятие «соглашение», которое может быть генеральное, отраслевое, региональное, любое соглашение основано на принципе трипартизма его сторон, а стороны трудового отношения не являются сторонами соглашения. В-третьих, выбор ВС формулировки о том, что «правоотношения сторон трудового договора, кроме оговоренных в нем условий, регулируются коллективным договором, иными соглашениями сторон и актами работодателя, не противоречащими нормам трудового законодательства», требует изменения и указания на то, что если перечисленные источники права ухудшают положение работников по сравнению с трудовым законодательством Республики Казахстан, то они признаются недействительными и не подлежат применению (п.2 ст. 9 ТК). Поскольку условия трудового, коллективного договора, соглашения вполне могут противоречить ТК, например, в части повышения социально-трудовых гарантий, но не могут ухудшать положение работников сравнительно со стандартами ТК. Добавим, что пункт 2 НП состоит из четырех абзацев, второй абзац по смыслу не верно расположен и «разбивает» логическую структуру изложения иных норм. Является востребованным его перемещение в конец рассматриваемого пункта и внесение вышеизложенных уточнений.

Является бессмысленным третий абзац рассматриваемого пункта, поскольку судам всегда следует руководствоваться нормами ТК, а при конкуренции с нормами специального законодательства и ТК применять первые только если они не снижают уровень прав, свобод и гарантий, установленных ТК (п. 4 ст. 8 ТК).

Содержание абзаца 1 пункта 3 прямо противоречит п. 1 ст. 159 ТК в части перечисления споров, не подпадающих под юрисдикцию согласительных комиссий. Второй, четвертый, пятый, шестой абзацы рассматриваемого пункта НП являются бесцельным цитированием ст. 159 ТК.

Пункт 4 НП в части перечисления сроков обращения в суд и согласительную комиссию за рассмотрением трудового спора уже два года не соответствует актуальному содержанию ст. 160 ТК и требует, наконец, внимания ВС хотя бы в части нейтрализации таких явных ошибок. В данном пункте востребована бланкетная норма-разъяснение о том, что на сроки исковой давности по индивидуальным трудовым спорам распространяются правила статей 177, 179-187 Гражданского кодекса РК (Общая часть) от 27 декабря 1994 года.

Безинформативен и содержит ошибку пункт 5 НП. Во втором абзаце пункта указывается: «При предъявлении исков по месту нахождения филиала или представительства в порядке, предусмотренном частью третьей статьи 30 ГПК, ответчиками могут быть только юридические лица», что не соответствует содержанию указанной нормы ГПК: «Иск, вытекающий из деятельности филиала или представительства юридического лица, может быть предъявлен также по месту нахождения филиала или представительства». Не логично в контексте приведенной нормы процессуального закона напоминание в НП о том, что филиалы и представительства не являются юридическими лицами. Одновременно в силу прямого указания закона приведенная характеристика подразделений юридических лиц не препятствует подаче иска по месту их нахождения.

Пункт 5 НП, полагаем, нуждается в дополнении в части указания на возможности подачи исков по месту жительства истца по требованиям о возмещении вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья, полученных на рабочем месте, в результате несчастного случая на производстве, а также на то, что иски, вытекающие из трудовых договоров, в которых указано место исполнения трудовой функции, могут быть предъявлены также по месту исполнения договора, например, при прикомандировании работников, осуществлении деятельности вахтовым методом и др.

Первый и второй абзацы п. 6 НП являются цитированием п. 3 ст. 33 ТК. П. 7 НП входит в противоречие с содержанием ст. 27 ТК. Указанной нормой ТК требуется фактическое наличие хотя бы одного из признаков, свидетельствующих о существовании в реальности

трудовых, а не гражданско-правовых отношений. Приведенный пункт НП в целях формирования однозначного вывода о наличии трудового правоотношения предполагает фиксацию совокупности всех трех условий: личное выполнение работником работы по определенной квалификации, специальности, профессии или должности, подчинение работника трудовому распорядку, выплата работодателем заработной платы за труд.

Второй, третий абзацы п. 8 НП тождественны по содержанию с пунктами 1, 2, 3 статьи 26 Закона о профсоюзах.

В абзаце 2 п. 9 НП ошибочно указано: «... при наличии акта об отсутствии письменного отказа работника трудовой договор с работником прекращается по основанию, предусмотренному подпунктом 2) пункта 1 статьи 58 Трудового кодекса». Тогда как ТК требует, чтобы пассивные действия работника подтверждались следующим: «... При наличии акта, удостоверяющего отказ работника от представления письменного отказа от продолжения работы в связи с изменением условий труда, трудовой договор с работником прекращается по основанию, предусмотренному подпунктом 2) пункта 1 статьи 58 настоящего Кодекса» (п. 3 ст. 46 ТК).

В п. 10 НП закрепляется некорректный месседж ВС о том, что существует логическая связь между нормативным основанием прекращения трудового договора, указанном в приказе работодателя, и обязанностью суда признать приказ недействительным. Не учитывается содержание нормы ст. 10 ТК о том, что акт работодателя признается недействительным исключительно в случае, если его содержание ухудшает положение работников по сравнению с трудовым законодательством РК. В силу ст. 121 ТК, обязанность по возмещению материального ущерба возникает у работодателя в силу незаконного расторжения трудового договора, а акт работодателя, на основе которого прекратились трудовые правоотношения, является незаконным, категория «недействительный» здесь не уместна. Более того, рассматриваемая позиция ВС, изложенная в п. 10 НП, входит в противоречие с позицией судебной инстанции в этом же НП, но представленной в п. 32, 34, указывающей, что суд признает расторжение, прекращение трудового договора незаконным.

В п. 17 НП допущена ошибка при формулировке следующей позиции ВС: «Увольнение работника за совершение им по месту работы хищения (в том числе мелкого) может иметь место только в том случае, если его виновность доказана вступившим в законную силу постановлением суда о привлечении работника к ответственности за хищение или вступившим в законную силу приговором суда, которым он осужден к наказанию, не исключающему возможность продолжения прежней работы. ... Прекращение трудового договора с работником, осужденным за совершенное по месту работы хищение к наказанию, исключающему возможность продолжения прежней работы, производится в порядке, предусмотренном подпунктом 2) пункта 1 статьи 57 Трудового кодекса».

Вышеприведенное основание расторжения трудовых правоотношений предусмотрено пп.12) п.1 ст.52 ТК, при этом ТК не закрепляет никаких требований к тому, чтобы назначенное наказание относилось к «исключающему возможность продолжения прежней работы». То есть ВС безосновательно, во-первых, сузил условия для увольнения, и, во-вторых, бесцельно обязал нижестоящие суды выяснять: препятствует или нет назначенное наказание выполнению работником трудовых обязанностей.

В п.19 НП несостоятельно утверждается, что отказ работника от перевода на другую работу является основанием для увольнения за прогул. Во-первых, ТК, в принципе не содержит такого основания увольнения, как прогул, то есть не ясно о какой ситуации идет речь в НП, во-вторых, отказ работника от перевода в качестве основания расторжения трудовых правоотношений может рассматриваться только в рамках случаев и условий, предусмотренных ст. 58 ТК (основания прекращения трудового договора при отказе работника от продолжения трудовых отношений).

Второй абзац п.25 НП нуждается в уточнении порядка расторжения трудового договора с членами выборных профсоюзных органов, не освобожденными от основной работы, и с не освобожденным от основной работы руководителем (председателем) профсоюзного органа,

с учетом п. 2, 3, 4 ст 26 Закона «О профессиональных союзах» от 27 июня 2014 года № 211-V ЗРК. Действующая редакция НП не корректно определяет субъектный состав лиц, на которые распространяются гарантии профсоюзного законодательства.

П. 27 НП должен быть удален вследствие исключения из ТК разъясняемого порядка расторжения трудового договора, а именно пункта 3 статьи 50. П. 28 НП должен быть по логике перенесен после разъяснения общих условий законности привлечения к дисциплинарной ответственности и типичных ошибок судов. Кроме того, п. 28 НП в первом абзаце требует уточнения: применительно к какой сфере трудовых правоотношений комментирует ВС: в тексте происходит смешение государственной службы и деятельности в правоохранительных органах. П. 28 НП имеет спорную ценность, поскольку является фактически тождественным изложением п. 2 ст. 80 ЗРК от 6 января 2011 года № 380-IV «О правоохранительной службе».

Часть НП, касающаяся разъяснения судебного порядка обжалования дисциплинарных взысканий, п. 30, имеет малоинформативный характер, не отражает специфику соответствующей категории дел и не выдерживает критики в части перечисления двух якобы специфических форм дисциплинарных проступков.

На наш взгляд, нуждается в уточнении содержание п. 31 НП. Действующая редакция построена таким образом, что позволяет суду в ходе разбирательства по существу, принимая во внимание предоставленные доказательства, переqualificировать основание увольнения работника с фактически указанного в приказе об увольнении на иное. Полагаем, что предоставленные Фемиде полномочия в данном направлении могут способствовать злоупотреблениям со стороны работодателя, которому предоставляется свобода манипулировать основаниями увольнения, менять их в ходе судебного разбирательства. Кроме того, предоставленная ВС компетенция судам в части изменения конкретного основания Трудового кодекса или иного закона, которое положено в основу прекращения или расторжения трудового договора, противоречит п. 2 ст. 225 ГПК, закрепляющему, что суд разрешает дело в пределах заявленных истцом требований.

П.32 НП, фиксирующий порядок восстановления работника, уволенного без законного основания, нуждается в существенном дополнении в части решения проблем правоприменительной практики при вынесении судом подобного решения, например: на какой срок должен быть заключен трудовой договор при восстановлении, или ранее действовавший договор с работником должен быть пролонгирован; содержание решения суда и действия работодателя, если срок договора на момент вынесения решения истек, то на какой срок должен быть заключен новый договор; особенности восстановления на работе, если ранее занимаемая должность упразднена по различным основаниям, в том числе с учетом особенностей прохождения государственной службы, работы в государственных организациях, правоохранительных органах.

П.33 НП необходимо дополнить разъяснением порядка и оснований отзыва из оплачиваемого ежегодного трудового отпуска, а не из учебного, без сохранения заработной платы, социального. Разъяснить, что дополнительный оплачиваемый ежегодный трудовой отпуск является видом ежегодного трудового отпуска и в его период допускается отзыв. Разъяснить содержание понятия «производственная необходимость», закрепленное в пп. 62) п.1 ст.1 ТК РК, поскольку это – обязательное условие реализации работодателем права на отзыв из отпуска, а также учитывая, что законодательное определение производственной необходимости не носит исчерпывающий характер, оперируя категорией «и в других исключительных случаях», это требует соответствующего обобщения судебной практики и формирования рамочной позиции при квалификации содержания соответствующих правоотношений.

В п.34 НП востребовано разъяснение судам о том, что во всех случаях определения среднего заработка для целей формирования судебной позиции, решения необходимо руководствоваться едиными правилами исчисления средней заработной платы (п. 3 ст. 114

ТК), их актуальное содержание утверждено Приказом Министра здравоохранения и социального развития РК от 30 ноября 2015 года № 908.

НП однобоко подошел к вопросам разъяснения применения законодательства о материальной ответственности сторон трудового договора, посвятив данной проблеме пункт 36, где речь идет исключительно о материальной ответственности работника, вопросы ответственности работодателя не прокомментированы. Не соответствует ТК первое предложение рассматриваемого пункта: «Трудовым кодексом исключены пределы материальной ответственности работника за причиненный ущерб». В п. 3, 4 ст. 123 ТК закреплено, что работник обязан возместить прямой действительный ущерб, причиненный работодателю, содержится определение указанного ущерба. В связи с чем утверждение ВС об отсутствии пределов ответственности не соответствует законодательству. В статье 123 ТК содержится противоречие. С одной стороны, полный материальный ущерб, состоящий и ограниченный прямым действительным ущербом, предусмотрен п. 7, 8 ст. 123 (перечнем соответствующих должностей и работ, а также условиями причинения вреда). С другой, исходя из того, что прямой действительный ущерб тождественен полному, все работники, независимо от принадлежности к отдельным категориям, условий договоров, ситуаций причинения вреда, будут нести полную материальную ответственность. Полагаем, что подобные «несостыковки» норм в рамках одной статьи ТК нуждаются в освещении ВС и определении общей позиции судов.

Нуждается в изменении п 36 НП в части правильного указания нормы Налогового кодекса, освобождающей истца от уплаты государственной пошлины по искам о взыскании сумм оплаты труда и другим требованиям, связанным с трудовой деятельностью (пп. 1) ст. 541 Налогового кодекса).

Обобщение вышеприведенных выводов, позволяет резюмировать следующие заключения. Действующая редакция НП фактически в каждом пункте (или в норме права, учитывая, что на протяжении долгих лет в Законе «О правовых актах» не устраняется абсурдное утверждение статуса нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан в качестве нормативного правового акта и отнесение его к системе законодательства[2]) содержит либо пробелы в комментариях, либо противоречия актуальному состоянию законодательства, либо недостаточно качественные разъяснения, либо тождественное изложение текста эталонному содержанию ТК соответствующих норм права.

За рамками судебного разъяснения остаются следующие важнейшие аспекты процессуального порядка разрешения индивидуальных трудовых споров:

1 Об обязательности предварительного досудебного порядка разрешения споров, условий отхода от этих процедур, порядка обращения за судебной защитой в случаях невозможности прибегнуть к юрисдикции согласительной комиссии, а также специфика рассмотрения споров, если работодатель - индивидуальный предприниматель, в том числе крестьянское или фермерское хозяйство, субъект малого предпринимательства, некоммерческая организация, физическое лицо, использующее труд домашнего работника.

2 Срок обращения за судебной защитой, с какого момента начинают исчисляться соответствующие периоды, установленные ТК, последствия пропуска сроков.

3 Возможности для судебного примирения сторон спора, а также сроки судебного разбирательства по трудовым спорам.

4 Порядок разрешения споров в случаях, если между сторонами был заключен гражданско-правовой договор, но фактически имели место трудовые отношения.

5 Применимое право к трудовым спорам, а также соотношение и юридическая сила трудового, коллективного договоров, социально-партнерских соглашений.

6 Особенности рассмотрения споров из отношений, непосредственно связанных с трудовыми. Например, о дискриминации при приеме на работу, об отказе в заключении трудового договора, о выполнении обязательств из договора обучения, повышения квалификации за счет средств работодателя, о выполнении условий коллективного договора,

о признании акта работодателя или условий договора недействительными, о понуждении выполнения условий коллективного договора, социально-партнерского соглашения и др.

7 Последствия допуска работника к работе без заключения трудового договора в части признания факта возникновения трудовых отношений, прав, обязанностей его сторон и вытекающих обязательств, а также особенности вынесения решений и исследования доказательств по искам о доказывании трудовых отношений.

8 Особенности рассмотрения споров о нарушении сроков заключения трудовых договоров, продлении их действия, а также соглашений на время выполнения определенной работы, замещения отсутствующего работника.

9 Специфические проблемы при разрешении споров об изменении условий трудового договора, переводах на другую работу.

10 Исследование вопросов рассмотрения споров, связанных с расторжением трудового договора по соглашению сторон, по инициативе работника, в том числе в случаях, когда работник утверждает о вынуждении работодателя подать заявление о так называемом увольнении по собственному желанию.

11 Порядок правоприменения гарантий работников при расторжении трудового договора по инициативе работодателя, в части соблюдения ограничений прекращения трудовых правоотношений.

12 Отдельного выделения в НП требуют вопросы расторжения договора в качестве вида дисциплинарного взыскания.

13 Нуждаются в комментариях процессуальные и материальные особенности разрешения исков о взыскании заработной платы, иных выплат за счет средств работодателя, в том числе компенсаций, пособий на оздоровление и др.

14 Возможности и особенности взыскания морального вреда, причиненного незаконным расторжением договора, привлечением к дисциплинарной ответственности и иными неправомерными действиями работодателя.

15 Применение судами законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями, несовершеннолетних, лиц с ограниченными возможностями.

16 Возможности и особенности привлечения работодателей к административной ответственности за допуск к работе лица без заключения трудового договора, нарушение требований по оплате труда, непредоставление отпусков, незаконное превышение нормы рабочего времени, допущение дискриминации в сфере труда, нарушения в области обеспечения безопасности и охраны труда, нарушения требований законодательства по заключению коллективного договора, а также о занятости населения, неправомерное освобождение лиц с административных государственных должностей и др. Конечно, приведенные составы правонарушений требуют принятия отдельного Нормативного постановления ВС, учитывая фактическую многочисленность состав, в которых субъектом выступает работодатель и возникающие трудности, как у судов при рассмотрении дел, так и лиц, обеспечивающих гарантии квалифицированной юридической помощи, по подготовке соответствующих обращений о привлечении к ответственности одновременно с подготовкой исков о восстановлении на работе. Сложности усматриваются в привлечении к ответственности за дискриминационные действия в области занятости, за включение в трудовой договор дискриминационных условий; при определении субъекта, привлекаемого к ответственности, например, при допуске преподавателя к работе без заключения трудового договора в государственном вузе, возникает вопрос о том, кто будет субъектом административной ответственности, ректор или некоммерческое общество; определении ответственности и признаков повторности при длящихся правонарушениях, например, при задержке выплаты заработной платы;

Изложенное в совокупности в настоящем обзоре позволяет ретранслировать вывод о том, что НП не в полной мере отвечает потребностям судебной практики, в нем отсутствуют комментарии, основанные на обобщении судебных ошибок, нуждается в значительном

обновлении, в том числе с учетом появления новых форм трудовой деятельности – дистанционной работы, прикомандирования, заемного труда.

Благодарности. Исследование выполняется в рамках грантового проекта AP09259109 и финансируется Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.

Список использованных источников:

1 Хамзина Ж.А. Вопросы к качеству нормативного постановления «О некоторых вопросах применения судами законодательства при разрешении трудовых споров» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37456619.

2 Бурибаев Е.А., Хамзина Ж.А. Нормативное постановление Верховного Суда применять по аналогии законодательства // <https://www.zakon.kz/4907295-normativnoe-postanovlenie-verhovnogo.html>.

Ермухаметова С.Р.
*заң ғылымдарының кандидаты,
әл-Фараби атындағы ҚазҰУ
Заң факультетінің азаматтық құқық
және азаматтық іс жүргізу,
еңбек құқығы кафедрасының аға оқытушысы*

ЦИФРЛЫҚ ЭКОНОМИКА ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ТҰТЫНУШЫЛАР ҚҰҚЫҚТАРЫНЫҢ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Біз соңғы жылдары экономиканы сипаттап, цифрлық экономика деп жүргеніміз бұл экономиканы цифрландыру қазіргі заманғы әлеуметтік-экономикалық өмірдің жалпыға танылған жаһандық трендтерінің бірі болуымен түсіндіріледі. Цифрлық технологиялардың белсенді дамуы қазіргі қоғам өмірінің барлық салаларына әсер етеді және мұндай технологиялар заманауи цифрлық экономика ұсынатын зор мүмкіндіктердің пайда болуына байланысты ерекше маңызға ие болуда. Оларды пайдалану тұтынушы үшін қызметтер мен тауарлардың әртүрлі санаттарының қолжетімділік деңгейін арттыруға бағытталған, ал ұйымдар мен кәсіпорындар үшін бұл сауданы кеңейтуге, клиенттерді ұлғайтуға мүмкіндік береді және тауарлар мен қызметтер нарығында өзінің танымалдылығын едәуір арттыруға мүмкіндік береді.

Цифрландыру процесі әлемдік және ұлттық деңгейлерде экономиканың дамуына ықпал етеді, осыған байланысты қазіргі заманғы цифрлық қоғамда тұтынушылардың құқықтарын қорғауды қамтамасыз ету ерекше өзекті болып отыр.

Негізінен, цифрлық экономика-бұл іскерлік және өндірістік қатынастардың дәстүрлі нысандарының, халықтың өзара іс-қимыл нысандарының цифрлық түріне жүйелі және дәйекті түрде ауысуы деп қарастырылады.

Цифрлық экономика-бұл экономикалық қызмет, оның негізгі өндірістік факторы сандық түрдегі мәліметтер болып табылады және азаматтар мен қоғамның сапалы және сенімді ақпарат алу қажеттіліктерін ескере отырып, ақпараттық кеңістікті қалыптастыруға ықпал етеді.

Біз заман талабына, уақыт талабына қарай құқық олармен қатар жүруі керек және қазіргі заманғы үрдістерді сәйкестендіріп, түзетеді. Қазіргі кезде цифрлық экономиканың дамуы мен қолданылуы экономикалық өмірдің барлық саласын, соның ішінде тұтыну саласын да қамтиды. Құқық уақытпен қатар жүруі және қазіргі заманғы үрдістердің ықпалымен үйреншікті тәсілдерді түзетуі тиіс.

Жүргізілген зерттеулер тұтынушылар мен коммерциялық ұйымдар арасындағы электрондық сауданың қарқынды өсуін көрсетеді [3, 99 - б.], бұл заң шығарушының сандық нарықта тұтынушылардың құқықтарын қорғауды қамтамасыз ету тетіктеріне деген қызығушылығын арттырады.

Цифрлық экономика азаматтық айналым қатысушылары тұтынушылар және оларды осы сандық экономика жағдайында құқықтарын қорғау мәселелерін қарастырады. Себебі цифрлық экономика нарыққа жаңа техника мен технологияның жаңа тауарлар, қызметтерді азаматтық айналымға шығарады және тараптарға құқықтар мен міндеттер, құқықтық қорғау механизмдеріне қатысты түбегейлі өзгерістерді қажет етеді.

Қазақстан Республикасының «Тұтынушылардың құқықтарын қорғау» туралы заңнамада тұтынушы мен сатушы, қызмет көрсетуші және жұмысты орындаушының құқықтары мен міндеттері қарастырылған.

Ең алдымен тұтынушыға тауар, жұмыс және қызметтер туралы оны таңдау мүмкіндігін қамтамасыз ететін қажетті және ақпарат беруге міндетті.

Өндірушінің (орындаушының, сатушының) заңмен бекітілген міндеттерінен тұтынушыға құзыретті таңдау мүмкіндігін қамтамасыз ететін тауарлар (жұмыстар, қызметтер) туралы қажетті және сенімді ақпаратты уақтылы ұсыну, тұтынушыда оның қасиеттері мен

сипаттамалары туралы арнайы білімнің болмауы туралы болжам туындайды. Тауарлар (жұмыстар, көрсетілетін қызметтер) туралы ақпарат тұтынушының назарына көрнекі және қолжетімді нысанда жеткізілуге тиіс.

Цифрлық экономика үрдістерінің бірі-ақпарат көлемінің едәуір өсуі. Бұл сынаққа техникалық және бизнес ортада «үлкен деректер» (big data) деген жалпылама атау алған технологиялар жауап болды. Жалпы алғанда, үлкен деректерді басқарушылық шешімдер қабылдау сапасын жақсарту, жаңа өнімдер жасау және бәсекеге қабілеттілікті арттыру мақсатында үнемі жаңаруға ұшырайтын әртүрлі көздерден алынған үлкен көлемдегі құрылымдалған және құрылымданбаған деректерді өндеудің құралдары мен әдістерінің жиынтығы ретінде анықталады.

Сандық қоғамда ақпарат беру нысаны түбегейлі өзгереді. Ол сондай – ақ цифрлық түрге өтеді және ондай ақпараттар интернетте орналасқан. Бұл жағдайда ақпаратты іздеуді жеңілдететін құрылғылар мен бағдарламалар пайда болады, мысалы, QR кодтары

Кейінгі уақытта кеңейтілген цифрлық технологиясы біртіндеп тарала бастады. Мысалы, Lego компаниясының кейбір дүкендерінде конструктор қорабы бар арнайы стендке кіріп, жиналған күйдегі үш өлшемді модельді көре аласыз. Жаңа мүмкіндіктерді бағалай отырып, болашақта кәсіпкер көпшілікке қол жетімді көздерде орналастырған ақпаратпен таныспау қаупі тұтынушыға жүктелуі мүмкін.

Тұтынушыға берілетін қажетті ақпарат сатып алушының тауарды еркін және дұрыс таңдау мүмкіндігін қамтамасыз ететін, тауардың тұтынушылық қасиеттері мен сипаттамаларына, оны тиімді пайдалану ережелері мен шарттарына қатысты күмән тудырмайтын өнім туралы ақпарат. Ең бастысы, сатушылар тұтынушыларға қарсы ақпараттық технологияларды пайдаланбауы керек, мысалы, өнімді сатып алу кезінде тұтынушы өнім туралы барлық ақпарат берілгенін көрсетеді. Мысалы дәстүрлі дүкенде сатып алу кезінде дүкенде тауарлардың сипаттамасы бар беттер бойынша ыңғайлы навигациясы бар сайтқа кіруге арналған құрылғылар бар немесе ақпаратты сатушының қызметкері көрсетеді. Ал егерде интернет -дүкендер болған жағдайда ақпарат өнім бетінде болады немесе онда сілтеме болуы мүмкін. Соңғы жылдары әртүрлі дүкендердің ұсыныстарын тез салыстырып, сатып алуға болатын тауарлар немесе қызметтер туралы ұсыныстарды жүйелейтін сайттар танымал бола бастады. Олардың міндеттерін бекіту қажеттілігі туралы көп айтылды. Бұл пікірталастар, әрине, тиісті әлеуметтік қатынастардың дамуымен туындады.

Қазіргі кезде заман талабына сай қашықтықтан сатып алу әдісі кеңінен қолданылатындықтан тұтынушының тауарды берген күннен бастап жеті күн ішінде тауарды негізсіз қайтару құқығы сақталуы тиіс. Бұл құқықты беру Интернет-сайттағы каталогтар немесе сипаттамалар бойынша сатып алған кезде тұтынушы тауардың тұтынушылық қасиеттерімен және өзге де қасиеттерімен жеке танысу, оны «сезіну» мүмкіндігінен айырылатындығына байланысты. Интернет желісі әр түрлі бизнес үшін кең мүмкіндіктер ұсынады. Қызмет көрсету аясында да кез келген қызметті, немесе тіпті заңи көмекті онлайн алуға мүмкіндік беретін ресурстар, түрлі вебинарлар өткізу бойынша да тұтынушылардың құқықтарын қорғау.

Әлемде цифрлық экономиканың дамуы рынокка роботтардың қызметін енгізді. Дәлел ретінде қазір биржаларда Робот-трейдерлермен көптеген мәмілелер жасалуда. Бірыңғай технологиялық процеске тартылған ұйымдар арасында деректерді электрондық алмасу туралы келісімдер жиі болады, оның шеңберінде жетіспейтін қосалқы бөлшектерге тапсырыс автоматты режимде орналастырылады және қабылданады. Тұтынушыларға жақын мысалдан «ақылды үйлер» технологияларын, атап айтқанда, Интернет желісіне қосылған тоназытқыштарды келтіруге болады, олар өнімдердің болуы мен жағдайын бақылай алады және осыған байланысты тапсырысты дүкенге орналастыра алады. Жасанды интеллект немесе оның аналогтары бар құрылғылар белгілі бір өзін - өзі оқытуға ие-олар.

Цифрлық экономика тұтынушыларға көп нәрсе ұсына алады. Цифрландыру қызметтердің кеңейтілген жиынтығын алуға оңай қолжетімділікті, ыңғайлы мезеттік төлемді және кез келген ыңғайлы уақытта сатып алу мүмкіндігін қамтамасыз етеді. Мұның бәрі

Интернеттің, смар - тфондардың және басқа технологиялардың жылдам дамуы арқылы мүмкін болды. Бірақ цифрландыру өскен сайын тұтынушылардың құқықтарын қорғаумен байланысты проблемалар да туындауда.

Жалпы цифрлық экономика тұтынушыларға көп нәрсе ұсына алады. Цифрландыру қызметтердің кеңейтілген жиынтығын алуға оңай қолжетімділікті, ыңғайлы мезеттік төлемді және кез келген ыңғайлы уақытта сауда жасау мүмкіндігін қамтамасыз етті. Мұның бәрі Интернеттің, смартфондардың және басқа технологиялардың қарқынды дамуы арқасында мүмкін болды. Цифрландырудың өсуі, дамуы кезінде тұтынушылардың құқықтарын қорғаумен байланысты проблемалар туындайды. Кейбір мемлекеттерде осы саланы реттейтін арнайы заңдар бар. Тұтынушылар сауатты болған жағдайда өз құқықтарын білсе, олардың құқықтары қорғалады. Әрине құқықтық сауаттылықты арттыру міндеті сол өнімді шығарушы, қызмет көрсететін және жұмысты орындайтын компаниялардың алдында тұр, бұл бір жағынан тұтынушылардың сенімділігін де арттырады.

Елдің жаңа өнеркәсіптік және технологиялық жолға ағымдағы көшу процесінде және экономиканы цифрландыруға байланысты әлеуметтік теңсіздік проблемасы шиеленісуде, соның салдарынан тұтынушылардың құқықтарын туындайтын тәуекелдерден, бұл ретте олардың мүдделерін ескере отырып, қорғауды қамтамасыз ету қажет.

Цифрлық технологиялардың белсенді дамуы жағдайында құқық қорғау жүйесін жетілдіру ерекше маңызға ие болуда.

Бұл тұрғыда халықтың цифрлық сауаттылығын дамыту маңызды рөл атқарады. Ұлттық және әлемдік деңгейдегі цифрлық әлемнің жаңа шындықтары жағдайында тұтынушылардың құқықтарын қорғауды жетілдіру Қазақстан Республикасы сауда және интеграция Министрлігінің тұтынушылардың құқықтарын қорғау комитетінің жұмысының жетекші бағыттарының бірі болып табылады. Жалпы нарықтағы тұтынушылардың құқықтарын қорғау мәселесі БҰҰ сауда және даму жөніндегі конференциясы және экономикалық ынтымақтастық және даму ұйымы сияқты ірі халықаралық алаңдарда үнемі талқыланады.

Электрондық сауда алаңдарын пайдаланудың артуынан туындаған тұтынушылардың құқықтарын қорғау проблемаларының арасында: тұтынушылардың дербес деректерін қорғау, онлайн-төлемдердің қауіпсіздігі, блокчейн-технологиялар көмегімен жасалған келісімшарттардың орындалуын бақылаудың халықаралық деңгейде келісілген ережелерін жасау және т.б. ерекшеленеді. ЭЫДҰ-ның электрондық коммерциядағы тұтынушылардың құқықтарын қорғау жөніндегі 2016 жылғы ұсынымдарында цифрлық контенттің ерекшелігін ескере отырып, негізгі стандарттар, сондай-ақ төлемдерді қорғау стандарттары айқындалды. Сонымен қатар, бұл құжат электронды сауда алаңдарына да бағытталған.

Халықаралық деңгейде тұтынушылардың құқықтарын қорғауды қамтамасыз ету мақсатында Тәуелсіз Мемлекеттер Достастығына қатысушы мемлекеттердің тұтынушылар құқықтарын қорғау саласындағы ынтымақтастығының негізгі бағыттары туралы келісім Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2000 жылғы 4 тамыздағы N 1197 қаулысымен бекітілді.

Сонымен қатар 22 желтоқсан 2015 жылғы 70/186 БҰҰ-ң «Тұтынушылардың құқықтарын қорғау» резолюциясында тұтынушылардың құқықтарын қорғаудың жалпы қағидарраты қарастырылған және олар тұтынушылардың негізгі тауарлар мен қызметтерге қол жеткізуі, осал және қолайсыз жағдайда қалған тұтынушыларды қорғауды қорғау, тұтынушыларды денсаулық пен қауіпсіздікке әсер ететін қауіп факторларынан қорғау, тұтынушылардың экономикалық мүдделерін сақтауға және қорғауға жәрдемдесу, тұтынушылардың жеке сұраныстар мен қажеттіліктерге сәйкес негізделген таңдау үшін қажетті тиісті ақпаратқа қол жеткізуі. БҰҰ қағидаттарында халықаралық ынтымақтастық мүше мемлекеттер арасындағы ерікті өзара іс-қимыл негізінде құрылуы тиіс деп көрсетілген. Сонымен бірге тұтынушылардың құқықтарын қорғау саласындағы халықаралық міндеттемелердің сақталуын қамтамасыз етуге мүмкіндік беретін құқық қолдану жөніндегі ірі халықаралық құрылымдарды құрудың маңыздылығын атап өткен жөн. Осындай дауларды реттеу саласындағы өзекті проблемалардың бірі шешімдердің орындылығын қамтамасыз ету болып табылады. Интернет-платформалар осы платформада мәміле жасау нәтижесінде

туындаған дауды шешуге қатысуы керек пе деген мәселеде заң шығарушының белгісіздігі іс жүзінде ерекше қиындық тудырады.

Сонымен қатар, бұл құжатта БҰҰ-ға мүше мемлекеттер тұтынушылардың құқықтарын қорғау саласында бірыңғай саясат әзірлейтіндігі көрсетілген. Соңғысының мүдделері сандық жазықтықтағы халықаралық сауданың ерекшеліктеріне қайшы келмеуі керек.

Қазіргі қашықтықтан тұтынушылармен шарт жасау кезінде құқықбұзушылық үшін қолданылатын санкциялар тұтынушылардың құқықтарын қорғаудың және құқық бұзушылықтардың алдын-алуды қамтамасыз етудің тәсілі болып табылады. Осылайша, мұндай құқықбұзушылықтар үшін жиі айыппұл қолданылады және таар сатушының немесе қызмет көрсетушінің, жұмысты орындаушының веб-сайты жабылады. Халықаралық Диалог нысанындағы мұндай бірлескен тәсіл бүкіл әлемде тұтынушылардың құқықтарын қорғауды күшейту үшін тиімді және мынадай бағыттар бойынша іске асырылады:

1. Тұтынушылардың құқықтарын қорғаумен байланысты, мысалы, бизнес, цифрлық платформалар, деректерді қорғау және жаңа бизнес-модельдер мен нарықтың негізгі қатысушыларын реттеу салаларындағы проблемалар туралы жалпы түсінік қалыптастыру. Аталған проблемаларды шешу тұтынушылардың құқықтарын қорғаудың ұлттық жүйелерін түзету үшін негіз болады.

2. Цифрлық мүмкіндіктерді пайдалану-жаңа технологиялар арқылы тұтынушылардың құқықтарын қорғау туралы заңның сақталуын қамтамасыз ету үшін инновациялық идеялар мен әдістерді әзірлеуді қамтитын екінші басым сала. Перспективаларда тұтынушылардың сұраныстарын бағалай және біріктіре алатын алгоритмдерді қолдайтын арнайы қосымшаны құру көрсетіледі.

Арнайы нормативтік актілерді қабылдаудан басқа, іс-шаралар кешені, интернет-рейдтер, сондай-ақ халықаралық деңгейде тұтынушылардың құқықтарын қорғайтын мамандандырылған органдар құру, жүргізілген халықаралық тергеулердің нәтижелері бойынша санкциялар салу туындаған бұзушылықтарға қарсы күрестің ең тиімді құралы бола алады.

Мақаламды қорытындылай келе тұтынушылардың құқықтарын қорғау іс-шаралар кешенін құрайды және оны жүзеге асыруының үнемі қадағалап отыру қажет.

Пайдаланылған әдебиеттер:

- 1.Қазақстан Үкіметінің 2017 жылғы 12желтоқсандағы №827 қаулысымен бекітілген «Цифрлық Қазақстан» мемлекеттік бағдарламасы//adilet.zan.kz
- 2 Қазақстан Республикасының «Тұтынушылардың құқықтарын қорғау туралы 04.05.2010 жылғы заңы// adilet.zan.kz

Нуранова Райхан Куандықовна
PhD доктор, аға оқытушы. e-mail: raikhan71@gmail.com
Әл-Фараби атындағы Қаз ҰУ, Қазақстан, Алматы қ.

Алдашев Сарсенгали Мирзалинович

з.ғ.к., доцент, e-mail: aldashev.sarsengaly@gmail.com
Әл-Фараби атындағы Қаз ҰУ, Қазақстан, Алматы қ.

ҚАШЫҚТЫҚТАН ЖҰМЫС ІСТЕЙТІН ҚЫЗМЕТКЕРЛЕРДІҢ ЕҢБЕГІН ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУДІҢ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Қызмет етудің инновациялық түрлерінің нақты нысандары олар анықталатын жекелеген факторларға байланысты. COVID-19 пандемиясы мен коммуникациялық технологиялардың дамуына байланысты ақпараттық қоғамға көшу және онымен байланысты цифрландыру процесі еңбек қатынастарының елеулі өзгерісіне алып келді және бұл өз кезегінде ыңғайлы еңбек нарығының қалыптасу процесі, яғни уақыт және кеңістік бойынша еңбек қатынастарының орталықтандыру үрдісінің бір бөлігі болып табылатын жұмыс беруші мен жұмысшылардың арасындағы «қашықтықтық қатынастардың» пайда болуына алып келді. Қашықтықтан жұмыс жасаудың ауқымы мен даму қарқыны дамушы елдерде өте жоғары. (пандемияға дейінгі кезеңнің өзінде Еуропа елдерінің үлесіне қашықтықтан жұмыс жасаушылардың саны ондағы жалпы жұмыспен қамтылғандардың 10%-нан 22% пайызға дейін келеді). Өкінішке орай Қазақстан Республикасында жаңа, тиімділігі жоғары қашықтықтан жұмыс жасау нысаны оның күн санап кең таралып келе жатқандығына қарамастан дамушы елдердегідей зерттеушілер мен тәжірибелі мамандармен жан жақты әрі терең зерттеле қойған жоқ.

Қашықтықтан жұмыс жасауға байланысты шетелдік ғылыми зерттеулердің нәтижелерін қазақстандық экономикаға толықтай өзгеріссіз енгізе алмаймыз. Өйткені ұлттық деңгейдегі жұмыспен қамтуды реттеу тетіктерінің ерекшеліктерін елеу қажеттігін ескерсек бұл тақырыпты қазіргі таңда тыңғылықты зерттеу қажеттігін аңғаруға болады.

Қашықтықтан жұмыс жасаудың ғылыми тұжырымдамасының қалыптасып, тәжірибеде қолданылуына америкалық ғалымдар Ниллес Дж. (Nilles Jack M.), Кинсман Ф. (Kinsman Francis) және Гордон Г. (Gordon Gil) үлкен үлес қосты.

Тележұмыс бойынша әлем бойынша тұңғыш мамандардың бірі Гил Гордон, 1982 жылы өзінің консалтингтік қызметін бастап, жеке және қоғамдық ұйымдар үшін телебағдарламаларды дамытуға қолдау көрсете бастады.

«Қашықтықтан жұмыс жасауды» зерттеуде Халықаралық Еңбек Ұйымының тигізген үлесі зор (ХЕҰ). ХЕҰ мамандары «Лайықты еңбек» тұжырымдамасы аясында қашықтықтан жұмыс жасауға талдау жасады. 2001 жылы ақпанда осы құбылысты жаңаша қырынан түсінуді ұсынатын, қашықтықтан жұмыс жасаудың сипатындағы өзгерістерді қарастыратын Витторио Ди Мартиноның (Vittorio Di Martino) «Қашықтықтан жұмысқа жол» [Vittorio Di Martino, 2001] деп аталатын кітабы жарық көрді.

Қашықтықтан жұмыс жасау мәселелері еңбек қатынастарын ұйымдастырудың жаңа жетіліп келе жатқан нысаны ретінде шетелдік ғалымдардың еңбектерінде зерттелді: Хьюс Урсула (Huws U.), Пратт Джоан (Pratt Joanne H.) Ной Норманн (Nie, Norman H.), Скифф Фрэнк (Schiff, Frank), Веллинс Алан (Wellins, Alan), Рис Шелли (Reese, Shelly), Рош Елен (Roche, Eileen), Хилл Джеффри (Hill, E. Jeffrey); Брент Миллер (Brent C. Miller); Вайнер Сара (Weiner, Sara P.); Колиган Джой (Colihan, Joe), Игбария Мэгид (Igbaria, Magid), Курланд Ненси (Kurland, Nancy B.); Байлей Диана (Bailey, Diane E.) және т.б. Сонымен қатар, осы мәселеге қатысты келесі Ресейлік ғалымдардың да еңбектері қарастырылды: Гимпельсон В., Капелюшников Р., Костаков В., Чижову Л., Синдяшкину Е., Паринов С., Чернухин В.,

Шмелькову Е., Горянникову В., Головкина А., Промтову О. және т.б. Қазақстандағы қашықтықтан жұмыс жасаудың қалыптасу және даму кезеңіне байланысты зерттеулер өкінішке орай жоқтың қасы деуге болады. Осы жағдайдың орнын толтыру мақсатында және аталмыш тақырыптың зерттелуіне өз үлесімді қосу мақсатында тақырып таңдалынды.

ҚР Президентінің Жарлығымен Дүниежүзілік денсаулық сақтау ұйымының жаңа COVID-19 коронавирусын пандемия деп жариялауына байланысты азаматтардың өмірі мен денсаулығын қорғау мақсатында Қазақстан Республикасының барлық аумағында 2020 жылғы 16 наурызында төтенше жағдай енгізілген болатын. Осыған байланысты қашықтан жұмыс істеуге мүмкіндігі бар барлық кәсіпорындар, мекемелер қашықтан жұмыс істеу режиміне көшкендігі бәрімізге мәлім. Қашықтықтан жұмыс жасау еңбек кодексінің 138-бабымен реттеледі. Қашықтан жұмыс істеуге көшкен кезде жалақы төлеу тәртібі өзгермейді. Жұмысты жұмыс орнында емес емес, үйде істейді. Жұмыс күндерінің саны азайған жағдайда толық емес жұмыс күні үшін айлық алады. Бұл еңбек кодексінің 70-бабымен реттеледі. Елдегі жағдайға байланысты өз қызметтерін тоқтатуға мәжбүр болған мекемелерге еңбек кодексінің 112-бабы бойынша мәжбүрлі жұмысты тоқтату режиміне көшеді. Мұнда жұмыс берушінің тарапынан жұмысшыларға кемінде біздің еліміздегі ең төменгі жалақыдан төмен емес жалақы, яғни 42 500 теңге төлеуге міндетті. Алайда еңбек шартында бұл төменгі жалақыдан жоғары жалақы қарастырылған болса, сол жалақы төленеді. Бірақ төменгі жалақы мөлшерінен төмен болмауы тиіс". Енді осы қашықтықтан жұмыс жасау түсінігі мен оның талаптарына жеке тоқталсақ.

Қашықтықтан жұмыс жасау салыстырмалы түрде жаңадан қалыптасқан дәстүрлі емес еңбек нысаны ретінде ақпараттық технологиялардың қарқындап дамуына байланысты пайда болды. Ақпараттандырудың жаһандық сипат алуы жаңа технологиялардың пайда болуына, ал ол өз кезегінде жаңа кәсіптер мен еңбек қатынастарының пайда болуына алып келді. Шет елдерде қашықтықтан жұмыс жасау ұғымы ретінде әртүрлі синоним болып есептелетін терминдер қолданылады: telework, telecommuting, telejob, flexplace, peripheraljobs, work-at-home, home-basedwork, remotework, eWork3 және т.б. ұғымдар қолданылады[1], дегенмен, жұмыспен қамтудың бұл нысанына қатысты көбінесе тележұмыс ұғымы өте жиі қолданылады. Бізде бұл термин телевидение ұғымымен тікелей байланысты болғандықтан қолдануға ыңғайсыздау. «телекомьютинг» (telecommuting) және «тележұмыс» (telework) терминдері ғылыми айналымға 1973 ж. Джек Ниллес енгізген болатын. Ол алдыңғы ғасырдың 70-ші жылдары кеңседен тыс жердегі, көбінесе үйдегі жұмыстың артықшылықтарын дәлелдейтін тәжірибе жасады. Ол телекомьютингті офистегі жұмыстың баламасы ретінде қарастырып, оны қолдану нәтижесінде көлік проблемасын шешу әдісі ретінде қарастырды. Еңбек қатынастарының жаңа нысаны ретінде тележұмыс жұмыспен қамтудың икемділігі мен қызметкерлерге өздерінің еңбек міндеттемелерін жұмыс берушінің офисінен бөлек жерде, яғни үйде немесе басқа да арнайы жабдықталған орындарда заманауи ақпараттық технологияларды қолданып орындау мүмкіндігін береді. Бастапқыда тележұмыс ұғымы (telework, telecommuting) үйден жұмыс жасауды сипаттау үшін қолданылса, қазіргі таңда бұл термин мобильді еңбек қызметін ұйымдастырудың барлық нысанына қатысты қолданыла бастады[2]. Тележұмыстың алғашқы нысаны 2000 ж. Еуропалық тележұмысты ұйымдастыру ұйымы ұсынған, 4 түрі: 1. Home-basedtelework (үйдегі тележұмыс). Тележұмыстың бұл түрі аптасына бір рет әріптестерімен үйден компьютер немесе телекоммуникациялық байланысты қолдану арқылы қарым-қатынас жасап, өз қызметін негізгі жұмыс орнында емес, үйден орындайтын жұмысшыларды қамтиды. Егер қашықтықтан жұмыс жасау барлық жұмыс уақытының 90% артық болса, мұндай жұмысшыларды тұрақты тележұмысшылар (permanentteleworkers) деп қарастырса, 90% кем болған, бірақ аптасына бір күннен артық емес жағдайда – уақытша (alternativeteleworkers) тележұмысшылар деп қарастырды. Ал қызметкер үйде аптасына бір рет бір толық күнінен аз уақыт жұмыс жасаған жағдайда қосымша (supplementary) тележұмыс деп аталды. 2. Mobiletelework (мобильді тележұмыс). Тележұмыстың бұл түрі жұмысшылар өзінің негізгі жұмыс орны мен үйден тыс жерде аптасына 10 сағаттан артық жұмысты осы уақыт ішінде

компьютерлік-технологиялық байланысты қолданып жасаған қызметкерлерге қатысты (әдетте, бұл қызметтік жолаушылыққа байланысты). 3. телекоттеджердегі тележұмысқызметкерлерді тұрғылықты жері бойынша оқыту және өнімділігі жоғары ақпараттық-коммуникациялық технологиялармен қамтамасыз етумен байланысты. Үй мен офистің ара қашықтығы үлкен болған жағдайда өте тиімді: әрбір қызметкер өзіне ыңғайлы, әрі жақын телеорталықты таңдайды. Кемшіліктеріне оны жүзеге асыру үшін жоғары инфрақұрылымның қажеттігін айтуға болады. 4. Teleworkbyself-employedinSOHOs (шағын офистердегі өзін-өзі жұмыспен қамтитын тележұмыс – үйдегі офистерде өзін-өзі жұмыспен қамтитын және тележұмысты үйлестіретін тәуелсіз және дербес қызметкерлер (меншік иелері немесе фирманың беделді басқарушылары), үйдегі жұмыс орнында не шағын офистерде өз қызметінде ақпараттық технологияларды ұдайы қолданатын, мысалы қашықтықтан клиенттермен және бизнес әріптестерімен байланысқа шығып отыратын тележұмыс түрі[3]. Қашықтықтан жұмыс жасаудың толық сыныпталуын Л.М. Кветна ұсынған [4]. Ол сыныпталу белгісі ретінде жұмысты орындау кезінде қызметкердің орналасуын негізге ала отырып қашықтықтан жұмыс жасаудың 8 түрін бөліп көрсетеді. Бірінші нысаны –ыңғайлы жұмыс (flexibleworking),тележұмысты үйде орындайтын қызметкерлер жүйелі түрде бір уақыт кезеңінде офистегі әртүрлі қызметкерлер қолданатын жұмыс орнының саны шектеулі, офиске келіп тұруы тиіс. Бұл жүйені IBM, Digital қолданады. Екінші нысаны – бір компанияға толығымен тиесілі не бірнеше компанияларға үлестік тиесілі телеорталықта компанияға тиесілі жұмыс орнындағы тележұмыс үшін ұжымдық пайдалану орталықтары (telecentre) Әрбір қызметкер өзіне ыңғайлы офиске (жақын немесе қоғамдық көлікті пайдалануда ыңғайлы) барып өз жұмысын басқа қызметкерлермен бірге ақпараттық технологияларды қолдану арқылы жүзеге асырады. Телекоттеджер (telecottages) – үшінші нысаны, – бұл ауылдық жерлерде орналасқан ұжымдық пайдалану орталықтары (Ирландия, Франция, Шотландияда кең қолданылады). Төртінші нысаны – телеауылдар(televillage), ауылдардағы әрбір үй толығымен жабдықталып, ақпараттық-коммуникациялық технологияларға ауылдың жергілікті желісін жоғары жылдамдықтағы Интернетке қосу арқылы жүзеге асырылады. (мұндай жобалар Солтүстік Америкада жиі қолданылады.

Еңбек кодексіне сәйкес қашықтықтан жұмыс істеу деп еңбек шартында көзделген еңбек қызметін жұмыс беруші орналасқан жерден, оның филиалынан, өкілдіктерінен немесе басқа да оқшауланған құрылымдық бөлімшелерінен (басқа жерде орналасқандарды қоса алғанда), стационарлық жұмыс орнынан, жұмыс берушінің тікелей не жанама бақылауында тұрған аумақтан немесе объекіден тысқары жерде өзінің еңбек функцияларын орындап, оны жүзеге асыру барысында туындаған мәселелерді талқылау мақсатында жұмыс берушімен қарым-қатынасқа түсу үшін «Интернет» жүйесін қоса алғанда, ақпараттық-коммуникациялық технологияларды пайдалана отырыпжүзеге асырудың ерекше нысанын түсінеміз. Электрондық құжаттармен алмасу нысаны ретінде жүзеге асырылуы мүмкін: - еңбек шартын жасау және оның шартын өзгерту (ҚР еңбек кодексінің 34 бабы); - жұмысшыны ұйымның ішкі тәртібімен, жұмыс берушінің бұйрықтарымен және қаулыларымен және басқа да ұйымның ішкі нормативтік-құқықтық актілерімен таныстыру (ҚР еңбек кодексінің 64 бабы); - жұмысқа тұратын жұмысшының тиісті құжаттарын тапсыру, еңбек кодексінің бабында көрсетілген құжаттарды (ҚР еңбек кодексінің 32 бабы); - жұмысшының түсініктемелер беруі не басқа да ақпараттар беруі. Қазақстанда кадрлық құжаттарды жүргізу жазбаша нысанда жүргізілетіндіктен қашықтықтан жұмыс істеушілер құжаттардың үлгілерін қағаз жүзінде беруге міндетті[15]. Қашықтықтан жұмыс жасау туралы еңбек шартын электрондық құжаттармен алмасу арқылы жасалған кезде жұмыс беруші еңбек шарты жасасқан күннен бастап 3 күнтізбелік күннен кешіктірмей жұмысшыға еңбек шартының қағаз түріндегі үлгісін жіберу керек. Жұмысшы жұмыс берушіге электрондық нұсқада құжаттарды береді және жұмыс берушінің талабы бойынша қағаз жүзінде аталған құжаттардың үлгілерінің нотариалды куаландырылған көшірмелерін беруге міндетті. Қашықтықтан жұмыс істеу жұмысшы мен жұмыс берушінің электрондық

(Интернет жүйесі арқылы) қарым-қатынасы болғандықтан олардың электрондық құжаттарына арнайы талап қойылады – олар күшейтілген электрондық қолтаңба арқылы рәсімделуі тиіс. Электрондық құжат және электрондық цифрлық қолтаңба туралы 2003 жылғы 7 қаңтардағы Қазақстан Республикасының заңы бойынша электрондық цифрлық қолтаңба – электрондық цифрлық қолтаңба құралдарымен жасалған және электрондық құжаттың анықтығын, оның тиесілілігін және мазмұнының өзгермейтіндігін растайтын электрондық цифрлық нышандар жиынтығы. Электрондық қолтаңба электрондық құжатқа қол қойған тұлғаны анықтау мақсатында қолданылады және заңда көрсетілген жағдайларда жеке қойылған қолтаңбасының баламасы болып табылады [16]. Электрондық құжат айналымының тағы бір талабы – жұмысшы мен жұмыс беруші (қашықтықтан жұмыс істеуге орналасушы тұлға) тараптан электрондық құжатты алғандығын растау керек. Бұл міндетті электрондық жолмен электрондық хабарламаны алғандығын еңбек шартында көрсетілген мерзім ішінде растайтын құжат жіберу арқылы жүзеге асыруға болады. Қашықтықтан жұмыс істеудің ерекшелігі мемлекеттік зейнетақыны сақтандырудың сақтандыру куәлігі мен қашықтықтан жұмыс істеу туралы еңбек кітапшасын рәсімдеу жолын да анықтайды. Егер қашықтықтан жұмыс істеу туралы еңбек шарты алғаш рет еңбек шартын жасап тұрған тұлғамен электрондық құжат алмасу арқылы жасалса, бұл тұлға мемлекеттік зейнетақыны сақтандыру туралы сақтандыру куәлігін өзі жасайды. Ол үшін жұмысшы тұрғылықты жері бойынша ҚР Бірыңғай жинақтаушы зейнетақы қорының аумақтық органдарына жүгініп «ҚР зейнетақымен қамсыздандыру туралы» 2013 жылғы 21 маусымдағы заңына сәйкес міндетті зейнетақыны сақтандыру туралы сақтандыру куәлігін беру туралы өтініш беруі керек [17]. Қашықтықтан жұмыс жасаушының еңбек кітапшасына қатысты қашықтықтан жұмыс жасау туралы еңбек шартының келісімі бойынша оның еңбек кітапшасына енгізілмеуі де мүмкін, ал еңбек шартын алғаш жасаған болса, еңбек кітапшасы ашылмауы да мүмкін (мұндай жағдайда еңбек өтілі еңбек шартының көшірмесімен расталады. ҚР еңбек кодексі қашықтықтан жұмыс істеу туралы нормасының маңызды ерекшеліктерінің бірі дәстүрлі еңбек шартына қарағанда оның талаптарын анықтауға байланысты тараптарға көбірек мүмкіндіктер береді. Атап айтсақ, қашықтықтан жұмыс істеу туралы еңбек шартында анықталады: 1. Қашықтықтан жұмыс жасаушыны қажетті құрал-жабықтармен, бағдарламалық-техникалық құралдармен, ақпаратты қорғау құралдарымен және т.б. қамтамасыз ету тәртібі мен мерзімдері. 2. Қашықтықтан жұмыс істеушінің атқарған жұмысының есептерін беру тәртібі мен мерзімдері 3. Қашықтықтан жұмыс істеушінің өзіне тиесілі не жалға алынған құрал-жабықтары, бағдарламалық-техникалық құралдары, ақпаратты қорғау құралдары және т.б. қолданғаны үшін өтемақы төлеу мөлшері, тәртібі мен мерзімдері (ҚР еңбек кодексінің 138 бабының 2, 3 бөлімдері). 4. ҚР еңбек кодексінде көзделген қашықтықтан жұмыс жасау туралы еңбек шартының өзге де жағдайлары [18]. Заңда қашықтықтан жұмыс жасау туралы еңбек шартын белгілі бір мерзімге жасауға қатысты қандай да бір ережелер бекітілмеген. Қашықтықтан жұмыс жасаушы жұмыс берушінің тікелей бақылауында болмайтындықтан жұмыс режимін өзі анықтайды. Бұл ереже диспозитивті болып табылады.

Дегенмен, жұмыс уақытының режимі туралы шарт ережелерінде еңбек заңында не басқа да нормативтік-құқықтық актілерде бекітілген нормалардан өзгеше қашықтықтан жұмыс жасаушының кепілдіктерінің деңгейін шектеп, не азайтуға бағытталған нормалар қолданылмауы тиіс және ұжымдық шартқа, еңбек келісімі не шартына енгізілсе қолданыла алмайды. Атап айтсақ, қашықтықтан жұмыс жасау туралы еңбек шартында нормаланбаған жұмыс күні режимі қарастырылған болса, ол қашықтықтан жұмыс жасаушының жүйелі түрде еңбек заңында бекітілген жұмыс күнінің ұзақтығынан артық жұмыс істеу міндеттілігін білдірмейді. (ҚР еңбек кодексінің 68 бабына сәйкес жұмысшылардың басым көпшілігі үшін аптасына 40 сағаттан аспау керек). Қашықтықтан жұмыс жасаушыға берілетін жыл сайынғы ақылы демалыс беру тәртібі қашықтықтан жұмыс жасау туралы еңбек кодексіне немесе еңбек құқығының ішінара нормалары қарастырылған басқа да актілер негізінде анықталады. (ҚР еңбек кодексінің 22 бабының 1 бөліміне сәйкес). Жұмыс берушінің бастамасы негізінде

қашықтықтан жұмыс жасау туралы еңбек шартын бұзу еңбек шартында көзделген негіздер бойынша жүзеге асырылады. (ҚР еңбек кодексінің 54 бабына сәйкес). Бұл ережені кең мағынада түсіндіру керек: қашықтықтан жұмыс жасау туралы еңбек шартын жұмыс берушінің бастамасы бойынша бұзу еңбек кодексі мен еңбек шартында көзделген негіздер бойынша жүзеге асырылады. Сонымен бірге, шарттық негіздердің шектеу сипаты болмау керек. Еңбек кодексінің 3 бабына сәйкес жұмысшының іскерлік қабілетімен байланысты емес жағдайларға байланысты еңбек құқықтары мен бостандықтарын шектеуге жол берілмейді. Жұмыстың осы түріне тән талаптармен анықталатын шектеулер жұмысшылардың еңбек құқығын шектеу болып есептелмейді [19]. Қашықтықтан жұмыс жасаушыны еңбек қатынастарын тоқтату туралы жұмыс берушінің бұйрығымен (өкімімен) таныстыру электрондық құжат нысанында рәсімделсе жұмыс беруші еңбек шарты тоқтатылған күні еңбек кодексінің 157 бабына сәйкес қашықтықтан жұмыс берушіге тапсырыстық поштамен тиісті нысанда рәсімделген қағаз жүзіндегі бұйрықтың көшірмесін жіберуге міндетті. ҚР еңбек кодексіне қашықтықтан жұмыс жасаушылардың еңбегінің ерекшеліктері туралы баптың қосылуы қашықтықтан жұмыс жасау аясындағы қалыптасқан қатынастарды реттеуге бағытталған маңызды қадамдардың бірі. Сонымен бірге қолданыстағы еңбек заңының нормаларына сәйкес еңбек не қашықтықтан жұмыс жасау не стационарлық (жұмыс берушінің ғимаратында немесе үйде) түрде жүзеге асырылады. Яғни, жұмысшыларда жұмыстың осы екі түрін де үйлестірудің құқықтық негізде мүмкіндігі жоқ. ҚР еңбек заңын жетілдірудің келесі кезеңінің бірі бір еңбек шарты негізінде қашықтықтан да стационарлық да жұмыс жасай алу мүмкіндігін енгізу болмақ. Қашықтықтан жұмыс жасау туралы ережелерді енгізумен байланысты қашықтықтан жұмыс жасау туралы еңбек шартының азаматтық-құқықтық шартпен ара жігін ашу мәселесі қиындықтар туғызуда. Қашықтықтан жұмыс жасау туралы еңбек қатынасында классикалық еңбек шартының бір белгісі – жұмысшының жұмыс берушінің кәсіпорнында болу мәселесі қарастырылмаған. Сол себепті де, аутсорсинг бойынша жұмыс жасайтын азаматтардың азаматтық-құқықтық шарттары қашықтықтан жұмыс жасау туралы еңбек шартына өте ұқсас [20]. Осыған байланысты еңбек аясында қадағалауды жүзеге асыратын өкілетті органдар еңбек құқығының жаңа институтын жұмыс берушілерге аутсорсинг бойынша жұмыс жасайтын азаматтарды азаматтық-құқықтық шарт емес қашықтықтан жұмыс жасау туралы еңбек шарты жасауды талап ететін, қысым көрсету құралына айналуы мүмкін.

Қазақстандық еңбек нарығында қашықтықтан жұмыс жасау нарығы енді ғана жаңадан қалыптасып келе жатыр және біз әлемдік қауымдастық өткен төрт кезеңнің тек екінші даму кезеңіндеміз, сол себепті осы қызметтің түрінің даулы мәселелері мен артықшылықтары туралы толық әрі жүйелі түсінік қалыптастыру керек. Қашықтықтан жұмыс жасаудың құрамының негіздеріне жасалған талдау жұмысшылар үшін де, жұмыс берушілер үшін де көптеген артықшылықтары бар екендігі көрсетті. Мысалы, қашықтықтан жұмыс жасау нысаны жұмысшыларды келесі белгілерімен қызықтыруы мүмкін: Интернет желісін қолдану арқылы жұмыс іздеу мүмкіндігінің көптігі; қашықтықтан жұмыс жасау мүмкіндігі; жұмыс уақытын өзі жоспарлауы жұмыс жұмсаған уақытына емес соңғы нәтижесі бойынша бағаланған кезде өте пайдалы; шығармашылық мүмкіндігі; жұмыста желі арқылы клиенттермен жиі хабарласып олардың қалауын жедел білу мүмкіндігі; еңбек ақысының жеке идеялар мен жұмыстың нәтижелеріне айқын тәуелділігі және т.б. Қашықтықтан жұмыс жасаудың тиімсіз жақтарына Интернет желісіне қосылу және сонымен байланысты қосымша жаңа шығындардың пайда болуы; «желідегі проблемаларға» байланысты кәсіби тәуекел; ұжымдағы жеткіліксіз қарым-қатынас әсіресе жаңадан жұмысқа кіргендер үшін тәжірибе жинақтауға кері әсер етеді; сондай-ақ, әлеуметтік-еңбекке бейімделу мүмкіндіктерінің, коммуникация, қарым-қатынас жасау қабілетінің тез азаюы және т.б.

Пайдаланылған әдебиеттер

1. Кострюкова Н.Н. Перспективы развития нетипичных видов занятости в научной сфере [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Науковедение». – 2011. – № 1 (6). – Электр.дан. – Заглавие с экрана. URL: <http://naukovedenie.ru/sbornik6/8.pdf> (дата обращения 28.11.2016).
2. Кветной Л.М. Развитие дистанционных форм занятости в современной мировой экономике : автореф. дис. ... канд. экон. нук. – М., 2011. – С. 17 – 19.
3. Қазақстан Республикасының 2015 жылғы 23 қарашадағы № 414-V ҚРЗ қабылданған еңбек кодексі, adilet.zan.kz.
4. Электрондық құжат және электрондық цифрлық қолтаңба туралы 2003 жылғы 7 қаңтардағы Қазақстан Республикасының заңы, adilet.zan.kz.
5. Қазақстан Республикасының зейнетақымен қамсыздандыру туралы ҚР 2013 жылғы 21 маусымдағы № 105-V Заңы, adilet.zan.kz.
6. Невская М.А. Трудовое право: учебное пособие. – М.: Омега-Л, 2014. – С.137.18
7. Тихомирова Л.В. Споры при увольнении с работы: судебная практика и образцы документов. – М.: Изд. Тихомирова М.Ю., 2014. – С.53.
8. Радько Т.Н. Основы трудового права: учебное пособие. – М.: Проспект, 2014. – С. 14.

ЖҰМЫСҚЕРЛЕРДІҢ ЕҢБЕК ЖАҒДАЙЫН АНЫҚТАУДА, РЕТТЕУДЕ ӨКІЛДІ ОРГАНДАРДЫҢ АЛАТЫН ОРНЫ, ҚҰҚЫҚТЫҚ СҰРАҚТАРЫ

***Түйін.** Мақала мазмұнында, әлеуметтік-экономикалық, еңбек қатынастарын реттеуде жұмысқерлердің өкілді органдарының еңбек қатынастарын реттеуге, жұмыс берушінің актілерін дайындау үдерісіне қатысулары, сонымен қатар, жекелеген еңбек дауларын шешуге қатысулары барысында туындайтын кейбір теориялық және тәжірибелік сұрақтары зерттеуге алынды.*

***Резюме.** В содержании статьи были исследованы некоторые теоретические и практические вопросы, возникающие в ходе участия представительных органов работников в регулировании социально-экономических, трудовых отношений, в процессе подготовки актов работодателя, а также, в решении отдельных индивидуальных трудовых споров.*

***Resume.** In the content of the article, some theoretical and practical issues arising during the participation of representative bodies of employees in the regulation of socio-economic, labor relations, in the process of preparing acts of the employer, as well as in the resolution of individual labor disputes were investigated.*

***Түйінді сөздер:** өкіл, өкілдік институты, еңбек қатынастары, еңбек жағдайлары, әлеуметтік әріптестік, өкілді орган, кәсіподақ.*

Тәжірибеде, өндірістік ортада, ұйымдастырушылық, әлеуметтік-экономикалық, еңбек қатынастарын реттеуде, еңбек жағдайларын анықтауда жұмысқерлердің қатысуымен құрылатын қоғамдық бірлестіктің – кәсіподақтың маңызын, орнын анықтау жөніндегі мәселелер аса маңызды болып саналады.

Құқықтық аспектіде осы мәселе арнайы зерттеуді қажет етеді. ҚР ЕК-нің 3-бабының 1-тармағына сәйкес, еңбек заңнамасының мақсаты – еңбек қатынастары субъектілерінің құқықтары мен мүдделерін қорғау, осы баптың 2-тармағына сәйкес еңбек заңнамасының міндеттері болып тараптардың мүдделерінің теңгерімін, экономикалық өсуге қол жеткізу, өндірістің тиімділігі мен адамдардың әл-ауқатын арттыруға бағытталған қажетті құқықтық жағдайлар жасау болып табылады [1]. Конституциясының 23-бабының 1-тармағына сәйкес әрбір жұмысқердің кәсіптік одақты құруына, оған мүше болуына, бірігуіне деген құқығы айқындалған. Осылай кәсіподаққа біріккен жұмысқерлердің құқықтық мәртебесі, Конституцияға сәйкес, салалық заңнамалық актілермен, ҚР Еңбек кодексі, ҚР Азаматтық кодексі (бұдан әрі – ҚР АҚ), 2014 жылғы 27 маусымдағы №211-V ҚРЗ «Кәсіптік одақтар туралы» Заңымен және басқа да қоғамдық, коммерциялық емес заңнамалық актілермен реттеледі [2].

ҚР ЕК-нің 1-бабы 1-тармағының 44) тармақшасына сәйкес жұмысқерлердің құқықтарын, заңды мүдделерін білдіруде, сол жұмысқерлер атынан өкілдік қызметін жүзеге асыратын қоғамдық бірлестік болып кәсіподақтар танылады. Тәжірибеде жиі туындайтын құқықтық сұрақтардың бірі – кәсіподақтың құрылуы, оның құрамына мүшелердің қосылуы (қабылданулары) жөніндегі қағидаттардың белгіленуі, яғни осы сұрақтардың шешімін анықтауда қай сала бойынша және қандай рәсімнің қолданылатындығы түрлі пікірлердің берілулеріне негіз болуда.

Қазақстан Республикасы Президентінің «Сындарлы қоғамдық диалог-Қазақстанның тұрақтылығы мен өркендеуінің негізі» атты 2019 жылғы Жолдауында (екінші тармағында) азаматтардың құқықтары мен қауіпсіздігін қамтамасыз ету мәселесіне ерекше көңіл бөлінді.

Кәсіподақтардың қызметіне қатысты Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2022 жылғы 8 ақпандағы кеңейтілген отырысында Қазақстан Республикасының Президенті Қасым-Жомарт Тоқаев келесідей мәлімдеме жасады:

«Кәсіподақтар – қызметкерлердің құқықтарын қорғау, олардың лайықты тұрмыс сапасы мен еңбек жағдайын қамтамасыз ету, реттеуге қатысу жолында мәртебелі миссия атқаратын аса маңызды заманауи қоғамдық институттың бірі. Түрлі кәсіппен айналысатын еңбек адамдары – ұлт игілігінің қайнар көзі. Біз еңбекті қоғамының негізгі құндылығы ретінде дәріптеуіміз керек. Осыған байланысты кәсіподақтарға ерекше міндет жүктеледі. Сіздер еңбек нарығын қарқынды дамыту, ел азаматтарының әлеуетін арттыру тұрғысынан мемлекетке зор қолдау көрсетіп келесіздер. Сонымен қатар, әділетті әлеуметтік мемлекет құру үшін кәсіподақ қызметінің әдістерін үнемі жетілдіріп, тиімді іс-қимыл стратегияларын әзірлеу қажет. Кәсіподақтар федерациясы әлеуметтік әріптестермен бірге еңбек қайшылықтарын реттеудің, қызметкерлердің заңды мүддесін қорғаудың өркениетті тәсілдерін белсенді пайдалануы керек. Бұл кәсіподақ ұйымдарының мүмкіндіктерін кеңейтіп, олардың әлеуметтік институттар жүйесіндегі рөлін нығайта түсті.

Бүгінгі кәсіподақ – Қазақстандағы азаматтық қоғамның басты институтының бірі. Сіздердің алдарыңызда көптеген міндеттер тұр. Соларды шешу үшін әрдайым бірлік, кәсіби шеберлік және өз ісіңе деген адалдық қажет».

ҚР ЕК-нің 4-бабының 9) тармақшасына сәйкес жұмыскерлер мен жұмыс берушілердің өз құқықтары мен мүдделерін қорғауы үшін бірлестіктерге бірігуге деген құқығы айқындалған. Сәйкесінше, ҚР АҚ-не сәйкес, заңды тұлғалар бірлестіктерге (ассоциацияларға), жеке тұлғалардың, жұмыскерлердің - қоғамдық бірлестіктерге бірігуіне мүмкіндіктері бар. Жұмыскерлердің қоғамдық бірлестікке бірігуге, өкілді органды сайлауға деген құқығын шектеуге жол берілмейді, ол жөніндегі жауапкершілік ҚР Қылмыстық кодексінің 154-бабымен айқындалған [3].

Өкілдік, түрлеі бағыттағы заңдар негізінде, мазмұнына, пәндік сипатына және осы өкілдік қызметін атқару шегінде туындайтын еңбек, әлеуметтік қатынастарының субъектілік құрамына байланысты, еңбек құқығы жүйесінде кешенді институт ретінде таныла бастады. Өкілдікке деген қажеттілік, бірінші кезекте, ҚР Еңбек кодексіне тікелей негізделген, сонымен қатар, қоғамдық өмірдің барлық бағыттарына, болмысына тән екендігі, қазіргі кезде, дау тудырмайды. Өкілдік институтының анықталуындағы мақсат – әлеуметтік, құқықтық маңызы бар кең көлемдегі әркімнің құқықтары мен бостанадықтарын қамтамасыз ету болып табылады. Салалық заңнамалық актілермен өкілдік қызметін реттеу, атқару мәселелері бойынша түрлі бағыттағы қатынастар айқындалған. Осылай өкілдік негізінде туындайтын қоғамдық қатынастар конституциялық, әкімшілік, азаматтық, еңбек, әлеуметтік қамсыздандыру және басқа да заңнамалық актілер негізінде реттеледі.

Еңбек құқығының субъектілері бойынша, ҚР ЕК-нің 20-бабына сәйкес, басқа субъектілермен қатар, тараптардың өкілдері еңбек құқығының субъектілері болып табылады. Мәселен, азаматтық құқықтық аспектіде өкілдікті рәсімдеу нысанын, тәртібін айқындауда, ҚР АҚ-нің 1-бабының 3-тармағына сәйкес, еңбек қатынастарына осы Кодекстің ережелерінің қолданылатындығын ескереміз, яғни, еңбек қатынастарында, өкілдің мәртебесін анықтауда, жалпы азаматтық құқық ережелерімен белгіленген талаптар, ереже - қағидаттар қолданылады. Осылай «Өкіл», «өкілдік» ұғымдары ҚР ЕК-мен қатар, ҚР АҚ-не сәйкес айқындалады. ҚР АҚ-нің 163-бабының 1-тармағына сәйкес, өкілдің қызметі өкілге өкілдік беретін тұлғамен белгіленген тәртіпте рәсімделген сенім хаттың берілуі, заңдарға, сот шешіміне не әкімшілік құжатқа негізделеді.

Адамның және азаматтың әлеуметтік-экономикалық құқықтары мен бостандықтарын қамтамасыз етуде, негізгі құқықтық тәсіл ретінде, ҚР АҚ-не сәйкес, *тұлғаның құқығын тану, және өкілдердің қатысуымен, кәсіби тәжірибелік қорғану құқығымен иемдену болып табылады (ҚР АҚ-нің 9-бабы)*. Еңбек саласында жұмыскерлердің құқықтары мен бостандықтарын қорғау, қамтамасыз етуге бағытталған негізгі салалық қағидаттардың бірі

болып – жұмыскерлердің өкілді органдарының құқықтарын қамтамасыз ету және олардың теңдігіне кепілдік беру қағидаты танылады.

Жұмыс берушінің қызметіне қатысты, өндірістік, экономикалық, еңбек қатынастарын реттеуде, қабылданған шешімдердің дер кезінде іске асырылуын бақылауға, жұмыс берушімен қатар, жұмыскерлердің өкілдері алады. Осы аспектіде жұмыс берушінің өкілдері болып – құрылтай құжаттары және (немесе) сенімхат негізінде жұмыс берушінің, немесе жұмыс берушілер тобының мүдделерін білдіруге уәкілеттілігі бар жеке және (немесе) заңды тұлғалар танылады. Құрылтай құжаты не сенімхат негізінде өкілдікті жұмыс беруші атынан жүзеге асыратын тұлғалардың бірі болып заңды тұлғаның филиалының, не өкілдіктің басшыларын атауға болады. *Филиал директорының* лауазымдық міндеттері сол филиал туралы ережеге, еңбек шартына, оған берілген сенімхатқа сай тәжірибеде айқындалады. Құрылтай құжаттары болып ұйымның не жарғысы не ережесі танылады (ҚР АҚ-нің 41-бабы). Мысал ретінде, мемлекеттік органдар олар туралы заңнамалық актілерге, ҚР Үкіметінің қаулыларына тіркелген ережелер негізінде қызметін атқарады. Ал басқа заңды тұлғалар - жарғылары негізінде қызметін атқарады. ҚР Еңбек кодексі, 2020 жылдың 04 мамырында, 20-1 бабымен толықтырылып жұмыс берушілердің одақтарға, ассоциацияларға бірігу деген құқығы анықталды, осылай осы Кодекстің кейбір ережелері ҚР АҚ-нің 110-бабына сәйкестікке келтірілді.

Жұмыскерлердің өкілді органдарының құрылу тәртібі, құқықтары мен міндеттері, заңнамалық актілерден бөлек, ұйым деңгейінде ұжымдық шарттармен, басқа да ішкі нормативтік құжаттармен айқындалады.

Кәсіптік одақтардың ұйымдастырушылық құқықтық нысаны коммерциялық емес заңды тұлғалар - қоғамдық бірлестік нысанында айқындалған, құрылу жөніндегі талаптар келесі заңнамалық актілермен реттеледі: 1) ҚР Азаматтық кодексі; 2) Қазақстан Республикасының 2001 жылғы 16 қаңтардағы № 142-ІІ «Коммерциялық емес ұйымдар туралы» Заңы [4]; 3) ҚР 1996 жылғы 31 мамырдағы № 3-І «Қоғамдық бірлестіктер туралы» Заңы [5]; 4) ҚР 2014 жылғы 27 маусымдағы №211-V «Кәсіптік одақтар туралы» Заңы; 5) ҚР 1995 жылғы 17 сәуірдегі № 2198 «Заңды тұлғаларды мемлекеттік тіркеу және филиалдар мен өкілдіктерді есептік тіркеу туралы» Заңы [6].

Жұмыскерлердің өкілді органына келесідей уәкілеттіліктер берілген: 1) жұмыскерлердің еңбек құқықтары мен мүдделерін білдіру және қорғау мақсатында келіссөдер жүргізу; 2) жұмыс берушімен ұжымдық шарттың жобасын әзірлеу бойынша құрылатын бірлескен комиссияның құрамында болуы, ұсыныстар дайындау; 3) ұжымдық шарттарға, басқа да ережелерге, актілерге сәйкес қызмет түрлерін ескеріп еңбек жағдайларын зерделеу және қамтамасыз ету жөнінде шаралар қолдану, шешім қабылдау үшін жұмыс орындарына бару; 4) еңбек дауларын белгіленген тәртіппен реттеуге қатысу және басқа да өндірістік мәселелерді реттеуге құқылы.

Өкілді органдардың құқықтары заңнамамен қатар ұжымдық шартта не басқа келісім шартта (меморандумда) айқындалуы мүмкін.

Д.Л. Байдельдинов: «медициналық құқықтық қатынастарға еңбек және азаматтық-құқықтық аспектіде, жеке құқық нормалары қолданылуға жатады, олар тек ұлттық нормалар ғана емес, сонымен қатар халықаралық актілер негізінде азаматтардың денсаулығын қорғауға деген құқықтарын жүзеге асырудың белгілі бір механизмін білдіреді» [7:23]. З. Кенжалиев: «адам денсаулығының құқықтың негізі, қайнар көзі екендігін анықтай отырып, Конституцияда әркімнің денсаулығының қорғалуына кепілдік берілетіні айқындалған, бұл, өз кезегінде, денсаулық сақтау туралы заңнаманың ерекше маңыздылығын көрсетеді [8:12]. Осы ғалымдардың пікірлері тікелей жұмыскерлердің өмірін, денсаулығын, еңбек ету қабілеттілігін сақтау, соған сәйкес, еңбек жағдайларын реттеумен тікелей байланысты.

Кәсіподақтардың және басқа да өкілді органдардың құқықтары мен уәкілеттіліктері ҚР «Кәсіптік одақтар туралы» Заңының 16-бабымен, ҚР ЕК-нің 20-бабының 3-тармағымен айқындалған. Жоғарыда көзделген заңнамалық актілерге сәйкес жұмыскер мен жұмыс

берушінің арасында туындайтын еңбек даулары өз ара келісімге келу арқылы, сонымен қатар, Азаматтық процесілік кодекспен белгіленген тәртіппен шешіледі.

Құқықтық қағидаттардың негізгілерінің бірі болып – егер заңмен қандайда бір шешімнің қабылдануына, әрекеттің жасалуына шектеу талаптары қойылмаса, ондай жағдайда, сәйкес шешімінің қабылдануы, не әрекеттің жүзеге асырылуы шартты түрде (нысанда), не, ең бастысы, басқа тұлғалардың құқықтарын шектемейтін, оларға зиян келтірмейтін жағдайлар ескеріліп реттеледі. Еңбек жағдайларымен алдын-ала танысуы үшін оған қажетті талаптар, императивтік нормалар заңнамамен айқындалуға тиіс. Яғни ол жөніндегі норма-ереже барлық қатынастарға бірдей таралуға тиіс.

Қазіргі жағдайда ондай заңнамалық ереже тек қана еңбек қауіпсіздігін қамтамасыз ету мәселелеріне ғана қатысты айқындалған. ҚР ЕК-нің 182-бабы 2-тармағының 9) тармақшасына сәйкес жұмыс беруші еңбек жөніндегі уәкілетті мемлекеттік органға, еңбек инспекциясына (жергілікті органға), жұмыскерлердің өкілдеріне, олардың жазбаша сұрау салуы бойынша, еңбек жағдайларына, еңбек қауіпсіздігі жөніндегі жағдайларға мониторинг жүргізу үшін қажетті ақпаратты әрбір үш айда (тоқсанына бір рет) беріп отыруға міндетті.

Мұндай ереже алғаш рет ҚР ЕК-не 2020 жылы енгізілді. Ал негізінде универсалдық ереже, қағидат мәтінінде аталмыш ереже ҚР ЕК-нің бастапқы бөлігінде айқындалуға тиіс еді, оған себеп, еңбек жағдайлары тек қана еңбек қауіпсіздігін қамтамасыз етумен ғана байланысты емес, қандай мәселе болмасын барлық шешімдер, іс-әрекеттер еңбек қатынастарын реттеумен тікелей байланысты болады. ҚР ЕК-нің 16-баптың 4) тармақшасына, 17-баптың 11) және 13) тармақшасына, 22-баптың 4) тармақшасына, 23-баптың 7) тармақшасына, 154-баптың 7) тармағына, 179-баптың 10) тармақшасына сәйкес мемлекеттік саясаттың негізгі бағыты, еңбек қатынастарын реттеуде, біртұтас ақпараттық жүйенің қалыптасуын қамтамасыз ету болып танылады.

Жұмыскерлердің өкілді органдарының құқықтары мен мүдделерін, олардың өкілеттілігін айқындау жөніндегі ережелер Халықаралық Еңбек Ұйымының 1971 жылғы № 135 «Кәсіпорындарда еңбекшілердің өкілдерінің құқығын қорғау және оларға берілетін мүмкіндіктер туралы» Конвенциясымен айқындалған. Осы Конвенция Қазақстан Республикасымен 1999 жылдың 30 желтоқсанында бекітілді [9]. Жоғарыда аталған Конвенция негізінде қабылданған ХЕҰ-ның 1971 жылғы №143 «Еңбекшілер өкілдері туралы» Ұсынымына сәйкес өкілді органдарға тән құқықтардың көлемі, еңбек ұжымының құқығы айқындалған. Сонымен қатар, заңды тұлға нысанында, белгіленген тәртіпте құрылған өкілді органдардың, жұмыскерлермен тікелей сайланған өкілдердің құқықтары ХЕҰ-ның 1949 жылғы 1 шілдедегі № 98 «Ұжымдық келіссөздерді ұйымдастыру және жүргізу құқығы туралы» Конвенциясымен ұжымдық шартты жасау, жұмыскерлердің еңбек жағдайын анықтау жөніндегі ережелер айқындалған. Осы Конвенция Қазақстан Республикасымен 2000 жылдың 14 желтоқсанында бекітілді [10]. Осы бағыттағы қоғамдық қатынастар басқа да халықаралық құжаттарға сәйкес реттеледі, олар: ХЕҰ-ның 1981 жылғы 21 маусымдағы №154 «Ұжымдық келіссөздер туралы» Конвенциясы; 1976 жылғы 21 маусымдағы №144 «Үш жақты келіссөздер (халықаралық еңбек нормалары) туралы» Конвенциясы; 1951 жылғы 29 маусымдағы №91 «Ұжымдық шарттар туралы» Ұсынымы; 1951 жылғы 29 маусымдағы №92 «Ерікті бітімге келу және арбитраж туралы» Ұсынымы; 1952 жылғы 26 маусымдағы №94 «Кәсіпорындар деңгейінде ынтымақтастық туралы» Ұсынымы; 1960 жылғы 20 маусымдағы № 113 «Салалық және ұлттық деңгейде ынтымақтастық туралы» Ұсынымы; 1967 жылғы 29 маусымдағы № 130 «Шағымдарды қарау туралы» Ұсынымы; 1967 жылғы 28 маусымдағы № 129 «Кәсіпорындарда байланыстар туралы» Ұсынымы т.б. актілермен.

Еңбек заңнамасын жетілдіру, оның жаңа концепциясын анықтау мәселесіне қатысты белгілі ғалым Нұрғалиева Е.Н.: «әрбір мемлекеттің экномикалық жағдайының өзгеруіне байланысты, қоғамдық өмірдің болмысын ескере отырып, еңбекті қолдану саласындағы қоғамдық қатынастарды нәтижелі реттеуге бағытталған жаңа тәсілдердің енгізілуі әр кезеңге тән заңдық жағдаят» деп пікірін білдірген [11:7].

Осы аспектіде қызметкерлер атынан еңбек және еңбекпен тығыз байланысты қатынастарға түсетін, өкілдік қызметін түрлі деңгейде іске асыратын, сайланатын қызметкерлердің құрамын анықтаймыз.

ҚР ЕК-нің 20-бабына және басқа да баптарына сәйкес өзін-өзі басқаратын қоғамдық органдар еңбек құқығының субъектілері болып табылады. Оларға, кәсіподақ ұйымы, келісу комиссиясы, өндірістік кеңес, татуластыру комиссиясы, еңбек төрелігі (бұрын еңбек арбитражы деп аталған), мемлекеттік кәсіпорындарда және мемлекеттің қатысуымен құрылатын басқа да мемлекеттік ұйымдарда құрылатын ғылыми кеңестер мен қамқоршылар кеңестері, және басқа да алқалы, корпоративтік басқару органдары. Мәселен өндірістік кеңес – еңбек қауіпсіздігін қамтамасыз ету жөніндегі жұмыс берушінің және қызметкерлер өкілдерінің (кәсіптік одақтың) бастамасы бойынша құрылатын орган болып табылады. Оның құрамына ұйым деңгейінде сайланатын Техникалық инспектор, жұмыс берушінің өкілдері мен кәсіподақтың өкілдері тепе-теңдік негізде кіреді (ҚР ЕК-нің 203-бабы). Осы кеңестің құрамы жұмыс берушінің және кәсіптік одақтың бірлескен шешімімен бекітіледі. Өндірістік кеңесті екі жылда бір рет, мерзімділікпен, ротациялық негізде кеңес мүшелері сайлайтын төраға басқарады. Өндірістік кеңестің шешімдері тараптар үшін міндетті болып табылады, тараптарға қатысты, еңбекті қорғау талаптарын қамтамасыз ету, өндірістік жарақаттану мен кәсіптік аурулардың алдын алу жөніндегі бірлескен іс-қимылдарын үйлестіреді, қоғамдық техникалық инспекторлар жұмыс орындарындағы еңбек жағдайлары мен еңбектің қорғалуына тексеру жұмыстарын жүргізуді ұйымдастырады.

Еңбек қауіпсіздігін қамтамасыз ету саласында, ҚР ЕК-нің 181-бабының 1-тармағында жұмыскердің, олардың өкілдерінің қауіпсіздік талаптарына сай жабдықталған жұмыс орнына, санитарлық-тұрмыстық үй-жайлармен, жеке және ұжымдық қорғау құралдарымен, арнаулы киіммен қамтамасыз етілуге, еңбек міндеттерін қауіпсіз жағдайда атқаруы үшін қажетті білім алуға, зиянды, қауіпті өндірістік факторлар туралы, олардың әсерінен қорғану жөнінде дәйекті ақпарат алуға, жұмыс берушінің заңға қайшы әрекеттеріне шағымдануына деген құқықтары айқындалған.

Жұмыс берушілердің еңбек қауіпсіздігін қамтамасыз етумен байланысты міндеттемелерінің орындалуы өкілмен қоғамдық бақылауға алынатын іс-әрекеттер болып табылады. ҚР ЕК-нің 156-бабына сәйкес, еңбек қатынастарының реттелуіне, сол қатынастарға қызметкерлердің тікелей қатысуларын қамтамасыз етуге, ұйым деңгейінде ол жөнінде келісімдердің, ұжымдық шарттардың жобаларын әзірлеу, бекіту жөнінде келіссөздер жүргізу мәселелері айқындалған. Осы Кодекстің 187-бабына сәйкес жұмыс беруші еңбек жөніндегі уәкілетті мемлекеттік органға, оның аумақтық бөлімшелеріне, санитарлық-эпидемиологиялық қызмет органдарының лауазымды адамдарына, жұмыскерлердің өкілдеріне, олардың жазбаша түрдегі сауалы бойынша еңбек қауіпсіздігі, еңбек жағдайлары туралы қажетті ақпаратты беруге міндетті.

ҚР ЕК-не соңғы үш жылда енгізілген өзгерістер және толықтырулармен шартты, келісімді, әлеуметтік әріптестік негізінде туындайтын қатынастардың көлемі қосымша айқындалды, қоғамдық бақылауда өндірістік үдерістің болуы ерекше назарға алынуда.

ҚР 2001 жылғы 16 қаңтардағы №142-ІІ «Коммерциялық емес ұйымдар туралы» Заңының 7-бабының 1-тармағына сәйкес, жарғыда коммерциялық емес ұйымның атауы, ұйымдық-құқықтық нысаны, азаматтардың сол ұйымдарға мүшелікке қабылдану мәселелері көрсетілуге тиіс. Осы Заңның 6-бабына сәйкес коммерциялық емес ұйым мекеме, қоғамдық бірлестік, акционерлік қоғам нысанында және заңнамалық актілерде көзделген өзге де нысандарда құрылуы мүмкін.

Мемлекет коммерциялық емес ұйымды қалыптастыруды және оның белсенді қызметін көтермелейді. Осы Заңның 11-бабында қоғамдық бірлестік ұғымы және оның сапалық сипаттамалары берілген: 1) бұл азаматтардың ерікті бірлестігі; 2) мүшелердің (қатысушылардың) өздері осы бірлестіктерге берген мүлікке, мүшелік жарналарға құқықтары жоқ; 3) мүшелері қоғамдық бірлестіктердің міндеттемелері бойынша жауап бермейді. Құқық қолдану тәжірибесінде жастардың кәсіподақ ұйымдарының құрамында бөлу мәселелері жиі

қозғалады, яғни заңдылығы. *Жастар заңнамамен тыйым салынбаған кез келген ұйымдық-құқықтық нысанда құрылатын қоғамдық бірлестіктерге бірігуге құқылы. Осы аспектіде еңбек қатынастарында кәсіптік одақтарға бірігуге жұмыскерлердің 14 (он төрт) жасан бастап құқылы екендіктерін бекіту мәселелері қазіргі кезде қаралуда.*

«Коммерциялық емес ұйымдар туралы» Заңның 41-бабының 5-тармағына сәйкес, жыл сайын 31 наурызға дейін, үкіметтік емес ұйымдар өзара іс-қимыл саласындағы уәкілетті органға өз қызметі жөніндегі ақпаратты, құрылтайшылары (қатысушылары), мүлік құрамы және басқа да мәліметтерді ұсынуға тиіс. Кәсіподақтарды басқаратын, қызметкерлермен сайланған тұлғаларды әлеуметтік қолдауда, №135 Конвенцияға сәйкес, ұйымдарда жұмыскерлердің өкілдерімен өз құқықтарын, уәкілеттігін жүзеге асыруда, жұмыс берушілер не басқа да органдар тарапынан қызметтік кудалауға, негізсіз жұмыстан босатылуға және басқа да құқықтарына кедергі келтіретін әрекеттерге жол берілмеуге тиіс. Осы Конвенциямен еңбек ұжымының шешімі негізінде сайланған өкілдің өкілеттілігі басқа өкілдің уәкілеттілігімен қабаттаспауы керек. ХЕҰ-ның 1971 жылғы №143 «Еңбекшілер өкілдері туралы» Ұсынымына сәйкес қоғамдық негізде, өкілеттілік қызметін атқарумен байланысты бастапқы қызметінен босатылған жұмыскерлердің қоғамдық жұмысты атқару өкілеттілігі аяқталғаннан кейін бастапқы қызметіне қайта оралуын қамтамасыз ету механизмдерінің ұлттық заңнамада белгілеуін көздейді. Ондай кепілдіктер, сәйкес ережелер ҚР «Кәсіптік одақ туралы» Заңына енгізілуге тиіс.

Кәсіподақтың құзіреті, еңбек дауларын, басқа да келіспеушіліктерді сотқа дейінгі сатыда шешудегі уәкілеттілігі сол кәсіподақтың жарғысында көзделуі мүмкін, осы мәселе ғылыми тұрғыда арнайы зерттеуді қажет етеді. Алғаш рет қолданыстағы ҚР ЕК-мен (20-бап) кәсіптік одақтың мүшелері болып табылмайтын жұмыскерлер, өздерінің мүдделерін білдіру үшін, кәсіптік одақ органына уәкілеттік беруге құқылы. Ұйымда жұмыскерлердің бірнеше өкілдері болған кезде олар ұжымдық шартты жасау жөніндегі комиссияның жұмысына қатысу, ұжымдық шартты талқылау және оған қол қою үшін бірыңғай, ортақ өкілді органды құруға міндетті.

Сотта іс қараудан бөлек, ҚР ЕК-нің 12-бабының 7-тармағына негіз, берілген өтініштер (шағымдар) бойынша жұмыс берушілердің актілерінің заңнамаға сәйкестігі Еңбек инспекцияларымен бақылауға алынады. Осы бағытта 2020 жылы Алматы қаласының Әлеуметтік әл-ауқат басқармасының мемлекеттік еңбек инспекторлары 1043 шағым және басқа да өтініштерді қараған. Еңбек қатынастары бойынша – 1004, олардың құрамында: еңбек қауіпсіздігі және еңбекті қорғау бойынша – 37, халықты жұмыспен қамту бойынша – 2. Кәсіпорындар мен ұйымдарда жоспардан тыс 63 тексеру жүргізілген, олар бойынша 67 заң бұзушылық жағдайлар, сәйкессіздіктер анықталып тексеру актілерінің негізінде жойылған.

Қауіпсіздік жағдайын, орындалатын жұмыстардың зияндылығын анықтау мақсатында жұмыс берушілер тарапынан 380 өндірістік объектілер аттестаттаудан өткізілген. Аттестаттау қорытындысы бойынша 1796 объектілерде зиянды еңбек жағдайларымен байланысы бар 56 жұмыс орындары анықталған [12].

ҚР Үкіметі тарапынан, кәсіптік одақтардың бірлестіктерінің бастамашылдығымен 2019-2023 жылдарға «Өндірістік жазатайым жағдайларды бір келкі есепке алу, оларға бақылау жүргізу жөніндегі біркелкі, қол жетімді ақпарат жүйесін қалыптастырудың Жол картасы» бекітілді. Ол жөнінде, кәсіподақ Федерациясымен біргелікті Форум өткізілді. Осы Форумда, республика бойынша, орын берген жазатайым жағдайлар жөніндегі көрсеткіштер талқыланды: салыстырмалы тұрғыда, 2018 жылмен салыстырғанда, 2019 жылы жазатайым жағдайлардың 8,3% - ға азайғандығы (701-ден 643-ке дейін төмендегені), өндірісте қайтыс болу жағдайларының 23,5% пайызға азайғандығы мәлімделді. 2018 жылы 191 кәсіпорында, Астана қаласында, 221 адамның қайтыс болғаны анықталды. Тексерумен анықталған 1,6 миллионға жуық жұмыскерлердің 373 мыңға жуығы зиянды және қауіпті жұмыстармен қамтылғандары айқындалған [13].

Еңбек қатынастарында өндірістік, ұйымдастырушылық, әлеуметтік – экономикалық, рәсімдік (процедуралық) іс-шараларды өз уақытылы шешу қажеттілігін ескеріп,

жұмыскерлердің өкілдеріне қатысты кешенді ұғымның айқындалуын Д.У. Рыскалиев келесідей мәтінде ұсынған: «өкілдер – кәсіптік одақтардың органдары, олардың бірлестіктері және жұмыскерлер тарапынан өкілеттік алған, Қазақстан Республикасының заңнамасына, көзделген ретте ұйымның Жарғысына, ұжымдық, не еңбек шартына және басқа да актілерге сәйкес өкілдік қызметін жүзеге асыруға құқылы жеке және (не) заңды тұлғалар» [14:57]. Яғни, осы ұғымның барлық белгілері осы мәтінде қамтылған. Өндіріс орындарында орын беретін тәуекелдер, техникалық регламенттер үнемі ескерілуге тиіс.

ҚР Еңбек кодексінің 23-бабының 19-тармағына сәйкес жұмыс берушінің: өндіріс орындарында, технологиялық үдерістерде оқшау орналасқан учаскілерде, өндірістік объектілерде орын беруі мүмкін тәуекелдерді бағалау міндеті айқындалған. Еңбек қатынастарын реттеуде, заңнамалық талаптарды сақтауда Қазақстан Республикасы Денсаулық сақтау және әлеуметтік даму министрінің 2015 жылғы 25 желтоқсандағы № 1022 және Қазақстан Республикасы Ұлттық экономика министрінің 2015 жылғы 28 желтоқсандағы № 801 бірлескен «Қазақстан Республикасы еңбек заңнамасының сақталуының тәуекел дәрежесін бағалау өлшемшарттары мен тексеру парақтарын бекіту туралы» бұйрығы негізге алынуға тиіс. Сонымен қатар, осы мәселе бойынша ұйымдардың өзіндік регламенттері болуға тиіс. Өндірістік объектілерге қойылатын талаптар, өрт, техникалық қауіпсіздігі, азаматтық қорғаныс жөніндегі талаптар 2015 жылы қабылданған Кәсіпкерлік кодекспен реттеледі.

Осы аспектілерде, осы мақалада зерттелген мәселелер бойынша келесідей қорытынды жасауға негіз бар. Кәсіподақтардың келесі қағидаттар негізінде құрылу талаптарын заңнамамен айқындалуға тиіс: 1) жұмыскерлердің өндірістік, кәсіптік мүдделері шеңберінде кәсіподаққа бірігуімен, өз құқықтары мен мүдделерін қорғау, сонымен қатар, жұмыс берушілердің актілерін дайындау үдерісіне қатысу, еңбек қатынастарын реттеу; 2) азаматтық қоғамның негізгі институттарының бірі ретінде жұмыскерлердің әлеуметтік – экономикалық, кәсіби құқықтары мен мүдделерін қорғау, әлеуметтік құндылықтардың сақталуын қамтамасыз ету; 3) азаматтардың кәсіптік мүдделерінің ортақтығы негізінде, сондай-ақ, өз мүшелерінің әлеуметтік-экономикалық құқықтары мен мүдделерін білдіру, оларды қорғау, жұмыскерлердің еңбек жағдайларын жақсарту үшін құрылатын дербес, тіркелген жекелік мүшелігі бар бірлестік қағидаттары бекітілуге тиіс.

2021 жылдың 01 шілдесінен бастап, өндіріс, өнеркәсіп салаларында жаңа Экологиялық кодекстің қабылдануына байланысты жұмыс үдерісі, еңбек құралдары тауарлар техникалық регламенттерге, стандарттарға сәйкес болуға тиіс, және басқа да құжаттарға сәйкес олардың сапалық белгісі болуға тиіс. Қазақстан Республикасының 2002 жылғы 3 сәуірдегі «Қауіпті өндірістік объектілерде өнеркәсіптік қауіпсіздік туралы» Заңында ерекше, көтеріңкі қауіпті еңбек жағдайында қызмет атқаратын жұмыскерлерге таралатын кепілдіктер бұрын, алғашында белгіленді. Аталмыш Заң 2014 жылдың 11 сәуірінде № 188-V «Азаматтық қорғау туралы» Заңының қабылдануына байланысты күшін жойды, осылай, бұрынғы талаптар осы Кодекспен реттеле бастады. Экологиялық кодексте адамның денсаулығы мен тектік қорына, қоршаған ортаға келтірілуі мүмкін зиянның алдын алу, жаңа техникаға, технологияға, материалдарға, заттарға және атмосфералық ауаға зиянды әсері бар факторларды анықтау, басқа да өнімге арналған стандарттар, талаптар белгіленген. Қазіргі кезде аталмыш объектілерге қатысты техникалық регламенттердің қабылдануы үнемі жүзеге асырылуда.

Пайдаланылған әдебиеттер

1. Қазақстан Республикасының 2015 жылғы 23 қарашадағы № 414-V Еңбек кодексі // Егемен Қазақстан. – 2015, 25 қараша. - № 226 (28704).
2. Қазақстан Республикасының 2014 жылғы 27 маусым дағы № 211-V «Кәсіптік одақтар туралы» Заңы // ҚР Парламентінің Жаршысы. – 2014. - № 11 (2660), 66 б.
3. Қазақстан Республикасының 2014 жылғы 3 шілдедегі № 226-V «Қылмыстық кодексі» // ҚР Парламентінің Жаршысы. – 2014. - № 13 (2662), 83 б.

4. Қазақстан Республикасының 2001 жылғы 16 қаңтардағы № 142-ІІ «Коммерциялық емес ұйымдар туралы» Заңы // Егемен Қазақстан, 26 қаңтар. – 2001. - № 16.
5. Қазақстан Республикасының 1996 жылғы 31 мамырдағы № 3-І «Қоғамдық бірлестіктер туралы» Заңы // ҚР Парламентінің Жаршысы. – 1996. - № 8-9.
6. ҚР 1995 жылғы 17 сәуірдегі № 2198 «Заңды тұлғаларды мемлекеттік тіркеу және филиалдар мен өкілдіктерді есептік тіркеу туралы» Заңы // ҚР Жоғарғы Кеңесінің Жаршысы. – 1995. - № 3-4.
7. Baideldinov D.L. The control system of protection of human rights within the UN: the scientific and legal analysis of the issue // The Bulletin of KazNU named after al-Farabi. The legal series. – 2014. - Vol 69, № 1. – P.294
8. Кенжалиев З. Основной закон – гарантия стабильности // Вестник КазНУ имени аль-Фараби. Серия юриспруденция. – 2011. - Vol 57, № 1. – с.5
9. Қазақстан Республикасының 1999 жылғы 30 желтоқсандағы № 13-ІІ «Қазақстан Республикасының еңбекшілер өкілдері туралы 1971 жылғы Конвенцияны ратификациялауы туралы» Заңы // Егемен Қазақстан. – 2000, 5 қаңтар. - №004.
10. Қазақстан Республикасының 2000 жылғы 14 желтоқсандағы № 118-ІІ «Ұжымдық келіссөздерді ұйымдастыру және жүргізу құқығы туралы Конвенцияны ратификациялауы туралы Заңы // ҚР Парламентінің Жаршысы. – 2000. - № 21, 390 б.
11. Нургалиева Е.Н., С.А. Бухарбаева Принципы трудового права. -Алматы, 2004. - 160 с.
12. Алматы қаласының мемлекеттік еңбек инспекциясы және көші-қон басқармасының Еңбек қауіпсіздігін бақылау бөлімімен 2020 жылғы жүргізген мемлекеттік бақылау жұмыстарының нәтижесі жөніндегі анықтамасы. - Алматы, 2021, 2 ақпан.
13. 2015 – 2020 жылдарғы 15-28 жас аралығындағы жастардың жұмыспен қамтылу статистикасы // <https://stat.gov.kz/ru>, 20.12.2020 ж.
14. Рыскалиев Д.У., Есламғалиев Ж.Р., Абай М. Кәсіптік одақтардың қызметі: заңнаманы қолданудың кейбір теориялық және тәжірибелік сұрақтары // Социально-экономические аспекты модернизации национальных правовых систем в свете международных норм и стандартов: прошлое, настоящее, будущее: матер. междуна. науч.-практ. конф. – Алматы: «Қазақ университеті», 2019. – 237 б.

АЗАМАТТЫҚ ПРОЦЕСТЕ ІТ СОТ КӨМЕКШІСІН ЕНГІЗУДІҢ РӨЛІ

Бүгінгі таңда біздің елімізде азаматтық іс жүргізуде электронды сот төрелігі қолданылуда. Бұл заңнамадағы бірқатар өзгерістердің орын алуына алып келді.

Электронды сот төрелігі – бұл соттардың, жеке және заңды тұлғалардың электронды (сандық) түрдегі өзара іс-қимылын қоса алғандағы сот қызметіндегі ақпараттық технологияларды қолдануға негізделген, іс жүргізушілік әрекеттерді жүзеге асырудың заңнамада көзделген әдістері мен нысандары.

Қазақстан Республикасындағы электронды сот төрелігінің бірқатар құрамдас құраушылары бар. Бұл халыққа танымал болған «Сот кабинеті», бұл істер мен материалдар санаттарының Бірыңғай жіктеуші негізінде қалыптастырылатын «Талдау» форумы, бұл Қазақстан Республикасы соттарының «Төрелік» жаңа автоматтандырылған ақпараттық-сараптамалық бірыңғай жүйесі, бұл республика соттары арасындағы бейнеконференцбайланыс жүйесі.

Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотымен ресми интернет-ресурста іске қосылған электронды сот төрелігі, «Талдау» сараптамалық ақпараттық Форумна:

- Сот тәжірибесін жинақтау, ол болмаған жағдайда – сәйкес құқықтық қатынастарды реттейтін заңнамалар туралы анықтамалық ақпарат беру;
- Істер санаттарының бірыңғай жіктеуші (ІСБЖ);
- Сот актілерінің банкі;
- Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының Нормативтік қаулылары.

Бұл сервис пайдаланушылардың кең ауқымына істердің барлық санаттары бойынша сот тәжірибесіне жедел қол жетімділікті қамтамасыз етуге мүмкіндік береді. Сервистің жалғыз шарты – «Сот кабинеті» сервисінде тіркелу болып табылады, яғни кез-келген адам өз үйіндегі компьютерінде отырып, өз даулы мәселесі бойынша адвокатқа жүгінбей-ақ, қызықтыратын іс санаттары бойынша шешімдерді, жинақтауларды еркін оқи алады.

«Сот кабинеті» 2014 жылы іске қосылған болатын. Осы уақыттан бері аталмыш сервистің жанкүйерлерінің саны артуда, ал оның ұсынатын қызметтері үнемі толықтырылуда. Бүгінгі күні осы сервис арқылы азаматтық және қылмыстық істер бойынша сот органдарына әртүрлі электронды арыздар, шағымдар, әртүрлі өтінішхаттар жолдауға болады, яғни талап арыз беру үшін міндетті түрде сотқа барудың еш қажеттілігі жоқ, себебі ол үшін «Сот кабинеті» жұмыс жасайды. «Сот кабинеті» арқылы еліміздің кез-келген сотына электронды нұсқадағы талап арызды жолдап, осы жерде бұл жөнінде растау алуға болады.

Республика соттарының көпшілігінде сот процестерінде екі немесе одан да көп қашықта орналасқан абоненттерге нақты уақыт режимінде ақпарат алмасу және өңдеу үшін өзара әрекеттесуге мүмкіндік беретін бейнеконференцбайланыс қолданылады.

Мұндай технология сот істерін қарау мерзімін, процеске қатысушылардың сотқа бару және кері қайтумен байланысты жұмсалған уақытын едәуір қысқартады, істі қарауға соттың орналасқан жерінен шалғайда тұратын немесе алыста жүрген, медициналық көрсеткіштері бойынша мүмкіндігі шектеулі, бас бостандығынан айыру орындарында немесе қамауда отырған тұлғалардың қатысу мәселелерін шешеді.

Сот органдарының «Төрелік» ақпараттық-сараптамалық жүйесі іс жүргізушілік мерзімдерді автоматтандырылған есепке алу мен оларға бақылау жүргізуге, статистикалық және сараптамалық есептіліктерді қалыптастыруға, құжат айналымы мен сот өндірісін оңтайландыруға бағытталған. Ол «Сот кабинеті» электронды сервисінен, аудио- және бейнебекітуден, кадр жүйесінен, сот құжаттарының электронды мұрғатынан, ішкі порталдын,

SMS-хабарламалар мен электронды поштамен жолдау арқылы сот процесінің қатысушыларын хабардар ету жүйесінен, сонымен қатар қажетті ақпараттық базалар – Құқықтық статистика және арнайы есептер Комитетінің базасы, мемлекеттік баж салығын төлеу базасы, сот актілерінің атқарылуы базасы және т.б. интеграциялану жүйесінен құралған.

Осылайша Қазақстандағы «электронды сот төрелігінің» дамуы – бұл болашақтан күту емес, қазіргі уақыт шынайылығы. Ол сот өндірісін оңтайландыруға, бюрократиялық кедергілерді жоюға, еліміздің бірқатар қарапайым азаматтарына сот жүйесінің ашықтығы мен қолжетімділігіне мүмкіндік береді.

Жалпы құзыреттегі соттардың жыл сайынғы жүктемесі тұрақты түрде артып келеді. Осылайша, соңғы бес жыл ішінде бірінші сатыдағы жалпы құзыреттегі соттарда қаралған азаматтық істердің саны бір жарым еседен астам артқан.

Осыған байланысты судьялардың жүктемесін азайту үшін сот жүйесіне судьяның смарт (ақылды) көмекшісін енгізу туралы жоба енгізілді. Енгізілген жобада – судьяның смарт көмекшісі қарастырылған.

Судьяның жұмысы үлкен жауапкершілікпен, физикалық және психологиялық жүктемемен байланысты. Қоғамның дамуымен және әлемдік қауымдастықтың жаһандануымен дауларды шешу және қылмыстық, әкімшілік істерді қарау ғылымның, экономиканың және құқықтың әртүрлі салаларында арнайы білімді қажет етеді, ал оларды зерттеуге уақыт қажет. Міне сондықтан, сотта жаңа фигура – сот көмекшісін ендіру қажеттілігі туындады.

Аталмыш сервис сот дауларының немен аяқталатынын болжауға мүмкіндік береді. Осылайша тараптар әрі қарай төрелік қажеттілігін саралай алады.

Сот жүйесінде робот бағдарламасын енгізу туралы шешім қабылданды. Ол үшін судьяның қорытындысын талап етпейтін істер іріктеп алынады. Мысалы, бұл толықтай автоматтандыруға болатын шартты түрде мерзімінен бұрын босату, санкциялар, шетелге шығу және т.б. Смарт көмекші шешімді дайындап қояды, судья оған тек қолтаңбасын қояды. Қандай да бір техникалық қателік туындаған жағдайда судья істі жаңадан қарауға құқығы бар.

Судьяның IT көмекшісі институты Қазақстан үшін салыстырмалы түрде жаңа санат болып табылады. Мұндай лауазымның пайда болуы сот реформасы нәтижесінде орын алған елеулі өзгерістерге байланысты. Штатқа «судья көмекшісі» бос жұмыс орнын енгізудегі мақсат әділет органдарының өзге қызметкерлерінің жұмыс уақытын босату болып табылады. Реформаның өзге де көздеген міндеттері болды. Мысалы, жоғарыда аталған лауазымға білікті кадрларды іріктеп алу үміткерлерді қатаң іріктеуге, сондай-ақ судьяларға қағазбастылықпен емес, өз жұмысымен тікелей айналысуға мүмкіндік береді.

Қазіргі уақытта судьяның көмекшісі - бұл оның оң қолы және және таптырмас қызметкер деп сеніммен айтуға болады. Ол әрдайым бюрократиялық құжаттардың ағымын жеңілдетуге және істерді рәсімдеуге көмектеседі. Соттардың шамадан тыс жүктемесі мәселесі бүкіл заңгерлер қауымдастығының назарында.

Зерттеудің мақсаты, біріншіден, Қазақстан республикасындағы судьяның IT көмекшісі мен соттың лауазымды тұлғаларының құқықтық мәртебесін жан-жақты зерттеуден, екіншіден, азаматтық сот ісін жүргізуде судьяның IT көмекшісіне неғұрлым кең ауқымды және дербес өкілеттіктер беру мүмкіндігін түсіндіретін теориялық-құқықтық көзқарастарды қалыптастырудан тұрады.

Бұл кезеңдегі судьялардың көмекшілері ролінде, көп жағдайда, заңгерлік білімінің болуы сияқты, «қызмет бабында сот жағынан өз білімдерін дәлелдеген» тұлғалар қатарынан іріктелген сот ведомстволары бойынша лауазымдарға үміткер ретінде тәжірибе жинақтағандар қатысатын.

Судьяның көмекшісі лауазымын енгізу жоғары жауапкершілікпен және үлкен жүктемесінің болуымен ерекшеленетін судья жұмысын біршама жеңілдетеді, сондай-ақ тікелей сот төрелігін жүзеге асыру барысындағы олардың ролін айқындау әдісімен судья кадрларын даярлау сапасын жақсартуға ықпал жасайды.

Негізгі мақсаты - судьяларды техникалық және әкімшілік жұмыстан босату, судьяның көмекшісі институтының артықшылықтары мен кемшіліктерін анықтау болып табылады.

Судья көмекшісінің көп функциялы міндеттеріне - қолданыстағы заңнаманы қолданудың даулы мәселелері бойынша қорытындылар дайындау, судьяға келіп түсетін азаматтар мен заңды тұлғалардың өтініштерін зерделеу, қажетті мәліметтерді жинау, сот отырысы хатшысының қызметін бақылауды жүзеге асыру, қолданыстағы заңнамаға мониторинг жүргізу, сот қызметінің талдамалық анықтамаларының жобаларын жасау кіреді.

Судья көмекшісінің қызметтік міндеттеріне қолданыстағы заңнаманы қолданудың даулы мәселелері бойынша қорытындылар дайындау, судьяға келіп түскен азаматтар мен заңды тұлғалардың өтініштерін зерделеу, қажетті мәліметтерді жинау, сот отырысы хатшысының қызметін бақылауды жүзеге асыру, қолданыстағы заңнамаға мониторинг жүргізу, сот қызметінің бағыттары бойынша талдамалық анықтамалардың жобаларын жасау және басқа да жұмыстар кіреді.

Барлық айтылғандар негізінде, бүгінгі күні біз баяу түрде англо-саксондық жүйеге көшіп жатқандықтан, азаматтық іс жүргізуде ІТ көмекшіні енгізу заңнама жүйесін әлдеқайда оңтайландырады және реттейді деген қорытынды жасай аламыз.

Список использованной литературы:

1. Пресс-служба Алматинского городского суда/ Судебный кабинет (sud.kz)
2. Штейнер А.И. Внедрение в хозяйственном судопроизводстве системы электронного правосудия как объективная необходимость / А.И. Штейнер // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2010.
3. Zakon.kz//Главный специалист-секретарь судебного заседания Специализированного межрайонного суда по уголовным делам Карагандинской области Усабаева Д.М.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СМАРТ-КОНТРАКТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В данной работе рассматривается правовая природа смарт-контракта на основе законодательства и анализа научных подходов.

Annotation. This paper examines the legal nature of a smart contract based on legislation and analysis of scientific approaches..

Ключевые слова: смарт-контракт, специальная договорная конструкция, способ обеспечения обязательства.

Key words: smart contract, special contractual structure, method of securing an obligation.

Стремительное развитие цифровых технологий затронуло все сферы жизнедеятельности человека. События последних лет Пандемия коронавирусного заболевания (COVID-19) оказала серьезное влияние на все сферы жизни и область ИТ не оказалась исключением. Пандемия и дистанционная работа практически по всему миру стали катализатором трансформационных процессов. И хотя цифровое пространство развивалось, Пандемия стала неким катализатором для более быстрого развития цифровизации. COVID-19 полностью изменил привычный мир - от повседневной жизни людей до бизнес среды, и заставил человечество искать прежний нормальный мир в виртуальной реальности.

Развитие цифрового пространства затронуло и договорную сферу отношений. Термин «смарт-контракт» нашел свое отражение во всем мире и не обошел и казахстанское законодательство. Ранее в законах не было аналога «умному договору», поэтому необходимость создания правовых мер, которые смогут обеспечивать его заключение и исполнение с учетом защиты интересов сторон, очевидна. Идея смарт-контракта (smart contract) была сформулирована и предложена в 1994 г. ученым в области информатики, криптографии и права Ником Сабо [1]. Заклучалась она в том, что описание всех условий «умного контракта» должно осуществляться с помощью математических инструментов и языков программирования. Основная идея смарт-контрактов заключается в том, что в них могут быть встроены многие виды договорных положений (таких как залоговое удержание, связывание, разграничение прав собственности и т. д.) [1].

Наибольшее распространение смарт-контракты получили в банковской и страховой сфере. Их использование возможно также в управлении цепочками поставок, в ритейле, медицине (фармакологии), автопроме и торговле недвижимостью. Высказано также мнение, что основной сферой применения «умных» контрактов могут быть преимущественно финансовые договоры (опционы, договоры в отношении деривативов и пр.) и договоры, связанные с депонированием каких-либо цифровых активов (эскроу).

Принцип действия смарт-контракта заключается в следующем: содержание договора записывается в виде кода в компьютерной программе, отслеживающей и обеспечивающей исполнение обязательств. Стороны сделки прописывают в таком контракте условия, а также санкции за их невыполнение [2].

Исследование понятия, правовой природы и сущности смарт-контрактов представляется актуальным, учитывая тенденции к их распространению в мировой экономике в совокупности с меняющимся отечественным законодательством, регулирующим соответствующую сферу. В связи с этим перед юридической наукой стоит важная задача в определении природы правовой природы смарт-контракта, что является фундаментом дальнейшего правового регулирования отношений, связанных с данной конструкцией.

Хотелось бы остановиться на основных научных подходах к определению природы смарт-контракта. Первый подход представляет смарт-контракт как вид договора.

Представителем данного подхода является Савельев А.И., он считает, что смарт договор заключается аналогично модели договора присоединения. Свое мнение ученый основывает на том, что сторона, составляющая программный код, фактически формирует условия соглашения, а другие участники соглашаются с этими условиями, тем самым становясь присоединившимися сторонами, принимая те условия, которые уже есть. Савельев А.И. предлагает следующее определение природы рассматриваемого явления: «Смарт-контракт это договор, существующий в форме программного кода, имплементированного на платформе blockchain, который обеспечивает автономность и самоисполнимость условий такого договора по наступлении заранее определенных в нем обстоятельств» [3, с. 32] .

Второй подход определяет смарт-контракт через самостоятельную специальную договорную конструкцию. Это предполагает существование неразрывно связанных с контрактом сделок любого вида, которые совершаются исключительно при помощи информационно коммуникационных технологий и исполнение обязательств по ним автоматизировано. Такого подхода придерживаются Гринь О.С., Гринь Е.С. и Соловьев А.В. в статье «Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения» [4, с.40] .

Согласно третьему подходу смарт-контракт относят к специфическому виду гарантии исполнения обязательства, что обуславливается автоматической работой программы смарт-контракта, не допускающей какие-либо изменения в работе уже запущенной программы. Это позволяет сторонам быть уверенным, что их договор исполнится именно тем способом, что был заложен в программный код смарт-контракта, не допуская каких-либо злоупотреблений. Сторонниками данного подхода являются Ефимова Л.Г. и Сизимова О.Б., которые в работе «Правовая природа смарт-контракта» приводят доводы в пользу данного подхода.

Четвертый подход определяет смарт-контракт как одно из возможных условий договора о его исполнении, а не в качестве самостоятельного договора [5,с. 30]. Следующим образом эта точка зрения сформулирована в работе Сафарли Н.Е. «Смарт-контракт: понятие, правовая природа, особенности заключения и исполнения» – «Договор смарт-контракт является алгоритмом, предназначенным для автоматизации процесса исполнения контрактов. Иначе его можно определить, как набор правил и последовательность действий для их исполнения. Эти правила изначально хранятся в качестве условий контракта, далее проводится их автоматическая проверка, а затем выполняются условия согласно цифровому протоколу»[6, с.33] .

Особо хотелось бы выделить мнение М.К. Сулейменова «С правовой точки зрения смарт-контракт может классифицироваться как письменная форма сделки, совершенная с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки» [7].

При этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю. Закон предусматривает, что иными правовыми актами и соглашением сторон может быть предусмотрен специальный способ достоверного определения лица, выразившего волю. В Законе РК от 7 января 2003 г. «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» проектом Закона о цифровых технологиях предлагалось включить ряд норм о смарт-контрактах. Из окончательного текста Закона эти нормы совершенно правильно были исключены.

Определения, предлагаемые в проекте, являлись чисто технологическими и не отражали юридическую сущность смарт-контракта. А эта юридическая сущность заключается в том, что исполнение здесь производится автоматически, без волеизъявления стороны договора, при наступлении определенного договором условия

Как видно из вышеприведенного, авторы высказывают самые разные мнения о смарт-контрактах, но правовая природа их так четко и не определена.

Смарт - контракт нельзя признать отдельным видом договора. Так, он не имеет строго определённого предмета регулирования, что является необходимым признаком договора для

его идентификации и он может быть применен к различным типам договоров. Ограничивать смарт-контракт, относя его только к способам обеспечения исполнения обязательств, или считая его условием об исполнении договора, нецелесообразно. Поскольку смарт-контракт может быть использован и как форма заключения соглашения, и как способ его исполнения, одновременно являясь гарантией исполнения обязательства, в силу неизменности программы смарт-контракта. В связи с вышеперечисленным, наиболее оптимальным подходом к рассмотрению природы смарт-контракта, является определение его как специальной договорной конструкции.

Исходя из выше изложенного, можно сделать вывод, что в науке и законодательстве отсутствует единый подход к определению природы смарт-контракта, что препятствует достаточному правовому регулированию данного явления. Кроме того, отсутствие правового регулирования изучаемого явления, негативным образом скажется на гражданском обороте, поскольку смарт-контракт не просто теоретическая конструкция, а вполне применяемый на практике алгоритм заключения договоров, например, смарт-контракт применяется при заключении договора каршеринга. И, в случае возникновения споров о нарушении договоров с использованием смарт-контрактов, разрешить их будет проблематично в виду отсутствия законодательного регулирования.

Таким образом в результате проведенного анализа напрашивается вывод, что законодателю следует сформулировать легальное определение смарт-контракта, определить правовой статус сторон смарт-контракта, порядок применения данной правовой конструкции, порядок правовой защиты каждой из сторон соглашения, стандарты и требования к созданию алгоритмов смарт-контракта, а также разработать единый подход к применению данных норм на практике.

Список использованной литературы:

1. Ник Сабо Умный контракт // "Компьютерра" №38 от 29 сентября 1998 года // <https://libre.life/7506/0929/1/ru>
2. Смарт-контракты и их роль в предотвращении договорных споров (А. Калдыбаев, Ч. Темиров) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32393058&pos=6;-106#pos=6;-106
3. Савельев, А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права / А.И. Савельев // Вестник гражданского права. 2016. №3. С. 32-60.
4. Гринь, О.С. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения / О.С. Гринь, Е.С. Гринь, А.В. Соловьев // Lex Russica. 2019. №8. С. 40-43.
5. Ефимова, Л.Г. Правовая природа смарт-контракта / Л.Г. Ефимова, О.Б. Сизимова // Банковское право. 2019. №1. С. 23-30.
6. Сафарли, Н.Э. Смарт-контракт: понятие, правовая природа, особенности заключения и исполнения / Н.Э. Сафарли // Правовая парадигма. 2019. №4 С. 33-37.
7. М.К. Сулейменов. Смарт-контракт как программный код и как гражданско-правовой договор // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=35913159&pos=62;-46#pos=62;-46

ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В НОТАРИАТЕ

Современное развитие человеческой цивилизации характеризуется очередным этапом научно-технической революции - внедрением во все сферы жизни информационно-коммуникационных технологий, которые меняют уклад жизни людей и составляют фундамент и материальную базу для перехода к информационному обществу, обществу с высоким социально-экономическим, политическим и культурным развитием [1].

Сегодня в век информатизации современную жизнь невозможно представить без информационных технологий. В результате стремительного развития информационной революции информация стала самым главным ресурсом государственного управления. Возник даже новый термин – информационное государство. Так, Указом Президента РК в 2013 году 8 января была утверждена Государственная программа «Информационный Казахстан – 2020» [1].

В информационном обществе главным ресурсом является информация, именно на основе владения информацией о самых различных процессах и явлениях можно эффективно и оптимально строить любую деятельность. Основными критериями развитости информационного общества является наличие компьютеров, уровень развития компьютерных сетей и количество населения, занятого в информационной сфере, а также использующего информационные и коммуникационные технологии в своей повседневной деятельности.

Информационное общество направлено на достижение высокого уровня благосостояния народа за счет развитой и доступной инновационной и инфраструктуры информационных технологий.

Казахстан в свою очередь объективно вовлечен в процесс становления глобального информационного общества. Поэтому, для создания всех необходимых условий, разработана Государственная программа «Информационный Казахстан – 2020», они позволят нашей стране осуществить полноценный переход к информационному обществу.

В рамках госпрограммы «Цифровой Казахстан» нотариальное сообщество страны принимает серьезные шаги в сторону цифровизации.

В нотариате курс на цифровизацию был запущен еще десять лет назад созданием Единой нотариальной информационной системы (далее-ЕНИС). ЕНИС — это программно-аппаратный комплекс, созданный для обеспечения эффективной работы нотариусов и их взаимодействие с республиканской и территориальными нотариальными палатами, с Министерством юстиции Республики Казахстан. ЕНИС функционирует на территории всей республики, что позволило обеспечить население качественными нотариальными услугами с одной стороны, с другой стороны снизить количество неправомерных нотариальных действий.

Информация, которая вводится в ЕНИС является закрытой и недоступна для других нотариусов и пользователей системы. При подписании нотариусом документа ЭЦП записи шифруются и попадают в «хранилище данных».

Защита от несанкционированного доступа обеспечивается за счет сертификатов Национального удостоверяющего центра, авторизация и доступ к данным системы осуществляется только по предоставлению ЭЦП пользователя и пароля.

На сегодняшний день система успешно функционирует и на данный момент состоит из электронного реестра нотариальных действий; реестра наследственных дел; реестра учета завещаний; нотариального электронного репозитория.

В соответствии с п. 2 ст. 4-3 Закона «О нотариате», сведения о совершении нотариальных действий вносятся нотариусом в электронный реестр нотариальных действий в ЕНИС незамедлительно [2].

1 июля 2021 года вступили в силу положения Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам нотариата» от 15 февраля 2021 года [3], направленные на оптимизацию нотариальной деятельности в условиях развития цифрового общества. В рамках реализации Закона от 15 февраля 2021 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам нотариата» создана централизованная электронная система репозитория и электронный архив нотариуса для хранения нотариально удостоверенных документов. Централизованный электронный репозиторий и электронный архив введены с января 2022 года.

В соответствии со п. 4 ст. 4 Закона Республики Казахстан «О нотариате», нотариальным электронным репозиторием является компонент единой нотариальной информационной системы, обеспечивающий временное хранение, учет и использование нотариальных документов в электронной форме. Нотариальным электронным архивом является централизованная информационная система, предназначенная для сбора, приобретения, комплектования, упорядочения, хранения, учета и использования нотариальных документов в электронной форме [2].

Новым законом предусмотрены требования к функционированию Единой нотариальной информационной системы, которые регламентируют более тщательные требования по представлению, содержанию, внесению сведений, а также ряд обязанностей нотариуса и лиц, осуществляющих сопровождение ЕНИС.

Законом предусмотрено требование к функционированию Единой нотариальной информационной системы, которые регламентируют более тщательные требования по представлению, содержанию, внесению сведений, а также ряд обязанностей нотариуса и лиц, осуществляющих сопровождение ЕНИС. Законом закреплено, что ЕНИС включает: электронный реестр нотариальных действий. С 1 июля нотариусы отказались от бумажных реестров и ведут исключительно электронный реестр; реестр наследственных дел. Когда граждане не могут найти, у кого из нотариусов открыто наследственное дело, в этом электронном реестре можно найти, у кого из нотариусов заведено наследственное дело; реестр учета завещаний; нотариальный репозиторий.

Нотариусы обязаны вносить в Единую нотариальную информационную систему сведения: о совершенных нотариальных действиях незамедлительно; об открытии наследства – не позднее следующего рабочего дня после поступления соответствующего заявления; об учете завещаний.

Кроме того, на интернет-ресурсе Республиканской нотариальной палаты (notariat.kz) и ЕНИС (enis.kz) в открытом доступе можно всегда осуществить проверку открытых наследственных дел, удостоверенных доверенностей, а также совершенных нотариусом исполнительных надписей. Закон закрепил право лиц получать в отношении себя такие сведения на безвозмездной основе.

Одной из новелл Закона также является принцип экстерриториальности, который экономит время и средства граждан, позволяя оформлять любое недвижимое имущество, находящееся в другом регионе республики, не покидая места своего проживания. Указанное стало особенно актуальным в условиях пандемии коронавируса COVID-19.

С 1 июля 2021 года нотариусы совершают нотариальные действия путем изготовления нотариального документа в электронной форме; граждане могут подписывать нотариальные сделки ЭЦП в присутствии нотариуса или подписать с помощью графического планшета для цифровой подписи; введены новые нотариальные действия; на нотариальных документах, изготовленных на бумажных носителях размещается уникальный номер (*QR-код*), с помощью которой можно осуществлять проверку информации о нотариальном документе.

Нотариальному документу будет присваиваться QR-код, который будет формироваться посредством электронного реестра, автоматически регистрирующийся в базе данных и который в последующем не может быть изменен. Это позволит защищать документы от фальсификации. Теперь все организации и банки при представлении гражданами каких-либо документов могут навести на QR-код и проверить достоверность данных нотариальных документов [4].

Новым нотариальным действием, которое начало действовать с 1 июля, является равнозначность электронного документа, изготовленного нотариусом, документу на бумажном носителе. И также наоборот. На практике это означает следующее - нотариус создает образ документа в электронном виде и удостоверяет его равнозначность, то есть подтверждает тождественность содержания двух этих документов. В результате устанавливается равная юридическая сила исходных и производных документов. Нотариус другого региона, получивший электронный документ, создает его образ на бумажном носителе и удостоверяет их равнозначность. При этом указывает о проверке и принадлежности подписи лицу, создавшему электронный документ. Преимущества от данного нотариального действия очевидны - это надежность, экономичность и быстрота [4].

Интеграция Единой нотариальной информационной системы с автоматизированной информационной системой органов исполнительного производства привела к переходу на электронное взаимодействие нотариусов и органов исполнительного производства, что позволило совершать исполнительные надписи в электронном формате. В связи с этим Законом была закреплена возможность совершения исполнительной надписи и передачи на ее исполнение в электронном виде. Так, в соответствии с пунктом 1 статьи 92 Закона РК «О нотариате», для взыскания денег или истребования иного движимого имущества от должника нотариус совершает исполнительную надпись в электронном виде посредством единой нотариальной информационной системы при предъявлении подлинного документа, устанавливающего задолженность, на котором делается соответствующая отметка [2].

В системе ЕНИС зарегистрированы 4 381 нотариусов, содержатся сведения более чем о 94 миллионах нотариальных действиях.

В среднем нотариусами ежегодно совершаются более 10 млн. нотариальных действий, из них более 1,5 млн совершаются с применением льготного нотариального тарифа (в соответствии с п.2 ст. 30-1 Закона РК «О нотариате» и со ст. 617 Кодекса Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (Налоговый кодекс).

Продолжает усиливаться роль нотариуса и в традиционной сфере его компетенции – обороте недвижимости. В 2021 году только с использованием единовременных пенсионных выплат (*ЕПВ*) совершено 248 202 сделок [5].

При этом растет число и популярность нотариальных услуг и сервисов, совершаемых с применением цифровых технологий.

Ежегодно увеличивается спрос на подачу документов в НАО «Правительство для граждан» через нотариуса в электронном виде. В 2021 году нотариусы направили на регистрацию прав на недвижимое имущество более 1 млн. заявлений. Ключевое отличие такого способа подачи документов, это оперативность и удобный формат «одного окна», когда нотариус сам собирает необходимый пакет гарантированно верно составленных документов и достоверных сведений, а в ЕНИС приходит уже готовый результат регистрации [5].

По инициативе «Правительства для граждан» министерство юстиции внесло изменения в правила по регистрации прав на недвижимое имущество. Теперь после сделки, произведенной у нотариуса по регистрации прав на недвижимость, клиент по желанию может за дополнительную сумму получить результат в ускоренном порядке в течение двух часов с момента оплаты.

Кроме того, «Правительство для граждан» совместно с компанией Kaspi реализовали возможность оплаты за услугу в приложении Kaspi.kz для клиентов, зарегистрировавших недвижимость у нотариусов.

На сегодняшний день крайне актуальны новые нотариальные действия по удостоверению равнозначности электронного документа, изготовленного нотариусом, документу на бумажном носителе и удостоверению равнозначности документа, изготовленного нотариусом на бумажном носителе, электронному документу. По подсчетам Республиканской нотариальной палаты, в 2021 году было совершено более 120 000 нотариальных действий такого характера.

Другая важная составляющая «электронного нотариата» – бесплатные публичные сервисы на портале ЕНИС. Только за 2021 год онлайн-проверкой нотариальным сервисом проверки доверенностей, исполнительных надписей, наследственных дел суммарно воспользовалось почти **700 000** человек [5].

Государственная программа «Цифровой Казахстан» – это важная комплексная программа, которая нацелена прежде всего на повышение уровня жизни каждого жителя страны за счет использования цифровых технологий.

В рамках госпрограммы «Цифровой Казахстан» нотариальное сообщество активно принимает серьезные шаги в сторону цифровизации. Нотариусы оформляют сделки в электронном формате, а документы можно хранить в электронном архиве. Оцифровка деятельности нотариусов позволяет гражданам получать услуги быстрее и комфортнее.

Как видим, 2021 год стал периодом внедрения целого ряда новшеств в Закон Республики Казахстан «О нотариате», которые коснулись цифровизации.

Список использованных источников:

1 Государственная программа "Информационный Казахстан - 2020" Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 8 января 2013 года № 464

2 Закон Республики Казахстан от 14 июля 1997 года № 155-І «О нотариате» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.01.2022 г.)// https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1008028#sub_id=0

3 Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам нотариата» от 15 февраля 2021 года // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2100000005>

4 Нотариальные сделки будут в электронном виде с июля 2021 года // <https://uchet.kz/news/notarialnye-sdelki-budut-v-elektronnom-vide-s-iyulya-2021-goda/>

5 См. www.notariat.kz/index.php/novosti/788-sostoyalas-vstrecha-s-predstaviteleyami-cmi

Алмагамбетова Гаухар Николаевна;
бакалавр, юрист по контрактам ТОО «MASTER SUPPORT»;
КазНУ им. аль-Фараби, Алматы
Казахстан e-mail: gauhar-55555@mail.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОНТРАКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ.

Невозможно решить проблему на том же уровне, на котором она возникла.
Нужно стать выше этой проблемы, поднявшись на следующий уровень.
А. Эйнштейн

Аннотация: Статья посвящена цифровизации общества Казахстана, а также ее влиянию на правовое регулирование контрактных и договорных отношений. Понятие «цифровизация» все сильнее и основательнее укрепляется в сознании наших граждан. Если раньше, для получения справки в Цоне приходилось выстаивать неделями в очередях, то теперь многие справки можно получить не выходя из дома в установленные сроки. При приеме на работу работодатель может проверить на месте все необходимые данные об интересующем сотруднике. При заключении контракта или договора компания может проверить на благонадежность своего потенциального партнера. Для участия в коммерческих конкурсах (тендерах) достаточно зарегистрироваться на специализированных площадках, а не опять же собирать справки и стоять в очередях. Для проезда на общественном транспорте, покупок в магазине, похода в кафе - достаточно иметь телефон, в котором можно проверить все свои расходы и доходы. В школах, для того, чтобы получать знания иногда достаточно только наличие компьютера. При подписании каких-либо важных документов не требуется нотариус – достаточно обладать ЭлектронноЦифровой Подписью, которая заверяет подлинность личности и намерений подписанта. У нас появились новые термины: «цифровая экономика», «электронное лицо», «электронное государство», «цифровое право». При этом все настоятельнее звучит необходимость адекватного и своевременного правового регулирования отношений в цифровом пространстве. Наше общество стремительно развивается в сторону цифровизации. Человек обладающий знаниями в области работы с программами стал цениться гораздо выше, чем зарабатывающий простым физическим трудом. То есть если ты хочешь больше зарабатывать, быть более ценным для общества – то существует простая аксиома – учеба и постоянное развитие.

Ключевые слова: Цифровизация, право, регулирование, общество, юридические лица, физические лица, Казахстан, общество.

Цифровизация в техническом смысле представляет собой перевод информации из аналоговой в цифровую форму на основе двоичного кода. Это не только позволяет резко увеличить объем и скорость передаваемой информации, но и обеспечивает возможность передачи и воспроизведения сигнала с абсолютной точностью, без искажения при переносе с одного носителя на другой. Цифровизация в наш период времени выступает мощной поддержкой в модернизации законодательства и областей права в совершенно новых для нас аспектах. Как то совершенно новые термины и нетипичные варианты работы: дистанционная работа, работа аутсорс, работа в облаке, работа фриланс, работа на специализированных интернет-платформах. Огромный бумажный документооборот занимающий гигантское количество человеко-часов постепенно трансформируется в электронный, занимающий на порядки меньше затрат. При подписании документов уже часто не требуется бумага и печать, достаточно быть обладателем электронноцифровой подписи. Которая является одновременно

подтверждающей личность и правомочность подписантов. В экономической сфере внедряются новые цифровые технологии, повышается уровень автоматизации производства, компьютерные программы забирают многие функции, выполнявшиеся ранее работниками, появляются вещи, способные взаимодействовать между собой без участия человека. В социальной сфере Цифровизация коснулась ЖКХ, здравоохранения, общественного транспорта и благоустройства. В культурной сфере дети и взрослые уже воспринимают виртуальных помощников как живых людей. В политической сфере коснулась процессов принятия решений, появилось «цифровое правительство» для оказания госуслуг онлайн-платформы, электронный документооборот вытесняет бумажный и т.д. Вышеперечисленное свидетельствует о серьезных изменениях, происходящих в современном обществе, изменениях, которые оказывают влияние на все общественные институты и отношения.

Рассмотрим типичный случай: Продавец продает услугу и выставляет акт выполненных работ на сайте «ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА ЭЛЕКТРОННЫХ СЧЕТОВ-ФАКТУР» (<https://esf.gov.kz>), Покупатель ставит свою электронно-цифровую подпись на документе и на этом сделка закрывается. Если возникают впоследствии какие-либо претензии со стороны Покупателя, у Продавца есть принятый и подписанный акт выполненных работ. А теперь представим, что у продавца таких покупателей сотня, и каждому необходимо отвезти документы, найти человека имеющего право подписи (которого обычно не бывает на месте, и он ничего не знает).. Процесс сдачи услуги может растянуться на месяцы. И не факт, что она будет вообще подписана, так как всегда присутствует человеческий фактор (не помню, не знаю, не было, и просто отговорки чтобы не платить вовремя, или не платить вообще). В случае же работы через сайт ЕСФ все моменты касающиеся «человеческого фактора» просто не работают, то есть Продавец защищен от недобросовестного Покупателя Государством которое развивает цифровизацию правовых отношений. Та же самая ситуация работает и в обратную сторону: то есть, получая услугу, которая не устроила Покупателя, он на том же самом сайте пишет мотивированный отказ. Тем самым избавляясь от многочисленных судебных тяжб, если партнеры не сумели прийти к компромиссу. То есть этот случай – один из видов так называемого смарт-контракта, который может и исполняется новой технической возможностью и инструментом реализации договорных свобод в условиях цифровой экономики. Это подтверждает общее направление развития нашего законодательства в условиях возрастающих практик использования новых цифровых технологий в заключении сделок. И исключает саму возможность создания параллельной нерегулируемой правом реальности, в которой не действуют гарантии осуществления гражданских прав, и не создаются условия для расцвета противоправных действий. Случай непроработанного Государством смарт-контракта – так называемый майнинг криптовалюты, оборот которой во многих странах запрещен, так как очень сложно отследить реальные стороны майнинга. Непрозрачен сам процесс вычисления, соответственно для него сложно подвести правовую и налоговую базу. Проще говоря, Государство на майнинге теряет налоговые поступления, недоимки от которых могут быть использованы недобросовестным предпринимателем на любые цели, вплоть до противоправных.

Развитие цифровизации общества радикально упростило обычный проезд на общественном транспорте. Примером тому – успешный проект Онай. Упростило как для Государства, так и для конечного потребителя услуги. То есть теперь у водителя транспорта практически нет возможности получать неконтролируемый доход, обманывая своего работодателя, а пассажиру стало очень просто оплачивать проезд – наличными, картой и смартфона – что наиболее предпочтительно в силу большой скидки. И как альтернатива - непроработанный смарт-контракт – «служба такси Яндекс». При получении пассажиром услуги перевозки пассажир никогда не получает фискальный чек, являющийся обязательным для всех коммерческих структур, в силу того, что управляющий офис компании находится за границей и совершенно не горящий желанием платить за свою франшизу налоги. Стремительными шагами в нашей республике развивается электронная торговля (одно из направлений Цифровизации). Расчеты с помощью смартфона, расчеты в интернете за покупки,

торговля на специализированных интернет-платформах. Рассмотрим торговую интернет-платформу: платформа предполагает регистрацию пользователей как в качестве покупателя в качестве продавца, проверку подлинности пользователя. При анонимности интернета всегда присутствовали риски как неплатежей так и непоставок. В случае правильно организованного процесса эти риски сведены к минимуму, так как во-первых организатор платформы не пропускает неverified пользователей и обладает правом в случае сомнительной истории и деятельности компании или физического лица отказать в регистрации, во-вторых, компания организатор ВСЕГДА несет ответственность за допущенные случаи неплатежей или непоставок, соответственно, продавец не будет бояться, что ему не оплатят товар либо услугу, а покупатель не будет бояться потери средств за незавершенную покупку. Что без развития цифровизации в нашей стране еще в прошлом веке было невозможно и казалось чуть ли не фантастикой.

Процесс цифровизации не мог не затронуть взаимоотношения государства и его гражданина. Еще не так давно в государственных учреждениях действовали «бумаги-бегунки», затем «принцип одного окна». Все это кануло в прошлое с развитием цифровизации. Создана специализированная платформа «Электронное правительство Республики Казахстан» с помощью которой можно получить более сотен госуслуг в течение определенного времени. Как-то различного рода справки, подтверждения, на получение которых еще в прошлом тратились недели и месяцы хождений и стояний в очередях. То есть гражданин получает конкретные социально значимые результаты от применения цифровых технологий и цифровизации в государственном управлении и качества государственных услуг. Что привело к ускорению общественных процессов во взаимодействии гражданина и государства и способствует выводу развития этих отношений на новый качественный уровень развития.

Цифровизация меняет наше общество, меняет масштаб и скорость преобразований, что предполагает и вызывает необходимость государства реагировать на происходящие процессы и перестраиваться к новым реалиям. Взаимоотношения работодателя и работника, как часть правовых взаимоотношений соответственно не остаются в стороне. Цифровизация и технологии изменяют производство, сервис, управление, иногда полностью меняют сферу труда. Если мы присмотримся к цифровым технологиям проникающим во все сферы нашего общества, отрасли экономики, то можно понять в каком направлении идут изменения и распространение технологий на практике. Рассматривая изменения в сфере труда, порождаемые цифровизацией, необходимо признать потребность в формулировании законом более жестких требований к защите информации, имеющей отношение к работнику. Возможно упомянуть исследователей, работающих над темой влияния цифровизации на трудовые отношения и на их регулирование, среди них профессора И. Прасль (Оксфордский университет), М. Грубер-Рисак (Университет Вены), М. Де Во (Университет Гента, затем – юридическая школа Маккуори, Сидней), А. Алоизи (Международный университет, Мадрид) и т.д. Количество правоведов, разрабатывающих данную тематику, постоянно увеличивается. Для достижения успехов в своей области и даже просто для сохранения завоеванных ранее позиций работодателям приходится все шире использовать цифровые технологии. Цифровизация производства снижает затраты за счет автоматизации труда и уменьшает потребность в работниках, акцент делается на информационные товары, а в компаниях IT-сектора нередко достаточно небольшого количества высококвалифицированных профессионалов. Цифровизация меняет состав и количество задач на рабочих местах, и это повлечет изменения в отношении требований к навыкам работников и к организации труда.

Прежние модели формирования системы правового регулирования отношений работодатель-работник перестают удовлетворять потребностям новой информационно-коммуникационной и технологической среды. И в то же время рынок труда уязвим перед цифровыми технологиями потому, что автоматизация вытесняет человека из некоторых профессий. Цифровизация персонала уберёт потребность в кассирах, машинистах, фасовщиках, почтальонах, вахтёрах. Часть специалистов останется на этих должностях, но

работать придётся в новом формате – управлять и настраивать, а не выполнять действия напрямую. И это стало касаться практически всех сфер нашей жизни. То есть, Цифровизация направлена на создание нормативно-установленных условий для существования и развития цифрового общества как общества нового типа, основанного на цифровом способе производства и обращения товаров, работ и услуг, направленных на развитие цифровой экономики. Отсюда можно сделать вывод, что информационные технологии, как правило, используются для решения отдельных, частных задач, тогда как цифровые технологии позволяют решать комплекс сверхсложных задач в экономической, социальной, государственно-правовой и иных сферах.

Список использованных источников:

1. Журнал: «Трудовое и социальное право». ISSN: 2227-197X. <https://elibrary.ru/item.asp?id=46564678>.
2. «Цифровая трансформация бизнеса». Изменение бизнес-модели для организации нового поколения. *Путер Вайл, Стефани Ворнер*.
3. «ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА ЭЛЕКТРОННЫХ СЧЕТОВ-ФАКТУР» (<https://esf.gov.kz:8443/esf-web/login>)
4. Digital @ Scale. «Книга по цифровизации бизнеса». Владимир Кулагин, Александр Сухаревски, Юрген Мефферт.

Мұхамеджан Ақмарал Болатбекқызы

*магистрант I курса, специальности
«юриспруденция», кафедра гражданского
права и гражданского процесса, трудового
права*

*КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан e-
mail: akmow.009@mail.com*

ПРАВОВЫЕ РИСКИ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ СДЕЛОК

Аннотация: В статье рассматриваются виды правовых рисков при заключении электронных сделок, понятия электронной сделки, электронного документа. Проблема договоров в информационном пространстве всё ещё остается актуальной на сегодняшний момент. В настоящее время политика РК направлена на модернизацию и повышение качества цифровизации населения. Вместе с тем, цифровая политика имеет ряд несовершенств и пробелов, которые ущемляют права потребителей. Анализируются специфика заключения электронных сделок в различных сферах гражданского оборота и также особенности совершения электронной сделки в области законодательства.

Ключевые слова: электронная сделка, правовые риски, электронный документ, цифровая подпись.

Abstract: The article discusses the types of legal risks in the conclusion of electronic transactions, the concepts of an electronic transaction, an electronic document. The problem of contracts in the information space is still relevant at the moment. Currently, the policy of the Republic of Kazakhstan is aimed at modernizing and improving the quality of digitalization of the population. At the same time, digital policy has a number of imperfections and gaps that infringe on the rights of consumers. The specifics of the conclusion of electronic transactions in various spheres of civil turnover and also the specifics of the electronic transaction in the field of legislation are analyzed.

Key words: electronic transaction, legal risks, electronic document, digital signature.

В современном мире электронные сделки рассматриваются как ключевой метод транзакций для работы с глобальной цифровой финансовой системой. Вступая в эпоху развития информационных технологий, электронные сделки развиваются во всем деловом мире. Следовательно, люди совершают большинство сделок через Интернет с использованием своих электронных ресурсов, поскольку это намного легче, быстрее и удобнее, нежели осуществление сделок в традиционном формате. Однако также стоит отметить факт того, что наряду с массовым ростом интернет-сделок, растет и количество злоумышленников, электронных мошенников, которые пользуются информационной безграмотностью наших физических и юридических лиц. В данной статье будут рассмотрены основные правовые риски при заключении электронных сделок в сети Интернет, а также пути их устранения.

В целом правовые риски при заключении электронных сделок можно разделить на технические и юридические. К техническим правовым рискам можно отнести риски потери данных, незаконного доступа к данным и другие риски, связанные с техническими аспектами электронного документооборота. Такие риски могут также повлечь правовые последствия и, зачастую, бывает невозможно доказать совершение сделки при отсутствии документа на руках и отсутствии доступа к СЭД. Для того, чтобы не оказаться жертвой IT преступников, необходимо иметь обладать информационной грамотностью, а также полностью обеспечить информационную безопасность своим данным.

Юридические же риски встречаются на практике гораздо чаще. В самую первую очередь это связано в целом с заключением сделки электронного формата. Была ли она заключена надлежащим образом? Согласно п.2 ст.152 ГК РК: «Двусторонние сделки могут совершаться путем обмена документами, каждый из которых подписывается стороной, от которой он исходит. К совершению сделки в письменной форме приравнивается, если иное не установлено законодательством или соглашением сторон, обмен письмами, телеграммами,

телефонограммами, телетайпограммами, факсами, электронными документами, электронными сообщениями или иными документами, определяющими субъектов и содержание их волеизъявления»[1]. Здесь важно понять значение электронного документа. Так, согласно п.13 ст.1 Закона Республики Казахстан «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» от 7 января 2003 года: «электронный документ - документ, в котором информация представлена в электронно-цифровой форме и удостоверена посредством электронной цифровой подписи»[2]. Однако, как показывает практика, электронная сделка не подписывается обеими сторонами или вообще заключается без подписания. Данную проблему можно решить введением обязательной электронной подписи, что позволит урегулировать данную сферу гражданско-правового оборота. Использование электронной цифровой подписи прописано в Законе Республики Казахстан «Об электронном документе и электронной цифровой подписи»[2], который устанавливает виды и порядок признания действительными электронных подписей.

Стоит отметить, что использование электронной подписи сопряжено с некоторыми рисками. Электронная цифровая подпись - это реквизит документа, который получается в результате криптографического преобразования информации, что позволяет установить владельца подписи и отсутствие искажения информации. Однако электронная подпись не может полностью защитить документ от изменения, поскольку подпись - это всего лишь атрибут документа. Это все равно, что сказать, что номер документа защищает сам документ. Конечно, это невозможно, поэтому каждый участник транзакций в Интернете должен это учитывать, так как риски от этого только возрастают. Документ в процессе отправки может быть перехвачен третьим лицом и использован в его интересах. Конечно, в нашем праве существуют некоторые системы защиты от модификации, блокирования и копирования такой информации. Например, в Уголовном кодексе преступления в области компьютерной информации (статьи 205-213 УК РК) подпадают под отдельный состав, а за это, в свою очередь, предусмотрены определенные санкции. Однако в этом случае иногда просто невозможно идентифицировать человека, от которого происходит компьютерная атака.

Также еще одним риском является сложность определения лиц, от которых исходит оферта или акцепт. В современном мире даже если некоторые компании обладают крепким доверием со стороны своих клиентов, бывает так, что злоумышленники создают похожие на них электронные сайты и аккаунты. Тем самым они пользуются доверием клиентов этих компаний и обманывают их на крупные денежные суммы. В связи с этим возникают проблемы с определением лица, ответственного за некачественный продукт или некачественную услугу, а попытки идентифицировать это лицо по адресу электронного сайта или аккаунта кажутся невозможными, поскольку при создании электронного сайта или аккаунта нет правил, которые предписывали бы указывать действительные, а не вымышленные, данные о человеке при регистрации. Важно всегда проверять подлинность данных, с которыми вы имеете дело.

Помимо этого, невозможно установить, что субъект, заключающий сделку, имеет право это сделать, т.е. может подтвердить свою дееспособность. Здесь стоит упомянуть о гражданах, признанных судом недееспособными или ограниченно дееспособными, которые ограничены в своих правах на заключение таких сделок. В некоторых случаях невозможно отследить лицо, заключающее сделку через Интернет с недееспособным лицом, поскольку сам факт идентификации лиц является ключевой проблемой. В связи с этим огромные риски возлагаются на сторону, заключающую сделки с таким лицом, поскольку, как правило, эти сделки будут признаны судом недействительными.

Таким образом, можно сделать вывод, что электронная сделка равнозначна сделке на бумажном носителе. Допустимость письменной сделки в электронной форме позволяет использование любых электронно-цифровых технологий для выражения воли субъекта на совершение сделки и собственно совершения сделки. Однако современный потребитель, совершающий сделку с использованием Интернета, приобретает значительное количество правовых рисков, начиная с возможных проблем с заменой товара или возвратом денежных средств, причем в меньшем размере, с учетом услуг посредника, и заканчивая возможностью

неполучения услуги или продукт. Стоит отметить, что классические методы торговли и сегодня остаются безопасными для потребителя с юридической точки зрения. Это также отмечается судебной практикой. Хотелось бы отметить, что количество случаев в этой категории ежегодно увеличивается. Поэтому законодателю необходимо обратить внимание на эту проблему и найти пути ее решения. Кроме того, развитие электронной торговли в настоящее время является неизбежным процессом. В то же время установление строгого государственного регулирования электронной торговли сведет к минимуму правовые риски потребителя, заключающего сделки с использованием Интернета.

Список использованной литературы

1. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.01.2022 г.)// https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1006061&doc_id2=1006061#pos=5;-98&pos2=1989;-62
2. Закон Республики Казахстан от 7 января 2003 года № 370-ІІ «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.06.2020 г.)// https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1035484&doc_id2=1035484#activate_doc=2&pos=5;-98&pos2=85;-98&sdoc_params2=text%3D%25D1%2581%25D0%25BE%25D0%25BE%25D0%25B1%25D1%2589%25D0%25B5%25D0%25BD%25D0%25B8%25D0%25B5%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D1035484%26spos%3D1%26tSynonym%3D1%26tShort%3D1%26tSuffix%3D1&sdoc_pos2=0

Жұмадилова Н.С.

*әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университеті,
заң факультетінің 1 курс магистранты*

Бөкеш Азамат

И.Жансүгіров атындағы ЖМУ 1 курс магистранты

Ғылыми жетекшісі: профессор м.а., з.ғ.к. Мұқалдиева Г.Б.

КӘСІПКЕРЛІК ҚЫЗМЕТТІ ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ

Кәсіпкерлік қызмет – тәуекелге бел буып жасалынатын экономикалық әрекет, тауарларды өндіру және сатудан, іс-шарадан, көрсетілген қызметтерден, істелген жұмыстардан жүйелі пайда алуға бағытталған дербес қызмет. Осы мақсатта өзінің мүлкіктік жауапкершілігі, кепілдігі, материалдық емес активтер, сондай-ақ кәсіпкердің жеке еңбегі немесе сырттан тартылған еңбек күші пайдаланылады. Кәсіпкердің жұмсаған ақшасы өтелетеніне, өндірілген тауар пайдамен сатылатындығына кепілдік болмайды. Осыған байланысты меншікті жартылай немесе толықтай жоғалту қауіпі бар. Кәсіпкерлік қызметті құқықтық реттеудің әдісі – құқықтың қоғамдық қатынастарға нормативтік әсер етуін қамтамасыз ететін арнайы құралдар мен тәсілдердің жүйесі. Олар қоғамдық қатынастардың қатысушыларының құқықтары мен міндеттерін анықтау арқылы осылардың әрекет ету ережелерін белгілейді. [1]

Қазақстан Республикасы 1991 жылы тәуелсіздік алғаннан кейін кәсіпкерлік қызметті қолдауға байланысты бірқатар заңдар қабылданды. Қазақстанда кәсіпкерлік қызметтің дамуына «Қазақстанда кәсіпкерліктің дамуы мен шаруашылық қызметтің еркіндігі туралы» (1991), «Жеке кәсіпкерлікті қолдау және қорғау туралы» (1992) заңы сияқты заңдар түрткі болды. 1994 жылдың басында-ақ жеке кәсіпорындар саны 15,7 мыңды құрады және жалпы жұмыспен қамтылғандар саны 164 мыңға жетті. 01.10.1998 ж. Шағын кәсіпкерліктің субъектілер саны 307 мыңды құрады, оларда 1,2 миллион адам жұмыспен қамтылды. Кәсіпкерлік қызметтің негізгі үш саласының ішінен бірінші орынға өндіріс немесе тұтынушылар мен тауар өндірушілер арасындағы делдалдық та емес, сауда шықты. Экономиканы тұрақты болуы және оның бәсекелік сипатын қалыптастырудың басты күштерінің бірі кәсіпкерлікті жетілдіру болып табылады. Жалпы кәсіпкерлік қызметті дамыту үшін бірнеше белгілі шарттар орындалуы қажет:

- Кәсіпкерлік субъектінің белгілі бір дәрежеде еркіндігі мен құқығы болуы қажет. Ол – шаруашылық қызметінің бағытын таңдау, өндірістік, сауда бағдарламаларын анықтау, қаржы көзін таңдау, өнімдерді тасымалдау, өнімге баға белгілеу, табысты өз мұқтажына жұмсау;
- Кәсіпкерлік қабылданатын шешімдерге, одан туындайтын нәтижелерге тәуекелдікті қажет етеді. Қабылдаған шешімдерге деген жауапкершілік болмайтын болса, ол кәсіпкерліктің де болмағаны;
- Кәсіпкерлік қызметтің белгілі коммерциялық табысқа жетуге бағдар ұстауы, экономикада қажетті нарықтық құрылым орнатумен байланысты. Яғни, кәсіпкерлік дамуы үшін оның құқықтық базасы, әлеуметтік-экономикалық шарттары қалануы керек.

Көптеген елдерде кәсіпкерлік қызмет жасау үшін ресми тіркелу талап етіледі, алайда оның шарттары мен өлшемдері әр түрлі болуы мүмкін. Қазақстан Республикасының заңнамасына сәйкес, кәсіпкерлік қызмет заңды тұлғамен немесе заңда белгіленген тәртіппен тіркелген жеке тұлғамен (жеке кәсіпкер) басқарылуы мүмкін. Қазақстан азаматтары мен шет мемлекеттердің азаматтары, сондай-ақ, азаматтардың бірлестіктері кәсіпкерлік субъектілері болып табылады. Жалдамалы еңбекті қолданбай жүзеге асырылатын кәсіпкерлік жеке еңбек қызметі ретінде тіркеледі. Кәсіпкердің еңбегіне ақы төлеу нысаны, тәртібі мен талаптары шартпен айқындалады. Меншікті мемлекет иелігінен алу, кәсіпорындарды жекешелендіру кәсіпкерлік үшін қолайлы жағдай туғызатын экономикалық үдерістер болып табылады. Кәсіпкерлік қызмет өмір сүруінің негізгі мағынасы пайда алуда, кірісті барынша арттыруда. Бұл мақсатқа сатып алушының сұранысын қанағаттандыру арқылы ғана қол

жеткізуге болады. Ал сатып алушы жоғары сапалы тауарды (көрсетілетін қызметті) төмен бағамен сатып алғысы келеді. Өз мақсатына қол жеткізу үшін кәсіпкердің сапалы және бағасы қолжетімді тауар (көрсетілетін қызмет) өндіруі тиіс екендігі түсінікті.[3]

Кәсіпкерлік қызметті құқықтық реттеудің заңнамалық негіздері:

1. Қазақстан Республикасының Конституциясы
2. ҚР Кәсіпкерлік Кодексі
3. 2007 ж. 12 қаңтардағы № 224-III ҚР Жеке кәсіпкерлік туралы Заңы (2009.20.02. берілген өзгерістер мен толықтыруларымен).
4. ҚР Азаматтық Кодексі

Кәсіпкерлік қызметті жүргізу процесі көптеген бағыттар бойынша заңмен реттелетінін білеміз. Бір карағанымызда бұл дұрыс та сияқты, ал екінші жағынан назар аударсақ, кәсіпкерлер әртүрлі меншік нысандарына сүйене отырып қызмет атқаратындықтан мемлекеттің осы саланы реттеуге қатысқаны қажет емес сияқты көрінеді. Өйткені, атқарылып жатқан кәсіпкерлік қызметтерге заңда тыйым салынбаса, онда олар заңға қайшы емес әрекеттер болып табылады. Бұл жерде айта кететін бір жайт, кәсіпкерлер өздерінің қызметтерін жүзеге асыру процесінде басқа тұлғаларға және олардың заңды мүдделері мен құқықтарына нұқсан келтіруге болмайды. Кәсіпкерлік қызметті жүргізу процессінің бағыттары:

- біріншіден, құқықтық реттеудің ұтымды түрлері мен шегін белгілеу;
- екіншіден, кәсіпкерліктің қарқынын төмендетпеуге назар аудару;
- үшіншіден, салық салу және әлеуметтік мәселелерді шешуге кәсіпкерлерді жөн-жосықсыз қатыстыра бермеу;
- төртіншіден, бақылау органдарының кәсіпкерлік объектілерін тексеру жөніндегі қызметтерін тертіпке келтіре отырып, бәсеңдету, олардың нормаларды сақтау жөніндегі талаптарының орынды болуын қадағалау.[2]

Сонымен, кәсіпкерлік қызметті, оны жүргізу процесіне қатысушылардың мүдделерін есепке ала отырып, олармен келісе (бұл жерде олардың мүдделерінің заң шеңберінен шықпауына назар аудару қажет) құқықтық реттеумен айналысуға болады. Осы субъектілерді атап көрсетсек, олар төмендегідей болып бөлінеді:

- 1) қоғам және оның мүддесін қорғауға ат салысатын мемлекет;
- 2) кәсіпорындардың еңбек ұжымдары;
- 3) тауарлар мен өнімдерді тұтынушылар;
- 4) контрагенттер.

Осы субъектілердің мүдделері кәсіпкерлік қызметтің барлық сатыларында немесе жеке дара сатыларында әртүрлі құқықтық нормалармен көрсетілген. Кейде кәсіпкерліктің алғашқы сатысында заң жүзінде белгілі бір талаптар қойылады. Ал, өндіру процесінде кәсіпорындарға әртүрлі сипаттағы талаптар қойылады: табиғатты пайдалану, санитарлық, бухгалтерлік есеп нормаларын сақтау; әртүрлі қорларға (зейнет ақы қорына, әлеуметті сақтандыру және т.б.) міндетті төлемдерді аударуды жүзеге асыру, жасалған өнімдердің технологиялық талаптарға сай болуын қамтамасыз ету. Кәсіпкерлердің шаруашылық қызметтерінің нәтижелері қаржы міндеттемелері тұрғысынан (бюджет алдындағы), сондай-ақ есеп беру тұрғысынан реттеу аясына жатады. Оған басқа да позицияларды қосуға болады. Мысалы, ұжымдық шартты орындау кәсіпкерлікті құру барысында кәсіпорындарға мемлекеттік тіркеуден өту жөніндегі талап қойылған. Мемлекеттік тіркеусіз шаруашылық қызметті жүзеге асыру мүмкін емес және экономикалық айналым аясына заңды түрде араласуға мүмкіндік болмай калады. Банк мекемелерінде шот ашу, шартқа отыру, белгілі бір қызмет түрімен айналысуға лицензия алу тек мемлекеттік тіркеуден өткеннен кейін ғана жүзеге асырылады. Кәсіпкерлік қызметпен айналысудың ерекше нысаны тиісті қызмет түрімен айналысуға құқық беретін лицензия болып табылады. Лицензия беру заң жүзінде белгіленіп, жүзеге асырылады. Лицензия берілетін қызмет түрлері де заң жүзінде белгіленеді. Меншік иесінің мүлкінің базасында өз кәсіпкерлік қызметін жүзеге асырушы кәсіпкер өзінің меншік

иесімен ара-қатынасын шартқа (контрактіге) отыру арқылы айқындауға міндетті. Контрактіде олардың өзара қатынастары көрініс табады: әр жақтың міндеттемелері; мүлікті пайдалану құқығын шектеу; қаржылық өзара қатынастарының тәртібі және жағдайлары; екі жақтың (материалдық жауапкершіліктері; шарттарды бұзудың негіздері және жайлары; кейбір қызмет түрлерімен айналысу құқығын шектеу. Егер осы аталған шарттар бұзылатын болса кәсіпкер мүлік иесінің (меншік иесі) алдында міндеттемесін орындамағаны үшін жауап береді. Меншік иелерінің арасындағы қатынас кәсіпорын жарғысында да көрініс табады. Өйткені, жарғыға құқықтар мен міндеттері ереже түрінде белгіленеді. Кәсіпорын өз қызметін дербес түрде, өз еркімен жоспарлайды, даму белестерін белгілейді және мұнда көптеген өндірілетін өнімдерге, тауарларға, қызметтерге деген сұраныстарды, кәсіпорынның өндірістік және әлеуметтік дамуын қамтамасыз ету қажеттілігін, оның қызметкерлерінің жеке табыстарын жоғарылату сияқты факторларды есепке алады. Алайда, кейбір жағдайларда кәсіпорын жоспарын жергілікті өзін-өзі басқару органдарымен келісе отырып жасауға талап қойылады. Мысалы, экологиялық, демографиялық және басқа да зардаптары болуы мүмкін кәсіпорындардың жоспарлары сол жергілікті жерлердегі халықтың мүддесіне нұқсан келтіретіндіктен сол аудандық, қалалық, меншік иелерімен келісіп жоспарлауды қажет етеді.

Қорытындылай келе, Кәсіпкерлік қызмет тек Қазақстан Республикасының заңдарымен ғана шектелуі мүмкін. Мемлекеттік органдардың жекелеген кәсіпкерлік субъектілерінің артықшылықты жағдайын белгілейтін нормативтік құқықтық актілер қабылдауына тыйым салынады. Қазақстанда қабылданатын нормативтік құқықтық актілердің реттеушілік ықпалын талдаудың жеке элементтері енгізілді. Осылайша, нормативтік құқықтық актілерді әзірлеу сапасын қамтамасыз ету, олардың реттелетін салаға және жемқорлық тәуекелдерді төмендетуге тигізетін әсерін бағалау үшін әзірленетін заңнамалық актілер жобаларының әлеуметтік-экономикалық салдарын бағалау әдістемесі енгізілді, ол көп жағдайда реттеушілік ықпалды талдау моделіне негізделеді.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Предпринимательское право. Курс лекций/ Под ред.Н.И.Клейн. М., 2003 г.
2. «Қазақстан республикасындағы кәсіпкерлік қызметтің даму жолдары және құқықтық негіздері» авт:К.Т. Битеміров, Алматы 1998
3. https://el.kz/news/archive/aza-stan_respublikasynda_k-sipkerlik_-yzmetti_memlekettik_t-r-yda_retteudi_saralau_zh-ne_zertteu/

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация: В последнее время все чаще ученые и практики обращаются к исследованиям в области цифровой экономики. Цифровая экономика - совокупность общественных отношений, складывающихся при использовании электронных технологий, электронной инфраструктуры и услуг, технологий анализа больших объемов данных и прогнозирования в целях оптимизации производства, распределения, обмена, потребления и повышения уровня социально-экономического развития государств. Процессы цифровизации активно входят в нашу жизнь, что позволяет перейти к новым экономическим отношениям.

Интерес представляет предпринимательская деятельность. Авторы обращают внимание на то, что одной из основных проблем в развитии предпринимательской деятельности является нормативно-правовой характер, т.к. государственная политика, несмотря на имеющуюся законодательную базу, продолжает свое развитие.

В качестве вывода можно отметить, что, несмотря на все имеющиеся проблемы в сфере предпринимательства в Казахстане, оно, тем не менее, продолжает развиваться, цифровизация ведет к прозрачности сделок, действий субъектов предпринимательских правоотношений, процессов.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, цифровизация, гражданское законодательство, предпринимательские договоры, предпринимательство.

Annotation: Recently, more and more scientists and practitioners are turning to research in the field of digital economy. The digital economy is a set of public relations that develop when using electronic technologies, electronic infrastructure and services, technologies for analyzing large amounts of data and forecasting in order to optimize production, distribution, exchange, consumption and increase the level of socio-economic development of States. Digitalization processes are actively included in our lives, which allows us to move to new economic relations. The Civil code of the Russian Federation introduced a new name for the contract for providing information services. It is planned that this agreement will be used for collecting information when generating big data.

Business activity is of interest. The authors draw attention to the fact that one of the main problems in the development of business activity is the regulatory nature, since state policy, despite the existing legislative framework, continues to develop.

As a conclusion, we can note that, despite all the existing problems in the sphere of entrepreneurship in Kazakhstan, it nevertheless continues to develop and digitalization leads to transparency of transactions, actions of subjects of business relations, and processes.

Key words: business activity, digitalization, civil legislation, business contracts, entrepreneurship.

Цифровизация существенно изменяет способы ведения бизнеса и получения прибыли. Однако существуют и проблемы, связанные с распределением ответственности за недобросовестные действия, т.к. применение цифровых активов, осмысление понятия как виртуальной вещи есть фундаментальная проблема правовой науки.

В научной юридической литературе под цифровыми активами и технологиями предлагается рассматривать «криптовалюты, токены, технологии распределенных реестров, смарт-контракты, в более широком понимании цифровой актив - любой цифровой файл, хранящийся на любом носителе, на который может быть помещена информация и с которого информация может быть получена или извлечена в будущем» [1].

Представляется, что под цифровыми активами и технологиями предлагается понимать криптовалюты, токены, технологии распределенных реестров, технологии искусственного интеллекта, смарт-контракты.

Основной задачей развития цифровой экономики являются:

формирование спроса на передовые казахстанские цифровые технологии, продукты и платформенные решения;

обеспечение поддержки казахстанских высокотехнологичных компаний - лидеров, разрабатывающих продукты и платформенные решения для цифровой трансформации приоритетных отраслей экономики и социальной сферы;

разработка и реализация «дорожных карт» развития перспективных «сквозных» цифровых технологий.

Цифровизация оказывает существенное влияние на развитие права, прежде всего, в области договорного регулирования. Применение достижений научно-технического прогресса и информационных технологий стимулирует развитие договоров, опосредующих использование новых сложных объектов правоотношений, являющихся результатом развития технологий. Сложность объектов правоотношений обуславливает и усложнение договорного регулирования.

Гражданское законодательство, в ряде случаев содержит прямое указание на то, что сторонами определенных договоров могут быть лишь субъекты предпринимательства в определенных организационно-правовых формах. Договоры между субъектами предпринимательской деятельности, являющимися коммерческими юридическими лицами (государственное предприятие, хозяйственное товарищество, акционерное общество, производственный кооператив,), предполагаются предпринимательскими, т.к. указанные лица в качестве основной цели своей деятельности преследуют извлечение прибыли (п. 1 ст. 34 ГК РК).

Так, предпринимательский договор - комплексный правовой институт, сочетающий нормы частноправовых и публичных начал. Поэтому можно утверждать, что предпринимательский договор представляет собой межотраслевое или же комплексное понятие [2].

Представляется важным рассмотреть юридическое понятие договора. Необходимо отметить, что в цивилистике никогда не было выработано единого представления о договоре. Так, отнесение договора к сделке, а соответственно к юридическому факту, было и продолжает оставаться дискуссионным. Наиболее распространенная позиция состоит в том, что договор относится к разновидности сделки, соответственно выступает в качестве юридического факта [3, с. 18]. Сделками согласно ст. 147 ГК РК признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Договором, в соответствии с гражданским законодательством, является соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей (ст. 378 ГК РК). Юридические факты гражданского права, сделка и договор порождают права и обязанности, порождают гражданско-правовые последствия.

Возникает вопрос: на какие гражданско-правовые последствия указывает законодатель? Юридический факт - это обстоятельство, с которым норма закона связывает юридические последствия в виде возникновения, изменения или прекращения правоотношений. Таким образом, гражданско-правовые последствия заключаются в возникновении, изменении и прекращении правоотношений, т.е. гражданских прав и обязанностей.

Договор как соглашение сторон традиционно рассматривается в соответствии с п. 3 ст. 154 ГК РК. Для юридической литературы характерна следующая тенденция:

одни авторы акцентируют внимание на сущности самого соглашения (совпадение воли сторон). Например, И.Б. Новицкий считает, что каждой из сторон воля соответствует одна другой так, что можно признать, что в сделке выражается согласованная воля сторон [4, с. 95];

другие авторы полагают, что соглашение включает и встречную волю, и тождественность, одновременно признавая договор общим волевым актом [5, с. 85];

некоторые авторы рассматривают договор не как соглашение в смысле действия лица, а как соглашение в смысле результата этого действия [6, с. 412].

Так, Р.О. Халфина выступала одновременно и против утверждения, что договор взаимная сделка, и против того, что договор есть согласие сторон, направленное на возникновение, изменение или прекращение гражданского правоотношения. Она считает, что в понятие договора, помимо согласования воли двух или нескольких лиц, должны быть включены их взаимные гражданские права и обязанности [7, с. 50].

О.А. Красавчиков отмечал, что система прав и обязанностей сторон, это содержание конкретного гражданского правоотношения. Иными словами, в самом договоре нет никаких прав и обязанностей. Он полагает, что в российском законодательстве, а равно в науке права, при употреблении термина договор смешиваются два разных понятия договора как юридического факта и как формы существования правоотношения [8].

М.И. Брагинский указывает, что договоры в качестве сделки, не отличаясь от других юридических фактов, не имеют содержания. Им обладает только возникшее из договора - сделки договорное правоотношение. При этом, как и в любом другом правоотношении, содержание договора составляют взаимные права и обязанности контрагентов [9, с. 413].

Из приведенного анализа можно увидеть, что в цивилистике никогда не было единства взглядов по вопросам договора.

В определении понятия предпринимательского договора также отсутствует единое мнение.

Так, А.В. Брызгалин определяет сущность рассматриваемого явления путем следующей формулировки: торговые сделки выступают разновидностью гражданско-правовых сделок, совершаемых в хозяйственном обороте субъектами предпринимательства (субъективный момент) с целью получения предпринимательского дохода (объективный момент) [10, с. 166].

Как считает В.Ф. Попондопуло, предпринимательской договор - это возмездная гражданско-правовая сделка, совершаемая предпринимателем в коммерческих целях [11, с. 223].

С точки зрения В.В. Ровного, более верным было бы определение торговых сделок через значительную часть гражданско-правовых сделок, имеющих в качестве цели непосредственное или последующее извлечение прибыли, которые используются в предпринимательском обороте и предполагают, как правило, предпринимательский субъектный состав и возмездный характер [22, с. 75]. О.А. Макарова предлагает следующие определения предпринимательского договора. Во-первых, договор в сфере предпринимательства (торговая сделка) - это соглашение между сторонами, являющимися субъектами предпринимательской деятельности, или с участием стороны - предпринимателя об установлении, изменении или прекращении прав и обязанностей, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. Во-вторых, договор в сфере предпринимательства - это гражданско-правовой договор, сторонами которой (или одной из сторон) являются предприниматели, заключаемый в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности [12, с. 190].

Таким образом, конструкция предпринимательского договора сложная для научного исследования. Для определения предпринимательского договора следует выделить следующие критерии:

во-первых, предпринимательский договор заключается в целях осуществления его сторонами (стороной) предпринимательской деятельности;

во-вторых, стороны (или одна сторона) такого договора вступают в обязательственные отношения со своими контрагентами по продаже товаров, пользованию имуществом, выполнению работ, оказанию услуг в связи с тем, что это необходимо для ее (их) профессиональной деятельности, направленной на систематическое получение прибыли;

в-третьих, договор является предпринимательским, если обе стороны - субъекты предпринимательской деятельности. Причем, под субъектами предпринимательской деятельности надо понимать индивидуальных предпринимателей и коммерческие организации, основная цель которых - извлечение прибыли, а также некоммерческие организации, осуществляющие предпринимательскую деятельность лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы.

В этой связи, представляется важным сформулировать следующее понятие предпринимательского договора - это волевой акт, т.е. взаимное соглашение двух или более субъектов предпринимательской деятельности, направленное на осуществление предпринимательской деятельности [13].

Анализируя зарубежное законодательство, можно выделить следующие признаки предпринимательского договора. Так, например, действующее законодательство Республики Казахстан условно выделяет следующие особенности предпринимательского договора [14]:

1) связь с предпринимательской деятельностью, т.е. применение тех или иных договоров для удовлетворения экономических потребностей предпринимателей в процессе осуществления предпринимательской деятельности;

2) наличие хотя бы с одной стороны субъекта, наделенного статусом предпринимателя, действующего в сфере предпринимательства, в любой установленной законом организационно-правовой форме;

3) установление более жестких правил к предпринимателю, включая повышенную ответственность за нарушение договорных обязательств и ограничение в ряде случаев свободы воли субъекта, в результате чего стороны, заключающие договор, ограничиваются в проявлении основных гражданско-правовых принципов: юридического равенства, диспозитивности поведения.

В английском договорном праве коммерческий договор характеризуется рядом признаков. Прежде всего, он опосредует отношения, складывающиеся в сфере предпринимательской (коммерческой) деятельности. Коммерческий договор, как индивидуальный акт, регулирует т.н. «горизонтальные имущественные отношения» (отношения аренды, купли-продажи, страхования, перевозки товаров, финансирования и гарантии и др.).

Во-вторых, договор является коммерческим, если обе стороны - субъекты предпринимательской деятельности (коммерсанты).

В-третьих, коммерческая цель использования передаваемого имущества - следующий критерий (признак) отнесения договора к группе коммерческого (предпринимательского). Когда две стороны решают осуществлять предпринимательскую деятельность, то часто оказывается, что их коммерческие цели могут быть достигнуты с помощью любого вида договора из существующих в большом разнообразии. Правовая природа этих отношений будет зависеть от конкретного выбранного вида договора, но экономический эффект может быть неотличим от экономического эффекта другого [15, с. 159 -163].

Так, зарубежный опыт демонстрирует, что понятие «коммерческий договор» - это двух- или многостороннее соглашение субъектов предпринимательской деятельности, направленное на осуществление коммерческих целей в сфере предпринимательской деятельности.

Существенные изменения происходят в части формы установления договорных правоотношений. Для заключения договоров стороны все чаще используют информационные (компьютерные) технологии, именуемые также электронными (electronic) или в более узком (технологичном) смысле - цифровыми (digital). В этом случае вряд ли следует говорить о каких-либо революционных изменениях, речь идет скорее о развитии понимания письменной формы сделок. При заключении договора возможно использование специальных программных алгоритмов (нередко именуемые роботами), обеспечивающие автоматическое предложение (оферту) или принятие предложения (акцепт) при возникновении определенных внешних обстоятельств (например, изменение цены на рынке на какой-либо товар).

Представляется, что технологическое усовершенствование порядка заключения договоров требуют от государства установления механизмов для реализации свободы договора с тем, чтобы обеспечить защиту сторонам договора.

В современных технологических условиях все более распространяется практика заключения договоров с помощью отправки электронных сообщений. В соответствии с п. 12 ст. 1 Закона «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» от 7 января 2003 года: «электронный документ - документ, в котором информация представлена в электронно-цифровой форме и удостоверена посредством электронной цифровой подписи» [16]. Согласно п. 3 ст. 152 ГК РК: «к совершению сделки в письменной форме приравнивается, если иное не установлено законодательством или соглашением сторон, обмен письмами, телеграммами, телефонограммами, телетайпограммами, факсами, электронными документами, электронными сообщениями или иными документами, определяющими субъектов и содержание их волеизъявления» [17].

Возможно ли совершение сделок в электронной форме рассматривать в качестве смарт-контракта? Ученые по-разному рассматривают дефиницию «смарт-контракт». Так, смарт-контракт - это «программный код, управляющий определенным активом. Квалификация отношений, опосредуемых смарт-контрактом, невозможна без понимания актива, используемого в этом смарт-контракте» [18]; «договор, существующий в форме программного кода» [19, с. 32 - 59]; «автономную компьютерную программу, размещенную на определенном адресе в блокчейне, которая может быть перезапущена бесконечное количество раз и запрограммирована под самые разнообразные нужды бизнес-сообщества» [20].

Выделим характерные черты смарт-контракта: электронная форма, условия договора изложены на одном из языков программирования и реализуются посредством использования технологии блокчейн, является договором присоединения, условная сделка, исполнение договора берет на себя компьютер, отношения сторон регулируются программным кодом. В этой связи, основным элементом смарт-контракта является цифровая подпись, которая подтверждает волю сторон, заключившее такое соглашение. После заключения смарт-контракта он преобразуется в алгоритм и создается токен («электронный жетон») умного договора.

В этой связи, это скорее способ совершения сделки с помощью электронных и иных технических средств.

В заключение следует отметить, что предпринимательство в Казахстане - это любая экономическая деятельность, осуществляемая на коммерческой основе путем реализации товаров, работ, услуг и имущественных прав. Эффективность законодательства в рассматриваемой сфере приобретает важное значение, учитывая, что деятельность предпринимателей регулирует довольно широкий круг нормативно-правовых актов по вопросам предпринимательской деятельности: направления, формы и способы ее осуществления, государственные и правовые гарантии предпринимательской деятельности, порядок охраны и защиты субъектов и содержания предпринимательства, контроль и надзор за его осуществлением и многие другие вопросы. В целом можно сказать, что на современном этапе сложилась правовая основа предпринимательской деятельности.

Следует отметить, что государством предпринимаются меры для развития различных форм предпринимательской деятельности. Малый и средний бизнес занимает значительное место в этом процессе. Достоинство малого и среднего предпринимательства проявляется в развитии и формировании системы нормативного правового обеспечения; принятию государственных программных документов, что является инструментом государственного регулирования экономики, обеспечивающего достижение перспективных целей; созданию специальных институтов развития.

В этой связи, вопросы формирования и последующего развития предпринимательских отношений в Казахстане связаны напрямую со становлением законодательства в этой сфере и ставящие малый и средний бизнес в привилегированное положение, защищающие ее интересы перед крупным бизнесом и перед административным произволом государственных органов.

При этом должна быть реализована в условиях цифровой экономики и основная задача государства по обеспечению свободы экономической деятельности, сбалансированности интересов всех участников, защиты их прав и интересов. Основная задача в сфере правового регулирования предпринимательской деятельности - определение баланса таким образом, чтобы нормативные ограничения права на предпринимательскую деятельность не приводили к его умалению, наличию препятствий, преодоление которых не представляется возможным или целесообразным, т.е. к злоупотреблению правом со стороны государства. Но, в то же время нельзя допустить подобных злоупотреблений со стороны предпринимателей, поскольку отсутствие правового регулирования неминуемо приведет к массовым нарушениям прав граждан, угрозе жизни и здоровья населения и другим неблагоприятным последствиям, а в конечном счете не позволит качественно и эффективно развивать право на свободу предпринимательства в Казахстане.

Вывод. Цифровая экономика имеет свои особенности, которые представляется необходимым выделить: неразрывность информации с носителями; энергетическая безопасность и независимость. Поэтому тотальный переход к цифровизации всех процессов возможен лишь в условиях внутреннего и внешнего состояния или положения страны.

Список использованных источников:

- [1] Цит. по: Макаручук Н.В. Публично-правовые ограничения использования цифровых активов и технологий // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». - 2019. - № 1 // Санникова Л.В., Харитоновна Ю.С. Цифровые активы как объекты предпринимательского оборота // Право и экономика. - 2018. - № 4. - С. 27-34 // СПС «КонсультантПлюс».
- [2] Дильман В.И. Предпринимательский договор - договор поставки // Молодежный научный форум: электр. сб. ст. по мат. IX Междунар. студ. науч.-практ. конф. № 8(9). URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_interdisciplinarity/8\(9\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_interdisciplinarity/8(9).pdf) (дата обращения: 03.06.2019)
- [3] Брагинский М.И., Витрянский В.В., Договорное право: общие положения. - 2-е изд. - М.: Статут, 2005. - С. 18.
- [4] Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. - М.: Госюриздат, 1954. - С. 95.
- [5] Илюшина М.Н. Вопросы построения законодательства о коммерческих сделках // Вестник МУ МВД России. - 2008. - № 7.
- [6] Гавзе Ф.И. Социалистический гражданско-правовой договор. - М.: Госюриздат, 1972. - С. 85; Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. -М.: Юрайт-Издатель, 2008. - С. 412.
- [7] Халфина Р.О. Значение и сущность договора в социалистическом гражданском праве.
- [8] Красавчиков О.А. Гражданско-правовой договор: понятие, содержание и функции // Гражданско-правовой договор и его функции: межвуз. сб. науч. тр. - Свердловск, 1980.
- [9] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. первая: общие положения. - М.: Юрайт-Издатель, 2008. - С. 413.
- [10] Брызгалин А.В. Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере организации и деятельности субъектов предпринимательства: дис. ... канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 1993. - С. 166.
- [11] Попондопуло В.Ф. Правовой режим предпринимательства: дис. ... д-ра юрид. наук -Л., 1994. - С. 223.
- [12] Макарова О.А. Понятие договора в сфере предпринимательства // Коммерческое право: учеб. / под ред. В.Ф. Попондопуло, В.Ф. Яковлевой. - СПб.: Изд-во СПбУ, 1997. - С. 190.
- [13] Приженникова А.Н. Понятие предпринимательского договора: материалы «круглого стола», проводимого в рамках XIII Междунар. науч.-практ. конф. с элементами научной школы «Актуальные проблемы права России и стран СНГ- 2011». - Челябинск, 2011.
- [14] Илюшина М.Н. Вопросы построения законодательства о коммерческих сделках // Вестник МУ МВД России. - 2008. - № 7.
- [15] Мельникова С.Г. Правовая характеристика внешнеторговых сделок // Юриспруденция. - 2010. - № 4 (20). - С. 159-163.

- [16] Закон Республики Казахстан от 7 января 2003 года № 370-II «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.06.2020 г.)
- [17] Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть), принят Верховным Советом Республики Казахстан 27 декабря 1994 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.01.2022 г.)
- [18] Право в сфере Интернета: сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. - М.: Статут, 2018) // СПС «КонсультантПлюс».
- [19] Савельев А.И. Договорное право 2.0: «Умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. - 2016. - № 3. - С. 32-59.
- [20] Цит. по: Громова Е.А. Смарт-контракты в России: попытка определения правовой сущности // Право и цифровая экономика. - 2018. - № 2 // Lauslahti K., Mattila J., Seppala T. Smart Contracts -How will Blockchain Technology Affect Contractual Practices // URL: <https://www.etla.fi/wp-content/uploads/ETLA-Raportit-Reports-68.pdf> (дата обращения: 18.02.2018).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАПРЕТА УСТУПКИ ПРАВА ТРЕБОВАНИЯ

Аннотация: в рамках данной статьи рассмотрены основания недопустимости уступки права (требования); запрет уступки права (требования), противоречащие законодательству. Также рассмотрен вопрос возможности уступки арбитражной оговорки по договору цессии, а также цифровых прав. Актуальность данной темы заключается в том, что уступка права (требования) как способ договорной передачи прав, регулируется в законодательстве, по крайней мере, всех значимых правовых систем на протяжении длительной истории развития общества. В статье анализируется законодательство зарубежных стран в области рассматриваемой темы, и приводятся практические примеры.

Ключевые слова: обязательство, кредитор, должник, договор цессии, цедент, цессионарий, арбитражное соглашение, цифровые права, цифровые активы.

Annotation: Within the framework of this article, the grounds for the inadmissibility of the assignment of law (requirements) are considered; The ban on the assignment of law (requirements) contrary to law. The issue of the possibility of assigning an arbitration reservation under a assignment agreement, as well as digital rights, has also been considered. The relevance of this topic lies in the fact that the assignment of law (claims) as a method of contractual transfer of rights is regulated in the legislation of at least all significant legal systems throughout the long history of the development of the company. The article analyzes the legislation of foreign countries in the field of the topic in question, and practical examples are given.

Keywords: obligation, creditor, debtor, cession, assignor, assignee, arbitration agreement, digital rights.

Понятие «цессия», как и «обязательство» впервые упоминается в работах древнеримских юристов, и в настоящее время в основном используется лишь в литературе. В латинском языке глагол *cedo* (*cessi, cessum*) в-первом случае переводится как, идти, ступать; а во-втором – уступать. Моментом передачи требования от первоначального кредитора (цедента) к новому (цессионарию) является передача документа, который подтверждает право требования.

Однако, согласно ст. 340 Гражданского кодекса Республики Казахстан (далее – ГК РК) такое правопреемство не допускается в обязательствах личного характера. В частности, прямо запрещена уступка права требования возмещения вреда, вызванного повреждением здоровья или причинением смерти, требований об алиментах, так как соответствующие платежи имеют строго целевое назначение, а также в случаях, прямо предусмотренных законодательством или договором.

Л.А. Новоселова пишет, что «любое право (требование), за исключением прямо указанных в законе или в договоре, может быть передано первоначальным кредитором другому лицу по договору уступки требования (цессии). Уступаемость – один из существенных признаков права (требования) как разновидности имущества, особенно если речь идет о денежном требовании. Значит, если из обязательства, в том числе договорного, возникло право (требование) и не имеется установленных законом или договором запретов на его уступку по договору цессии, право (требование) может быть уступлено. И, наоборот, если при отсутствии законного или договорного запрета право (требования) не может быть передано (уступлено), то следует признать, что оно практически отсутствует, поскольку кредитор лишен возможности воспользоваться этим имуществом в своем праве и в своем интересе» [дис галинская 59].

В Гражданском кодексе Российской Федерации в ст.383 также установлены аналогичные запреты перехода права (требования) другому лицу. В РФ изучению данных категорий уделяется большое внимание. В частности, изучением этой темы занимались такие ученые, как Л.А. Новоселова, В.В. Почуйкин, В.А. Белов и др., в Казахстане наиболее обширное научное исследование проводили А.Г. Диденко, Ю.В. Галинская.

Проблемой является то, что перечень прав, не подлежащих уступке четко не определен. Как указывает Ю.В. Галинская наиболее точную характеристику данных прав давал К. Победоносцев. Он давал перечень прав, которые, по его мнению, не могут передаваться: «Не подлежащим передаче признаются иски за обиду, (поскольку с ними не соединяется материальное возмездие или вознаграждение – в имуществе); отношения, возникающие из доверенности и поручения (*ex mandato*), из товарищества, из личного найма, - иногда (как, например, прусское законодательство) из арендного договора, права на алименты» [дис Галинская 62]. Л.А. Новоселова называет такие права «высокоперсонифицированными требованиями», в которых личный характер отношений перевешивает, приводя к исключению права в отношении должника из имущественного оборота. Она считает, что основным критерием является «связь цели установления обязательств с его субъектным составом» [3, с. 61-62].

А.Г. Диденко перечисляет перечень прав, которые не могут передаваться в соответствии с ГК РК, к примеру, п.4 ст. 216 ГК РК, не допускающий уступку преимущественного права покупки доли участниками долевой собственности (данное право неотделимо от вещного права собственника и возможность передачи его исключена, также как не допускается передача аксессуарных прав без передачи прав по основному обязательству в соответствии с п.2 ст. 325 ГК РК) [4, с. 38]. Также А.Г. Диденко указывает, что не допускается передача нанIMATEЛЕМ своих прав по договору проката, согласно п.2 ст. 600 ГК РК и др.

Возникает вопрос, переходит ли арбитражная оговорка при уступке права требования? Согласно закону РК «об арбитраже» от 8 апреля 2016 года, арбитражное соглашение – это письменное соглашение сторон о передаче на рассмотрение в арбитраж спора, который возник или может возникнуть из гражданско – правовых отношений [5]. Арбитражное соглашение может быть заключено в виде арбитражной оговорки в договоре, отдельного соглашения к договору или в виде ссылки в договоре на документ, содержащий арбитражную оговорку, являющейся частью договора, а также путем обмена письмами, телеграммами, телефонограммами, факсами, электронными документами или иными документами, определяющими субъектов и содержание их волеизъявления.

В судебной практике РФ был случай, когда Арбитражный суд Ханты-Мансийского автономного округа – Югры отказался приводить в исполнение решение Кипрского арбитража, напомнив сторонам о пределах действия арбитражного соглашения при перемене лиц в обязательстве. Его поддержали апелляционная и кассационная инстанции. Исходя из материалов дела, в 2005 году между российскими компаниями ЗАО «АС С» и ПАО «М-11» был заключен договор о совместной деятельности, по условиям которого стороны объединяют свои усилия, материальные и прочие ресурсы и совместно действуют без образования юридического лица для достижения общей цели (консорциум): проектирование, строительство и ввод в эксплуатацию офисного здания и многоэтажного жилого дома [6].

Стороны условились о том, что все споры по договору будут разрешаться путем переговоров, а в случае невозможности разрешить спор подобным образом он будет передан в Арбитражный суд Тюменской области. Возможность третейского разбирательства сторонами не рассматривалась, соответствующих соглашений не заключалось. В период с 2005 по 2012 год ПАО «М-11» не выполнило часть обязательств перед контрагентом, что привело к возникновению претензии со стороны ЗАО «АС С» к ПАО «М-11» на сумму 739 млн руб.

В дальнейшем между компаниями ЗАО «АС С» и GDL, инкорпорированной на территории Республики Кипр, был заключен договор цессии, по которому ЗАО «АС С» передавало права требования к ПАО «М-11». Кипрская компания получил право требовать

возмещения ущерба в размере 50% от суммы нанесенных убытков (упущенной выгоды) преднамеренным неисполнением договора о совместной деятельности со стороны ПАО «М-11» и обязанности ПАО «М-11» перечислить сумму в 739 млн руб. Однако между cedentом (из России) и цессионарием (с Кипра) было заключено арбитражное соглашение, по которому все споры из указанного договора цессии передаются в Международный коммерческий арбитражный суд при Международном комитете защиты собственности (Республики Кипр) или в суд общей юрисдикции Кипра в соответствии с их компетенцией.

Кипрская компания подала иск к должнику в кипрский арбитраж, который, в свою очередь, удовлетворил иск по возмещению ущерба в пользу истца, а также возложил на должника расходы на администрирование арбитражного дела в размере 64 тыс. евро. При этом по договору консорциума между ЗАО «АС С» и ПАО «М-11» все споры должны были передаваться в Арбитражный суд Тюменской области. Поскольку ответчик отказался добровольно исполнить решение арбитража, компания GDL обратилась в российский арбитражный суд для признания и приведения в исполнение иностранного арбитражного решения [6].

Арбитражный суд Ханты-Мансийского округа – Югры отказался приводить в исполнение данное решение, обосновав свою позицию тем, что у кипрского цессионария и российской компании-должника не было арбитражного соглашения, а соответственно, у кипрского арбитража не было компетенции рассматривать соответствующий спор. В этом суд поддержали все последующие инстанции.

Аргументируя свою точку зрения, Арбитражный суд ХМАО сослался на постановление президиума Высшего арбитражного суда РФ от 20 апреля 2010 года № 15887/09, в котором сказано, что право на защиту интересов конкретным способом и в конкретном суде, избранном первоначальными сторонами, переходит от первоначального кредитора к цессионарию. Соответственно, на должника не распространяется арбитражное соглашение между cedentом и цессионарием. Таким образом, соглашение сторон о рассмотрении споров в Арбитражном суде Тюменской области, содержащееся в договоре консорциума, сохраняет свою силу и для нового кредитора [6].

Хотелось бы подчеркнуть, что в некоторых случаях, предусмотренных законодательством ряда стран, при перемене лиц в обязательствах арбитражная оговорка транслируется. В России это предусматривается п.11 ст.7 Федерального закона «О международном коммерческом арбитраже» от 7 июля 1993 года, где говорится, что при перемене лица в обязательстве, в отношении которого заключено арбитражное соглашение, данное соглашение действует в отношении как первоначального, так и нового кредитора, а равно как первоначального, так и нового должника [7]. Это возможно в силу договора, например, цессии или перевода долга, или в силу закона, например, при смене собственника арендованного помещения, когда арендодатель в договоре аренды меняется в силу закона, - в этом случае не нового собственника помещения также распространяется арбитражная оговорка в договоре аренды.

В законодательстве РК такая норма не предусмотрена, и данный вопрос вызывает массу противоречий. Поскольку, считая арбитражную оговорку автономным соглашением возникает вопрос о необходимости заключения самостоятельного соглашения о переходе этого права новому кредитору. Как пишет М.К. Сулейменов, «Наша точка зрения на этот вопрос заключается в том, что арбитражное соглашение относится к условиям осуществления передаваемых прав, кредитор же, безусловно, знал или должен был знать о наличии такой оговорки. Для того чтобы уменьшить объем передаваемых прав или изменить условия их осуществления, стороны должны специально оговорить это в договоре цессии» [8, с. 420].

Таким образом, несмотря на то, что законодательно данная норма не закреплена, при подписании договора цессии цессионарий в курсе всех прав, которые ему передаются cedentом, в том числе и об арбитражной оговорке. Соответственно, предполагается, что он дает свое согласие на принятие всех прав по договору, включая арбитражную оговорку.

По отношению согласия должника на передачу прав по арбитражному соглашению новому кредитору действует общее правило п.2 ст.339 ГК РК, заключающееся в том, что при уступке права требования не требуется согласия должника.

В Республики Беларусь сложилась другая позиция. Как пишет в своей статье В.В. Якута, «Высший Хозяйственный Суд Республики Беларусь, рассматривая арбитражную оговорку как институт процессуального права, делает вывод о том, что она не может быть предметом цессии, поскольку «в процессуальном законодательстве отсутствует институт, аналогичный гражданско-правовому институту уступки требования или перевода долга» [9]. Он также утверждает, что посредством цессии могут передаваться только права, а так как арбитражная оговорка является соглашением, она включает в себя и права, и обязанности, тем самым противореча ГК Республики Беларусь (поскольку обязанности передаются в порядке перевода долга).

В отличии от казахстанской позиции в белорусской считается, что уступка арбитражной оговорки без согласия должника невозможна, так как личность кредитора имеет существенное значение. В.В. Якута приводит такой пример: «Предположим, что между белорусским и китайским субъектами хозяйствования заключен договор, в котором имеется арбитражная оговорка, согласно которой споры из данного договора будет рассматривать нейтральный французский арбитраж. Если китайский субъект уступит свои права по договору французскому субъекту, то для белорусского субъекта избранный в договоре арбитраж утратит одного из своих основных преимуществ - нейтральность».

Еще одним отличием является, что в белорусском праве несмотря на то, что арбитражная оговорка является частью договора, она считается автономной. Исходя из этого, арбитражная оговорка рассматривается как самостоятельное соглашение, и не может быть лишь «дополнением» к праву, вытекающему из договора, в который она включена [9].

Таким образом, как уже упоминалось ранее вопрос о уступке арбитражной оговорки является одним из неоднозначных и в теории, и в практике разных стран.

В.А. Белов пишет, что «законодательные ограничения на совершение сделок уступки права требования устанавливаются, исходя из нескольких различных критериев – субъектного, объектного, содержательного и временного» [10, с. 144].

Анализируя гражданское законодательство РК, Ю.В. Галинская выделяет несколько основных группы законодательных запретов уступки права. В первой группе она указывает, что «закон имеет в виду правоотношения, в которых не допускается замена субъектов. Это правоотношения, носящие строго личный характер не только из-за имущественных интересов, но некой складывающейся морально-нравственной связи между сторонами (к примеру, возмещение морального вреда, алиментные обязательства и др.)» [2, с. 67]. Ко второй группе Ю.В. Галинская относит права, передача которых не допускается ввиду ограничения их оборотоспособности как определенных объектов гражданских правоотношений.

В п.1 ст.345 ГК РК также предусмотрен запрет уступки права (требования) в случае если в договоре прямо указано положение, ограничивающее переход прав. Договорный запрет перехода прав служит основанием недействительности цессии.

Еще одним из немаловажных и актуальных вопросов нынешнего времени является так называемые «цифровые права или цифровые активы», объектом каких гражданских прав они могут выступать. Понятие цифровых прав дано в ч.1 статьи 141.1 ГК РФ, «цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам» [11].

Выделяют два различных подхода к определению цифровых прав: цифровые права в российском законе и цифровые активы в казахстанском. В российском законодательстве цифровые права включают в иное имущество (т.е. не в вещи, а именно в имущественные права). Как указывает М.К. Сулейменов, «с одной стороны – это самостоятельное имущественное право; с другой – разновидность обязательства. Но какая именно это разновидность? Практически это то же самое обязательство, только выраженное в цифровой

форме. То есть это не самостоятельное имущественное (обязательственное) право, а просто форма обязательственного права» [11].

Такое обязательство можно приравнять к письменной форме, т.е. обязательство может быть выражено в документальной или в цифровой форме. В российской литературе уже высказывали подобные предложения. К примеру, Л.Ю. Василевская говорит, что «цифровизация прав приводит не к возникновению нового вида имущественных прав, существующего наряду с обязательственными, корпоративными, исключительными правами, а к их цифровому способу фиксации и распространению на них механизма цессии, отчуждения указанных прав» [12].

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что каждый случай уступки права (требования) необходимо рассматривать индивидуально и проверять не подлежит ли запрету такая уступка в силу законодательства или договора.

Список использованных источников

1. Новоселова А.Л. Некоторые вопросы уступки части права (требования) по денежному обязательству // Арбитражная практика. Спец. вып.: Уступка права требования (практика рассмотрения дел в арбитражных судах). – 2001. – С. 56-63
2. Галинская Ю.В. Теоретические и практические аспекты института цессии по законодательству Республики Казахстан дис. ...к.ю.н.: Галинская Юлия Валерьевна. – Алматы, 2009. – 140 с.
3. Новоселова Л.А. Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике. Факторинг. – М.: Статут, 2004. – 494 с.
4. Диденко А.Г. Уступка права требования. Гражданское законодательство. Статьи. Комментарии. Практика. – Алматы: ЮРИСТ, 2004. – Вып. 19. – С. 30-39
5. Закон Республики Казахстан от 8 апреля 2016 года № 488-V «Об арбитраже» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21.01.2019 г.) [Электронный ресурс] // Информационные системы ПАРАГРАФ. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35110250 (дата обращения: 12.03.2022)
6. Коротков К. При перемене лиц в обязательстве арбитражное соглашение сохраняется [Электронный ресурс] // ARBITRATION JOURNAL. – 2019. – Режим доступа: <https://journal.arbitration.ru/ru/cases/prgi-peremene-lits-v-obyazatelstve-arbitrazhnoe-soglashenie-sokhranyaetsya/> (дата обращения: 12.03.2022)
7. Закон Российской Федерации от 7 июля 1993 года № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс: Законодательство: Версия Проф. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2303/ (дата обращения: 12.03.2022)
8. Сулейменов М.К. Международное частное право и международный гражданский процесс: Учебник в двух частях. – Алматы: ТОО «Юридическая фирма «Зангер», 2018. – 496 с.
9. Якута В.В. Цессия арбитражной оговорки [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/96395/1/467-469.pdf> (дата обращения: 12.03.2022)
10. Белов В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве. – М.: ЮрИнфоР, 2000. – 288 с.
11. Сулейменов М.К. Цифровизация и совершенствование гражданского законодательства [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35012332&pos=4;-108#pos=4 (дата обращения: 12.03.2022)
12. Василевская Л.Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://urfac.ru/?p=2398> (дата обращения: 12.03.2022)

ЦИФРЛЫҚ ДАМУ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ БАЛА ҚҰҚЫҚТАРЫН ҚОРҒАУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Еңбек өнімділігін арттыратын және капиталдандырудың өсуіне әкелетін серпінді технологиялар мен мүмкіндіктерді пайдалана отырып, ҚР экономикасының дәстүрлі салаларын қайта құру мақсатындағы цифрлық даму құқық саласын кеңейту, оның қоғамдық өмірдің барлық салаларын реттеуші ретіндегі әрекеті. Неке және ата-ана, бала қатынастары да осы цифрлық даму жағдайында құқықтық реттеу аясынан тыс қалмаған және сипаты бойынша сенімді сипатқа ие болатын қатынастар. Осыған байланысты құқықтық әдебиеттерде, зерттеуерде «цифрлық адам құқықтары» термині пайда болды. Оның мәні адамдардың компьютерлерге және басқа да электрондық құрылғыларға, сондай-ақ байланыс желілеріне қол жеткізу және пайдалану үшін сандық туындыларға қол жеткізу, пайдалану, құру және жариялау құқығын білдіреді; еркін сөйлесу және пікір білдіру құқығы және жеке ақпарат саласына қол сұғылмау құқығы, оның ішінде құпиялылық құқығы, оның цифрланған жеке ақпаратының анонимділігі.

Цифрлық адам құқықтары дегеніміз-адамның жалпыға бірдей құқықтарын ақпаратқа негізделген қоғамдағы қажеттіліктеріне қарай нақтылау ретінде адам үшін, мемлекет үшін технологияны қолданудың түбегейлі жаңа мүмкіндіктері. Мысалы бұған дәлел ретінде адам мен азаматтың негізгі құқықтары мен бостандықтарын бекітетін конституциялық нормалардың бірқатары қазіргі уақытта цифрлық кеңістікте іске асырылуы мүмкіндігі бар. Бұл интернет желісінде ақпаратты еркін іздеу, алу, беру, өндіру және тарату құқығы.

Негізінен, қоғамдық өмірдің барлық салаларын «цифрландыру», «цифрлық революция» жасау негізінде азаматтық айналымда қызмет жасау қалыпты жағдайға ауысуда. Біз цифрлық технологиялардың экономикаға, заңға және саясатқа нақты әсер ете отырып, заңнамада айтарлықтай өзгерістерді қажет етеді. Бүгінде нанотехнологиялар, биотехнологиялар, когнитивтік, ақпараттық, цифрлық және түрлі әлеуметтік технологиялар қалыптасуда. Біздің еліміз де бұл өзгерістерден тыс қала алмайды.

Қазақстанның да алдында тұрған дамудың негізгі міндеті-қоғамдық өмірдің көптеген салаларында технологияландыру және әр түрлі модернизация арқылы тұрақты экономикалық өсуді қамтамасыз ету. Елімізде орнықты экономикалық дамуға объективті қол жеткізу негізінен өскелең ұрпаққа жүктелгенін білеміз. Жасөспірімдер ақпараттық және цифрлық технологияларды қолдануда үлкен жетістіктерге жеткеніне қарамастан, жаңа технологиялық кезең олардың өміріне қауіп-қатерлер әкеледі. Ересектермен салыстырғанда толық қабілетті емес, физикалық, психикалық және әлеуметтік қатынастарда «әлсіз» балалар үнемі дамып, өзгеріп отырады. Бір жағынан, бұл процесс (баланың дамуы) қоғамның жаңа, тиісті тенденцияларын, әдістері мен формаларын қажет етеді, екінші жағынан, мемлекет пен қоғамның нақты белгіленген мақсаттарға қарай қозғалысының тұрақтылығы жағдайында ғана мүмкін болады.

Жаңғырту жолымен орнықты экономикалық өсу, кем дегенде, ол жүзеге асырылатын және жүзеге асырылатын жағдайлардың тұрақтылығын талап етеді. Осы шарттардың бірі-заң және құқықтық жүйе. Құқықтық теория әлі де цифрландыру туралы түсінік енді енді қалыптасуына байланысты әлі де үлкен жұмыс атқаруды қажет етеді. Балалардың дамуында кез-келген ақпаратты көлемді қабылдауға қабілетті екендігі белгілі, олар оны тез қабылдайтындықтан ақпараттың сапасын, деңгейін, логикалық және тарихи дәйектілігін, моральдық және басқа компоненттерін анықтау өте маңызды. Соңғы онжылдықтар осы талаптарды ескермеу кәметке толмағандарды тағы бір ескеретін нәрсеміз балалар сол ақпараттың тек қана «шыңдарын» ғана қабылдайды.

Технологиялық талаптардың өзгеруіне байланысты кәметке толмағандардың әлеуметтік-құқықтық жағдайының проблемалары көбінесе ата-аналар мен басқа да заңды өкілдер болсын, балалармен тікелей айналысатын адамдарға, сондай-ақ білім беру, тәрбие және басқа құрылымдардың қызметкерлеріне қатысты болады. Баланың құқықтарын іске асыру және қорғау, әрине, алдымен барлық білім беру саласы, өйткені дәл осы сала кәметке толмағандардың ең үлкен шеңберін қамтиды.

Әрине цифрландыру кезінде тек технологиялар ғана емес, адамның өзә, ойы, көзқарасы және жалпы қоғамдық ортаны қабылдауында да өзгерістер болады. Бүгінгі таңда ақпараттық және коммуникативтік технологиялар және әлеуметтік БАҚ балалар өмірінің олардың өмір сүруінің мәні болуда. Бұл жаһандық жүйе тыңдаушыларының көбеюіне әкелді. Жасөспірімдер киберкәністікте еркін өмір сүре отырып, өз мүмкіндіктерін пайдалана алады.

Бір жағынан бұл жаңа қауіптер мен тәуекелдерді де әкеледі. Қазақстан мемлекеті де барлық мемлекеттер сияқты өркәніетті ақпараттық қоғам құру үшін ол қоғамды құратын кім деген сұрақ туындайды. Әрине қазіргі балалар. Сонлықтан цифрлық орта балалардың өмірін қалыптастырады және олардың өмірінде виртуалды қарым-қатынас, егерде ересек адамға тіуекелдер мен қауіпті болжау мүмкіндігі болса, бала ондай қауіптітану , болжау мүмкіндігі болмайды. Сондықтан да цифрлық ортабаланың құқықтарын жүзеге асыру мен қорғауды тиімді қамтамасыз ету жолдарын анықтауымыз қажет.

Ресей Федерациясы осыған байланысты заң қабылдағанын білеміз және Ресей Федерациясының Азаматтық кодексінің 141.1-бабына сәйкес, сандық құқық сандық түрде бекітілген кез-келген құқықты қамтуы мүмкін.

М.К.Сулейменовтың пікірінше, «әрине, сандық құқықтарды заңи фикция ретінде қарастыруға болады. Алайда, заңнамада заңи фикцияны қолдану белгілі бір мақсатқа жетуге, белгілі бір нәтижеге қол жеткізуге ықпал етуі керек. Цифрлық технологиялар қарқынды дамып келеді, жыл сайын ғана емес, ай сайын және күн сайын өзгеріп отырады. Оларды реттеу әрекеттері күтілетін пайда әкелмейді, бірақ бұл процесті тежеу түрінде нақты зиян келтіруі мүмкін, бұл біздің еліміздің басқа елдерден артта қалуына әкеледі. Бұл үдерістерді салалық заңдарда қалай да көрсетуге болады, бірақ Азаматтық кодекске уақытпен тексерілген, заңдық тұрғыдан сауатты және қазіргі заманның болмысына сәйкес келетін нормаларды ғана енгізу қажет»[1].

Қазақстан Республикасының Конституциясының 20 бабында «Әркімнің заң жүзінде тыйым салынбаған кез келген тәсілмен еркін ақпарат алуға және таратуға құқығы бар» [2]. Бірақ бұл құқықтардың осы баптың 2-тармағында көрсетілген «Республиканың конституциялық құрылысын күштеп өзгертуді, оның тұтастығын бұзуды, мемлекет қауіпсіздігіне нұқсан келтіруді, соғысты, әлеуметтік, нәсілдік, ұлттық, діни, тектік-топтық және рулық астамшылықты, сондай-ақ қатыгездік пен зорлық-зомбылыққа бас ұруды насихаттауға немесе үгіттеуге жол берілмейтіндігін ескерсек, бұл шектеулерді ескере отырып, абсолюттік құқықтар емес екендігін атап өтеміз. Сондықтан ақпараттық ортадағы жағымсыз әрекеттер кәметтік жасқа толмаған балалардың құқықтарын қорғауды қамтамасыз етуге бағытталса ата заңымыздың нормаларын бұзу ретінде қарастырмаймыз.

Балаларды денсаулығы мен дамуына зардабын тигізетін ақпараттан қорғау туралы Қазақстан Республикасының Заңы 2018 жылғы 2 шілдедегі № 169-VI ҚРЗ заңына сәйкес, ақпараттық өнім – бұқаралық ақпарат құралдарының өнімі, сондай-ақ адамдардың шектелмеген тобына арналған өзге де аудио-бейне және (немесе) баспа өнімі[3]. Балаларға арналған ақпараттық өнім – бағыты, тақырыбы, мазмұны және безендірілуі бойынша жас санатына сәйкес келетін ақпараттық өнім. Балаларды денсаулығы мен дамуына зардабын тигізетін ақпараттан қорғау – балалардың ақпараттық қауіпсіздігі мақсатында жүргізілетін құқықтық, ұйымдастырушылық, техникалық және басқа да шаралар жиынтығы.

Сонымен қатар осы заңнамама жасөспірімдерге жас санатын қарастыра отырып, «б жасқа дейін» жас санатының ақпараттық өніміне, ақпараттық өнімде жақсылықтың зұлымдықты жеңіп, салтанат құру идеясы, зорлық-зомбылық құрбанына аяушылық білдіру және (немесе) зорлық-зомбылықты айыптау қамтылады деген шартпен, жанр және (немесе)

сюжет тұрғысынан ақталған, физикалық және (немесе) психикалық және (немесе) психологиялық күш көрсетудің натуралистік сипаттауларсыз және (немесе) бейнелеулерсіз эпизодтық сипатталуын және (немесе) бейнеленуін қамтитын ақпараттық өнім жатқызады. Ал, «6 жастан бастап» жас санатының ақпараттық өніміне ақпараттық өнім, сондай-ақ балаларда қорқыныш, үрей туғызатын немесе олардың жанын түршіктіретін, сондай-ақ адами қадір-қасиетті қорлайтын жазатайым оқиғалардың, авариялардың, апаттардың, өлімнің және олардың зардаптарының сипатталуын және (немесе) бейнеленуін қамтымайтын ақпараттық өнім жатқызады. «12 жастан бастап» жас санатының ақпараттық өніміне жоғарыдағы санаттағы ақпараттық өнімді, сондай-ақ балаларда қорқыныш, үрей туғызуы немесе жанын түршіктіруі мүмкін, зардаптары сипатталмай және (немесе) бейнеленбей, жазатайым оқиғалардың, авариялардың, апаттардың, зорлықсыз өлімнің сипатталуын және (немесе) бейнеленуін қамтитын ақпараттық өнім жатқызыады.

«14 жастан бастап» жас санатының ақпараттық өніміне 6 жастан бастап жас санатыныа тиесілі ақпараттық өнімді, сондай-ақ жанр және (немесе) сюжет тұрғысынан ақталған, мыналарды:

1) есірткі, психотроптық заттардың, сол тектестер мен прекурсорлардың, темекі өнімдерінің, алкоголь өнімінің оларды тұтыну қауіптілігі туралы ескерте отырып, оларға әуестенуді қоғамға жат және құқыққа қайшы әрекеттерге арандату ретінде жазғыратын эпизодтық сипатталуын және (немесе) бейнеленуін;

2) адамның құқықтарын және қоғам мен мемлекеттің заңды мүдделерін қорғау жолында күш қолдану салдарынан болған адам өлімінің натуралистік сипаттаусыз және (немесе) бейнелеусіз эпизодтық сипатталуын және (немесе) бейнеленуін қамтитын ақпараттық өнім жатқызады.

«16 жастан бастап» жас санатының ақпараттық өніміне «14 жастан бастап» жас санатының ақпараттық өнімін, сондай-ақ жанр және (немесе) сюжет тұрғысынан ақталған, мыналарды:

1) қатыгездік пен зорлық-зомбылық құрбандарына аяушылық сезімді және қатыгездік пен зорлық-зомбылықты айыптауды туғызатын, суицид және (немесе) адам өлтіру сюжеттерінің эпизодтық сипатталуын және (немесе) бейнеленуін;

2) сексуалдық сипаттағы әрекеттердің сипатталуын және (немесе) бейнеленуін қоспағанда, адамдардың сексуалдық қарым-қатынастарының эпизодтық сипатталуын және (немесе) бейнеленуін қамтитын ақпараттық өнім жатқызады.

Заң балалардың жасына сәйкес келетін ақпарат алу мен тарату құқықтарын іске асыруға байланысты туындайтын қоғамдық қатынастарды реттейді және балаларды денсаулығы мен дамуына зардабын тигізетін ақпараттан қорғауға бағытталған.

Сонымен қатар 2021 жылғы 1 шілдеден бастап Әкімшілік рәсімдер мен әкімшілік сот ісін жүргізуді жүзеге асыру тәртібін бекітетін Қазақстан Республикасының Әкімшілік рәсімдік-процестік кодексі күшіне енді, оның шеңберінде кәмелетке толмағандардың құқықтары мен заңды мүдделері қозғалады. ҚР ӘРПК 27-бабына сәйкес заңда көзделген негіздер бойынша эмансипацияланған кәмелетке толмағандар эмансипацияланған кезден бастап өздерінің процестік құқықтары мен процестік міндеттерін жеке өздері жүзеге асырады. ҚР заңдарында көзделген жағдайларда, жария-құқықтық қатынастардан туындайтын әкімшілік істер бойынша он төрт жастан он сегіз жасқа дейінгі кәмелетке толмағандардың өз құқықтарын, бостандықтары мен заңды мүдделерін жеке өздері қорғауға құқығы бар.

Өз кезегінде, он төрт жасқа толмаған кәмелетке толмағанның, сондай-ақ әрекетке қабілетсіз деп танылған адамның құқықтарын, бостандықтары мен заңды мүдделерін сотта олардың заңды өкілдері, прокурор қорғайды[4].

Кәмелеттік жасқа толмағандардың құқықтарын Қазақстан Республикасының Жарнама туралы Қазақстан Республикасының 2003 жылғы 19 желтоқсандағы N 508 Заңында да қарастырылған. Осы аталған заңдардан басқа да құқықтық актілер кешені кәмелеттік жасқа толмағандардың ақпараттық ортада құқықтарын қорғауды реттейтін заңнамалардың

орындалуын қамтамасыз етеді. Яғни бүгінгі күні балалардың ақпараттық қауіпсіздігін қамтамасыз ету, олардың құқықтарының тиімді жүзеге асырылуы үшін құқықтық нормаларды қабылдау, жетілдіру қажет. Қазақстан Республикасы Жоғарғы Кеңесінің 1994 жылғы 8 маусымдағы қаулысымен ратификацияланған Бала құқықтары туралы конвенцияның 44-бабына және Біріккен Ұлттар Ұйымының Бала құқықтары жөніндегі комитеті 70-сессиясының ұсынымдарына сәйкес Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігінің Балалардың құқықтарын қорғау комитеті Қазақстан Республикасының Бала құқықтары туралы конвенцияны іске асыруы туралы мерзімді баяндамасында атқарылып отырған іс-шараларды жариялап отырады.

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. М.К.Сулейменов. Цифровизация и совершенствование гражданского законодательства//<https://online.zakon.kz>
2. Қазақстан Республикасының Конституциясы 30 тамыз 1995 жылы қабылданған//www.adilet.zan.kz
3. Балаларды денсаулығы мен дамуына зардабын тигізетін ақпараттан қорғау туралы Қазақстан Республикасының Заңы 2018 жылғы 2 шілдедегі № 169-VI ҚРЗ заңы//www.adilet.zan.kz
4. Қазақстан Республикасының Бала құқықтары туралы конвенцияны іске асыруы туралы бесінші және алтыншы жиынтық мерзімді баяндаманы бекіту туралы Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2021 жылғы 28 желтоқсандағы № 942 қаулысы//www.adilet.zan.kz
5. Қазақстан Республикасының Жарнама туралы Қазақстан Республикасының 2003 жылғы 19 желтоқсандағы N 508 Заңы//www.adilet.zan.kz

МАЗМҰНЫ

Сулейменов Майдан Кунтуарович СМАРТ-КОНТРАКТ КАК ПРОГРАММНЫЙ КОД И КАК ГРАЖДАНСКО- ПРАВОВОЙ ДОГОВОР	3
Байдельдинов Даулет Лаикович ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ДОСТУПА К ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	12
Тыныбеков Сериккали Тыныбекович, Мұқалдиева Гулия Бөкешқызы ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ЦИФРЛІК ЭКОНОМИКАСЫН ДАМУ КЕЗЕҢІНДЕГІ ЖАҢА ӨТЕМЕЛІ ҚЫЗМЕТ ШАРТТАРЫН ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ	16
Карагусов Фархад Сергеевич ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОФОРМЛЕНИИ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ	21
Карагусов Ф. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФИНАНСОВЫЙ ЦЕНТР «АСТАНА» КАК <i>EXORBITANT</i> <i>JURISDICTION</i>	27
Карагусов Фархад, ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОФОРМЛЕНИИ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ	32
Межибовская Ирина Владимировна ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН С ГОСУДАРСТВАМИ – УЧАСТНИКАМИ ЕАЭС В ФОРМАТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЦИФРОВЫХ МОДЕРНИЗАЦИЙ	38
Бурибаев Ермек Абильтаевич, Хамзина Жанна Амангельдиновна ТРУДОВЫЕ СПОРЫ: РАЗЪЯСНЕНИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН	44
Ермухаметова С.Р. ЦИФРЛЫҚ ЭКОНОМИКА ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ТҰТЫНУШЫЛАР ҚҰҚЫҚТАРЫНЫҢ МӘСЕЛЕЛЕРІ	51
Нуранова Райхан Куандыковна, Алдашев Сарсенгали Мирзалинович ҚАШЫҚТЫҚТАН ЖҰМЫС ІСТЕЙТІН ҚЫЗМЕТКЕРЛЕРДІҢ ЕҢБЕГІН ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУДІҢ МӘСЕЛЕЛЕРІ	55
Рысқалиев Даулетбай Уразғалиевич ЖҰМЫСКЕРЛЕРДІҢ ЕҢБЕК ЖАҒДАЙЫН АНЫҚТАУДА, РЕТТЕУДЕ ӨКІЛДІ ОРГАНДАРДЫҢ АЛАТЫН ОРНЫ, ҚҰҚЫҚТЫҚ СҰРАҚТАРЫ	61
Сапарбекова Жазира Сапарбекқызы	

АЗАМАТТЫҚ ПРОЦЕСТЕ ІТ СОТ КӨМЕКШІСІН ЕНГІЗУДІҢ РӨЛІ	69
Худайбердина Гульнура Азраталиевна ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СМАРТ-КОНТРАКТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	72
Нурахметова Гульмира Галиевна ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В НОТАРИАТЕ	75
Алмагамбетова Гаухар Николаевна ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОНТРАКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ	79
Мұхамеджан Ақмарал Болатбекқызы ПРАВОВЫЕ РИСКИ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ СДЕЛОК	83
Жұмадилова Н.С., <i>Бөкеш Азамат</i> КӘСПКЕРЛІК ҚЫЗМЕТТІ ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ	86
Женисхан Алишер ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ	89
Егизбаева Дарига Нурлановна АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАПРЕТА УСТУПКИ ПРАВА ТРЕБОВАНИЯ	96
Есенгазиева А. ЦИФРЛЫҚ ДАМУ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ БАЛА ҚҰҚЫҚТАРЫН ҚОРҒАУ МӘСЕЛЕЛЕРІ	101

МАТЕРИАЛЫ
республиканской научно-практической конференции
**«НОВЫЕ ФОРМЫ КОНТРАКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ»**

посвященной памяти доктора юридических наук
АМИРХАНОВОЙ ИРИНЫ ВИКТОРОВНЫ

Алматы, 29 апреля 2022 г.

ИБ № 15232
Подписано в печать 22.10.2022. Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Объем 8,8 п.л. Тираж 50 экз.

Издательский дом «Қазақ университеті»
Қазақського національного университеті ім. аль-Фарабі.
050040, г. Алматы, пр. аль-Фарабі, 71.
Отпечатано в типографии издательского дома «Қазақ университеті».